

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025 Том 69 № 2 Февраль

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227
e-ISSN 2782-4330

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), С.В. Жуков (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), А.М. Искандарян (Институт Кавказа, Республика Армения), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), В.А. Крюков (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Университет Турку, Финляндия), А.В. Ломанов (ИМЭМО, Москва), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), И.С. Семененко (ИМЭМО, Москва), Н. Симотомаи (Университет Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический ун-т, Шанхай), К.К. Худолей (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва), З.К. Шаукенова (НАН Республики Казахстан)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: memojournal@mail.ru, memojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2025

© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2025

© Составление. Редакция журнала

“Мировая экономика и международные отношения”, 2025

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2025 Vol. 69 No. 2 February

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 0131-2227

e-ISSN 2782-4330

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZHUKOV S. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), ISKANDARYAN A. (Caucasus Institute, Armenia), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRYUKOV V. (Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), LOMANOV A. (IMEMO, Moscow), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SEMENENKO I. (IMEMO, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow), SHAUKENOVA Z. (National Academy of Science Republic of Kazakhstan)

Office Manager **E. RUBTSOVA**

Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Tel.: +7-499-128-08-83

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2025

© Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations RAS, 2025

© Editorial Board of "World Economy and International Relations",
2025

СОДЕРЖАНИЕ

2025, Том 69, Номер 2

Экономика, экономическая теория

- Битва титанов: структурные сдвиги в глобальной производственной деятельности МНК
М. Юревич, А. Федюнина, Ю. Симачев 5
- Ценовые механизмы цифровой экономики: *divide et impera*
Н. Розанова 16

Европа: новые реалии

- Особенности коллективной секьюритизации в Европейском союзе
(На примере динамики Общей политики безопасности и обороны ЕС)
К. Гусейнов 25
- Иммиграция и этноконфессиональная неоднородность в современной Франции:
противостояние обостряется
Н. Лапина 34

Большой Ближний Восток

- Террористические сети “глобального джихада” в 2020-е годы: новые формы, локации и вызовы
А. Яшлавский 44
- ИГИЛ–“Талибан”: экзистенциальное противостояние регионального значения в Афганистане
Г. Мачитидзе 55
- Возвращение “Талибана” к власти как фактор трансформации угроз и вызовов
для региональной безопасности
Р. Махмудов 65

Китай: внутренняя и внешняя политика

- Сотрудничество Китая и Центральной Азии в области возобновляемой энергетики
С. Чжай, Ж. Жуман, Б. Ду 76
- Тайваньский вопрос как неоколониальная проблема
Н. Литвак, Н. Помозова 85

На постсоветском пространстве

- Образовательная миграция в Евразии: кейс Казахстана
А. Погорельская, А. Покровская 97
- Россия на газовых рынках Южного Кавказа
В. Давтян 110

Из истории ИМЭМО

- Институт мирового хозяйства и мировой политики: к 100-летию создания (Часть вторая)
П. Черкасов 120

Вокруг книг

- Когда середина становится золотой...
В. Кувалдин 131
-
-

CONTENTS

2025, Vol. 69, No. 2

Economy, Economic Theory

- Battle of Titans: Structural Shifts in MNCs Global Production
M. Yurevich, A. Fedyunina, Yu. Simachev 5
- Price Mechanisms of Digital Economy: Divide Et Impera
N. Rozanova 16

Europe: New Realities

- Features of Collective Securitization in the European Union
(The example of the EU Common Security and Defence Policy dynamics)
K. Guseinov 25
- Immigration and Ethno-Confessional Heterogeneity in Modern France: the Confrontation is Aggravating
N. Lapina 34

Greater Middle East

- Terrorist Networks of the “Global Jihad” in the 2020s: New Forms, Locations and Challenges
A. Yashlavsky 44
- ISIL-Taliban: An Existential Confrontation of Regional Significance in Afghanistan
G. Machitidze 55
- The Return of the Taliban to Power as a Factor in the Transformation of Threats
and Challenges to Regional Security
R. Makhmudov 65

China: Domestic and Foreign Policies

- Cooperation of China and Central Asia in Renewable Energy
Xuan Zhai, Jappar Juman, Bingham Du 76
- The Taiwan Question as a Neocolonial Problem
N. Litvak, N. Pomezova 85

At Post-Soviet Space

- Educational Migration in Eurasia: the Case of Kazakhstan
A. Pogorelskaya, A. Pokrovskaia 97
- Russia in the South Caucasus Gas Markets
V. Davtyan 110

From History of IMEMO

- Institute of World Economy and World Politics: the 100th Anniversary of Foundation (Part Two)
P. Cherkasov 120

Around Books

- When the Middle Becomes Gold...
V. Kuvaldin 131
-
-

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15

EDN: WPCKKY

БИТВА ТИТАНОВ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНК

© 2025 г. М.А. Юревич, А.А. Федюнина, Ю.В. Симачев

*ЮРЕВИЧ Максим Андреевич, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0003-2986-4825, mayurevich@fa.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23;
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

*ФЕДЮНИНА Анна Андреевна, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0002-2405-8106, afedyunina@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

*СИМАЧЕВ Юрий Вячеславович, кандидат технических наук, профессор,
ORCID 0000-0003-3015-3668, yusimachev@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 27.05.2024. После доработки 06.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Происходящие в мировой экономике структурные сдвиги меняют характер и способ международной экспансии многонациональных компаний (МНК), их роль в глобальном производстве. Однако исследования их поведения обычно опираются на данные о потоках прямых иностранных инвестиций, которые не дают полной картины участия МНК в экономике принимающих стран. Мы используем базу данных *AAMNE OECD* и показываем, что применение статистики о выпуске МНК позволяет глубже понять структурные сдвиги в их производственной деятельности. Согласно сделанным оценкам, ненаращивание офшоринга (в частности, китайскими МНК) вовсе не означает ограниченного присутствия на зарубежных рынках, а расширение выпуска за пределами материнских стран (например, МНК Германии, Франции, США) не всегда приводит к распространению глобальных цепочек создания стоимости в отраслях обрабатывающей промышленности. Полученные результаты указывают на целесообразность использования данных об участии МНК в выпуске домашних и принимающих экономик для анализа происходящих структурных сдвигов и оценки эффективности инструментов промышленной политики.

Ключевые слова: МНК, офшоринг, рещоринг, глобальные цепочки создания стоимости.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10110 “Российские компании в глобальных цепочках создания стоимости до и после пандемии *COVID-19*: эффекты инноваций и трансформации бизнес-моделей”.

BATTLE OF TITANS: STRUCTURAL SHIFTS IN MNCs GLOBAL PRODUCTION

*Maksim A. YUREVICH,
ORCID 0000-0003-2986-4825, mayurevich@fa.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

*Anna A. FEDYUNINA,
ORCID 0000-0002-2405-8106, afedyunina@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

*Yuriy V. SIMACHEV,
ORCID 0000-0003-3015-3668, yusimachev@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Received 27.05.2024. Revised 06.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation, Project no. 22-78-10110 “Russian companies in global value chains before and after the COVID-19 pandemic: the effects of innovation and transformation of business models”.

Abstract. Structural shifts occurring in the global economy are changing the nature and mode of international expansion for multinational corporations (MNCs) and their participation in global production. However, scholars and researchers still have few tools to analyze such shifts, and studies of MNC behavior are often limited by data on foreign direct investment flows, which often do not reflect MNC participation in host countries. We use data from the AAMNE OECD database and demonstrate that using statistics on MNC output allows for a deeper understanding of the structural shifts in MNC participation in global production. The results confirm existing observations that the use of data on FDI flows is insufficient to provide a comprehensive assessment of MNCs’ participation in modern global production. The application of MNC output data also provides another perspective on the spread of global value chains and confirms the standard observation that the most active formation of global chains in the last two decades has been in the automotive and computer and electronics industries. The estimates obtained show that the absence of offshoring growth in the case of Chinese MNCs does not necessarily imply limited participation in foreign markets. Moreover, the expansion of offshoring production in developed countries (such as Germany, France, the United States) does not always lead to the spread of global value chains in manufacturing industries. In future research, it would be important to use data on MNC participation in the output of both home and host economies to analyze ongoing structural shifts and assess the effectiveness of industrial policy instruments.

Keywords: MNCs, offshoring, reshoring, global value chains.

About authors:

Maksim A. YUREVICH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

Anna A. FEDYUNINA, Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director of the Centre for Industrial Policy Studies.

Yuriy V. SIMACHEV, Cand. Sci. (Tech.), Professor, Director for Economic Policy, Director of the Centre for Industrial Policy Studies.

ВВЕДЕНИЕ

После продолжительного периода высоких темпов мирового роста международной торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в последние несколько лет наблюдается существенное замедление динамики этих процессов [1]. Эксперты отмечают признаки деглобализации и разрыва экономических связей (*de-coupling*) [2], тенденции к которым поддерживаются усилением политики протекционизма и следования национальным интересам [3]. При этом констатируется, что сегодня мировая экономика является в высокой степени связанной, отражая так называемую сцепленную (*chained*) глобализацию, и ожидается, что государства и дальше будут связаны друг с другом, однако это будет происходить на фоне возрастающей конкуренции [4]. Повышение роли структурной промышленной политики (*industrial policy*) и протекционизма не ослабит экономической взаимосвязи между странами, однако приведет к изменению ее характера, реконфигурации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) [5, 6], перераспределению экономических сил и миграции центров накопления капитала [7].

Смещение полюсов роста мировой экономики обычно связывают с замедлением роста технологического потенциала США, Японии, некоторых европейских стран и укреплением экономического потенциала развивающихся стран во главе с Китаем [8]. Однако после ми-

рового экономического кризиса 2008–2009 гг. глобализация начала замедляться [ист. 1], а некоторые процессы интеграции — и вовсе разворачиваться вспять [9, 10]. Замедлению глобализации в последние годы способствовали вспышка пандемии *COVID-19*, нарастание международной конфликтности и предпринятые в ответ на эти вызовы меры активной политики развитых и развивающихся государств.

Реагируя на происходящие изменения, компании трансформируют ГЦСС, в том числе меняют их географию и организацию таким образом, чтобы обеспечить устойчивость и долговечность [5, 11]. За трансформацией ГЦСС стоят многонациональные компании, которые по определению формируют 100% потоков ПИИ [1], определяют свыше половины мирового экспорта, почти треть мирового ВВП и около четверти рабочих мест [ист. 2]. За несколько минувших десятилетий темпы роста валового выпуска зарубежных филиалов МНК увеличивались быстрее, чем темпы роста мирового ВВП, а продажи зарубежных филиалов — быстрее, чем глобальный экспорт (рис. 1). Соответственно, наблюдение и измерение активности МНК служат ценными инструментами в диагностике направлений развития мировой экономики.

Анализ структурных изменений в ПИИ — традиционном показателе активности МНК [12] — позволяет обсуждать маневрирование глобальной экономики и отдельных стран в координатах

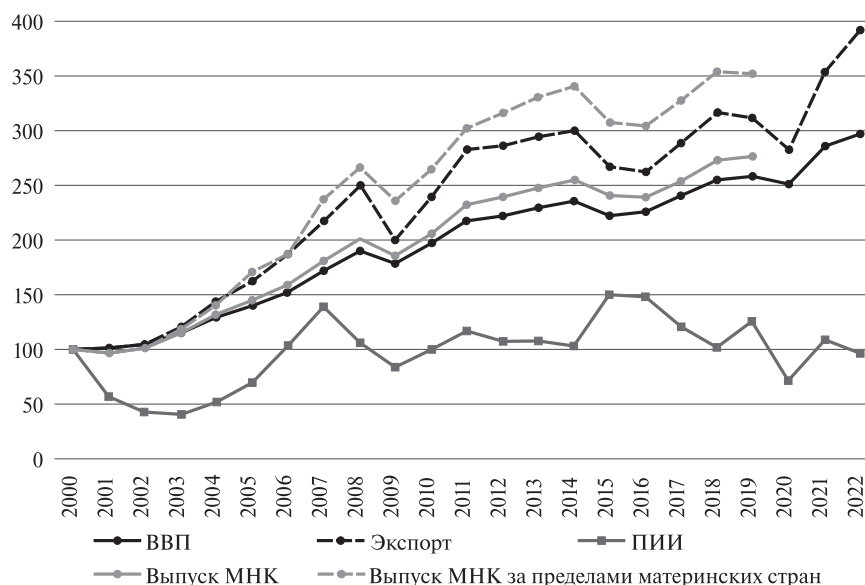

Рис. 1. Темпы роста мировых ВВП, объема экспорта, исходящих потоков ПИИ, выпуска МНК в целом и за пределами стран-метрополий, 2000–2022 гг., % (2000 г. = 100 %)

Рассчитано по данным: [ист-ки 3–5].

глобализация/деглобализация и индустриализация/деиндустриализация (см., например: [13, 14]). Исследование структуры исходящих ПИИ дает возможность определить расширение офшоринга производственных процессов МНК [15]. Однако происходящие в мировой экономике изменения ограничивают пригодность и полезность анализа ПИИ для оценки активности МНК. Развитие цифровых технологий привело к тому, что МНК часто распространяются без осуществления капитальных инвестиций посредством новых бизнес-моделей, основанных на цифровом (виртуальном) присутствии [16], поведение и прибыльность зарубежных филиалов определяются не только капитальными инвестициями и стандартными факторами гравитационной модели, но и наличием у компании нематериальных активов, которые сложно измерить [17, 18]. Наконец использование данных о ПИИ бесполезно в случае, если МНК осуществляет рещоринг, популярность которого существенно выросла в последние годы [19].

Цель статьи — обсудить возможности оценки той активности МНК, которую часто принято считать ненаблюдаемой, а также представить структурные особенности деятельности МНК в принимающих экономиках. Исследование опирается на базу данных *AAMNE OECD*, которая, как представляется, обладает большим потенциалом для получения значимых результатов,

однако до сих пор крайне редко привлекает интерес экспертов. Эти результаты дополняют более ранние свидетельства о специфике деятельности МНК, собранные с использованием опросов компаний и специализированных данных [20], в частности, в отношении рещоринга в страны-метрополии или в соседние государства [21].

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ МНК И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОЦЕНИВАНИЯ

В ответ на меняющиеся условия мировой экономики МНК существенно перестраивают структуру регионального присутствия и роль своих зарубежных подразделений, а также структуру управления, стратегии координации и интеграции отдельных подразделений, что привлекает все больше внимания со стороны исследователей [22, 23, 24]. Особенности учета статистики о ПИИ, а также повышение сложности организации и деятельности МНК делают использование данных о ПИИ одним из полезных, однако недостаточных источников информации о МНК и структурных сдвигах в глобальном производстве и отдельных национальных экономиках [25, 26]. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, использование данных о потоках ПИИ может приводить к смещенным оценкам вследствие многократного счета, поскольку ино-

странные инвестиции часто проходят через офшоры и “перевалочные пункты” [27]. Проводя финансовые ресурсы через “налоговые гавани”, МНК вовсе не преследуют целей производства и продажи товаров или услуг [28]. В глоссарий даже вошел особый термин “предприятия специального назначения” (*special purpose entities*), то есть филиалы МНК с низкой долей нефинансовых активов в совокупных активах и компактным штатом сотрудников [29]. Понимая эту проблему, эксперты недавно начали исключать такие предприятия из статистики ПИИ [30].

Во-вторых, использование этих данных не позволяет учитывать привлечение МНК внутренних инвестиций в принимающей экономике, которые затем формируют добавленную стоимость, но при этом никоим образом не фигурируют в статистике ПИИ [28]. Кроме того, ПИИ отражают лишь финансовый вклад инвестора, а, например, человеческий капитал, который может играть решающую роль в экономической успешности филиала, остается за рамками наблюдения [31]. Наконец официальная статистика ПИИ охватывает не только фирмы, но и инвесторов — физических лиц, хотя их доля в сравнении с институциональными инвесторами незначительна [27].

В качестве иллюстрации отмеченных выше факторов можно использовать эмпирические результаты, которые показывают, что ориентация на показатели накопленных ПИИ ведет к переоценке масштаба деятельности МНК в странах с наличием статуса “налоговой гавани”, а также к его недооценке в странах с развитыми рынками капитала, волатильным обменным курсом и высокой производительностью труда в дочерних подразделениях [28].

Ответом на сложности оценки деятельности МНК стало появление специальных баз данных. Среди них можно выделить следующие: 1) *Multinational Enterprise Information Platform* — разработана ОЭСР совместно со Статистическим отделом ООН, содержит глобальные реестры физических и виртуальных (сайты в сети Интернет) филиалов 500 крупнейших МНК [32]; 2) *Full International and Global Accounts for Research in Input–Output Analysis (FIGARO)* — ресурс Еврокомиссии, агрегирующий сведения о генерируемой занятости, добавленной стоимости и эмиссии углекислого газа от экспортной деятельности европейских стран как внутри самого ЕС, так и на территориях основных торговых

партнеров [33]; 3) *Analytical Activity of Multinational Enterprises (AAMNE)* — разработана ОЭСР, позволяет дезагрегировать статистику международной торговли, учитывая деятельность отечественных и иностранных МНК на территории страны [33].

AAMNE является, пожалуй, самой полной базой данных о международной активности МНК на текущий момент, однако ее использование в эмпирических исследованиях все еще ограничено и представлено преимущественно в препринтах [34, 35, 36, 37]. Методологически база опирается на межотраслевые таблицы затраты–выпуск (*OECD Inter-Country Input–Output Tables*) с выделением национальной принадлежности компаний, участвующих в производстве товаров и услуг. Пороговым критерием для определения МНК служит 50%-я доля иностранной собственности, которая в свою очередь подразделяется на домашнюю и зарубежную с учетом страновой принадлежности рынка оперирования. В этом плане критерии идентификации МНК по данным ПИИ более лояльные (иностранная доля в акционерном капитале не менее 10%). Предприятия в базе *AAMNE* с менее чем 50%-й иностранной собственностью отнесены к внутренним фирмам-неМНК. Версия базы *AAMNE*, опубликованная в 2023 г., позволяет анализировать особенности деятельности МНК в 76 странах по 41 виду экономической деятельности в период с 2000 по 2019 г. [ист. 3], что делает ее пригодной для целей настоящего исследования.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВКЛАДА МНК В ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Страновая структура выпуска МНК в существенной степени концентрирована — МНК из пяти стран (США, Германии, Франции, Японии и Китая) производят свыше половины валового выпуска всех многонациональных компаний (рис. 2). При этом если совокупная доля стран-лидеров за рассматриваемый период несущественно сократилась, то внутри нее произошли значимые изменения — в 4 раза вырос вклад китайских МНК (с 4% в 2000 г. до 19% к 2018 г.), в 2 раза сократился вклад японских МНК (с 14 до 6%), снизился вклад американских МНК (с 30 до 22%). Среди других стран, МНК которых наращивали вклад в глобальное производство, можно выделить Казахстан, Вьетнам, Нигерию, хотя их доля в валовом выпуске по-прежнему мала (0.3–0.5% в 2019 г.).

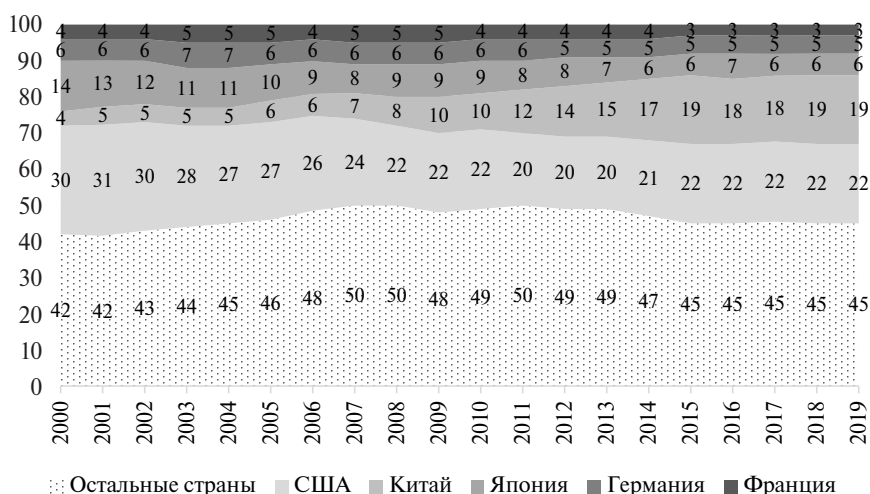

Рис. 2. Доля в совокупном выпуске МНК по материнским странам, 2000–2019 гг., %

Рассчитано по данным: [ист. 3].

Всего по данным 2019 г. вклад трех стран с крупнейшей долей МНК в валовом выпуске (США, Китая и Японии) составляет почти половину глобального (47%), в то время как вклад накопленных исходящих ПИИ [ист. 4] из этих стран не превышает и трети глобальных инвестиций. Это наблюдение, основанное на данных о потоках ПИИ, еще раз подчеркивает существенную смещенность вклада МНК отдельных стран в глобальное производство. В рамках дальнейшего анализа мы сосредоточимся на МНК из пяти стран (США, Китая, Японии, Германии и Франции), которые в совокупности суммарно были лидерами по объему выпуска внутри соответствующих стран и за их пределами на протяжении всего наблюдаемого периода.

Доля зарубежного производства в выпуске МНК (то есть офшоринг) росла вплоть до мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., а затем замерла на уровне примерно 15%. Это наблюдение довольно хорошо сочетается с другими свидетельствами о замораживании или замедлении глобализации с 2010 г. [38, 39].

Из рассматриваемой пятерки стран — лидеров по вкладу МНК только в США после 2015 г. стали наблюдаться признаки сокращения вклада зарубежного производства в выпуск МНК (то есть решоринга). Поразительную синхронность в накоплении иностранного выпуска продемонстрировали МНК из Франции и Германии. При этом ключевым зарубежным рынком для обеих стран были США, и лишь с отставанием — Китай и страны ЕС. Филиалы немец-

ких и французских МНК на территории Китая в 2015–2019 гг. выпустили продукции меньше по сравнению с 2010–2014 гг.

В отношении экономического поведения МНК из Китая сложно сформулировать выраженный тренд. Доля зарубежных филиалов в валовом выпуске китайских МНК на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась на одном уровне — около 5–6%. В научной литературе уделено большое внимание специфике рыночного поведения МНК из развивающихся экономик [40, 41], для которых характерно сочетание развития на национальном и зарубежном рынках, при этом отмечается, что крупный отечественный рынок в ряде случаев является приоритетным. Это подтверждается данными *UNCTAD*, согласно которым стоимость активов 100 крупнейших мировых МНК нефинансового профиля за пределами домашних экономик в 2021 г. превышала стоимость активов, размещенных внутри стран — локаций штаб-квартир, в то время как 100 крупнейших МНК из развивающихся рынков внутри домашних экономик имели активов в два с лишним раза больше, чем за рубежом [ист. 6, р. 51].

В отраслевом разрезе мировая структура выпуска МНК оказалась максимально устойчивой (за 20 лет волатильность отдельно взятых индустрий не выходила за рамки нескольких процентов). На обрабатывающую промышленность пришлось 28–29% совокупного выпуска МНК; 9–10% — оптовая, розничная торговля и ремонт автотранспортных средств; по 6–7% — строительство и деятельность в сфере недвижимости.

Вклад МНК в выпуск обрабатывающих отраслей и его динамика существенно различаются по странам. Прежде всего следует отметить, что расширение выпуска обрабатывающих отраслей в Китае и рост их конкурентоспособности на международных рынках [42] тесно сопровождались ростом китайских МНК в этом секторе. Это подтверждает четырехкратное наращивание их вклада в выпуск всех МНК в рамках обрабатывающей промышленности — с 7% в 2000–2004 гг. до 28% в 2015–2019 гг. Вклад МНК в выпуск этих отраслей в остальных рассматриваемых странах сокращался, что особенно выражено в США — с 23% в 2000–2004 гг. до 14% в 2015–2019 гг. и Японии — с 15 до 8% в эти же периоды, в мень-

шей степени — в Германии и Франции. Складывается впечатление, что очередная волна роста промышленного комплекса в развитых странах после довольно длительного периода сервисизации и деиндустриализации экономик [43] не была поддержана их домашними МНК (табл. 1).

Полученные оценки позволяют выделить модели поведения МНК и их вклада в домашние экономики для пяти крупнейших домашних стран размещения МНК (рис. 3). Первая характерна для Китая — ее можно назвать промышленной экспансией МНК за счет внутреннего рынка. Действительно в рассматриваемом периоде МНК из Китая существенно (в 4 раза) нарастили вклад в выпуск обрабатывающих отраслей,

Таблица 1. Доля МНК из Китая, США, Японии, Германии, Франции и прочих стран в совокупном выпуске всех МНК в обрабатывающей промышленности, 2000–2019 гг., %

	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
США	23	19	15	14
Китай	7	12	21	28
Япония	15	12	9	8
Германия	8	7	6	6
Франция	4	4	3	3
Остальные страны	44	46	45	42

Рассчитано по данным: [ист. 3].

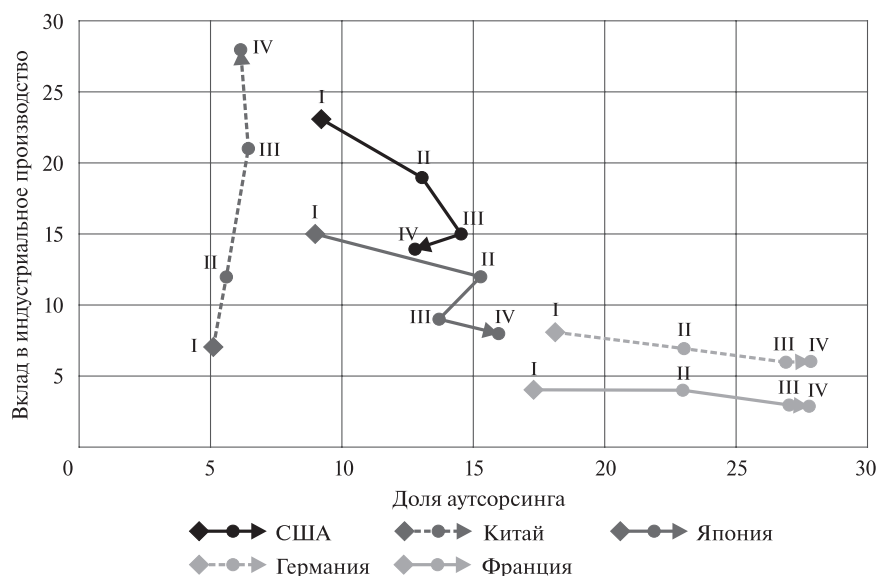

Рис. 3. Вклад в промышленное производство — доля МНК из Китая, США, Японии, Германии и Франции в совокупном выпуске всех МНК в обрабатывающей промышленности, %

Примечание. I — 2000–2004 гг.; II — 2005–2009 гг.; III — 2010–2014 гг.; IV — 2015–2019 гг.

Рассчитано по данным: [ист. 3].

при этом доля офшоринга осталась на низком уровне и не изменилась. Вторая характерна для Германии и Франции — назовем ее моделью децентрализации. МНК выносили производство за пределы домашних экономик, при этом их вклад в выпуск обрабатывающих отраслей не существенно сократился. Наконец третья характерна для США и Японии — это модель реструктуризации, а именно сокращение вклада МНК в выпуск обрабатывающих отраслей и одновременное увеличение офшоринга в выпуске самих МНК.

Выделенные модели поведения МНК и их участия в домашних экономиках важно дополнить двумя наблюдениями. Во-первых, хотя МНК из Германии, Франции, Японии и США обеспечивают почти 40% мирового выпуска МНК и в последние два десятилетия наращивали долю офшоринга в отраслях обрабатывающей промышленности, в целом мировой выпуск этих отраслей не стал более распределенным. Почти во всех отраслях обрабатывающей промышленности доля офшоринга в выпуске МНК осталась неизменной или немного выросла (табл. 2). Доля офшоринга существенна и в рассматрива-

емом периоде еще выросла в производстве автотранспортных средств, а также компьютерной, электронной и оптической продукции. Это традиционные отрасли, в которых в последние десятилетия наблюдалось распространение ГЦСС [44, 45, 46]. Во-вторых, хотя китайские МНК, согласно нашим результатам, не продемонстрировали расширение офшоринга выпуска (в относительном выражении), их рост оказался заметен на большом числе зарубежных рынков, где они заняли лидирующие позиции среди МНК других стран (табл. 3).

Если в начале 2000-х китайские МНК лидировали по объему выпуска в Южной Корее, России и Тайване, то в 2015–2019 гг. они опередили японские МНК в 16 странах, преимущественно Азии и Африки, а также американские МНК из пяти стран, включая “остальные страны” и Швецию. Немецкие корпорации потеснили американские в четырех европейских странах, в том числе в Дании, МНК из США за 20 лет смогли опередить конкурентов лишь в Таиланде. И, пожалуй, самый главный и поразительный вывод заключается в полной потере доминирующего экономического влияния японскими

Таблица 2. Доля офшоринга в выпуске МНК по отраслям обрабатывающей промышленности, 2000–2019 гг., %

Отрасль	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
Пищевые продукты, напитки и табак	18	20	20	19
Текстиль, одежда, кожа и сопутствующие товары	12	15	16	15
Древесина, изделия из нее и пробки	10	12	12	11
Бумажная продукция и полиграфия	18	21	21	21
Кокс и нефтепродукты	20	22	22	20
Химикаты и химическая продукция	31	37	38	37
Фармацевтические препараты, лекарственные химические и растительные продукты	49	53	53	50
Резиновые и пластмассовые изделия	24	28	28	26
Прочие неметаллические минеральные изделия	23	24	21	19
Основные металлы	16	19	17	16
Металлические изделия	13	16	16	16
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	33	42	48	47
Электрооборудование	24	31	30	29
Машины и оборудование	22	27	27	26
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	37	42	47	49
Прочее транспортное оборудование	19	23	23	22
Прочее производство; ремонт и монтаж машин и оборудования	16	19	20	22

Рассчитано по данным: [ист. 3].

Таблица 3. Количество стран, в которых МНК из Китая, США, Японии, Германии и Франции имели наибольший выпуск (по сравнению друг с другом)

	США	Китай	Япония	Германия	Франция
2000–2004	34	3	17	12	6
2015–2019	25	25	0	18	4

Примечание. В выборку попали 72 страны и объединение “остальные страны”; Китай, США, Япония, Германия и Франция были исключены из выборки.

МНК (опять же в сравнении с другими четырьмя странами).

Хотя в расчетах игнорировался размер рынков, а китайские МНК захватили по большей части относительно небольшие развивающиеся экономики, их успех все равно примечателен. Он не в последнюю очередь связан с эффектом “соседства”, когда, например, китайские корпорации освоили рынки других азиатских стран, в том числе благодаря их культурной схожести, удобству логистики, наличию диаспоры и более низкому технологическому уровню [47]. Такой же набор факторов сыграл важную роль и для индийских, бразильских и других южноамериканских МНК. Вместе с тем стратегии экспансии на развитых и развивающихся рынках существенно различаются — бизнес-модели, доказавшие свою успешность на одном из развитых рынков, с высокой долей вероятности легко адаптируются и на других, в то время как отдельные развивающиеся рынки (или как минимум их региональные группы) требуют серьезной калибровки бизнес-процессов [48]. Таким образом, экспансия китайских МНК на неазиатские рынки может натолкнуться на барьеры, лежащие вне экономической плоскости.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Деятельность многонациональных компаний меняет характер и формы, отвечая на современные глобальные вызовы. Для адекватного описания и более точного объяснения происходящих в глобальном производстве структурных сдвигов требуются новые источники данных и альтернативные способы их оценивания.

В статье мы использовали базу данных *AAMNE OECD*, позволяющую проанализировать сдвиги в структуре участия МНК в глобальном производстве. Полученные результаты позволяют подтвердить имеющиеся наблюдения о том, что использование данных о потоках ПИИ недостаточно для того, чтобы представить ком-

плексную оценку участия МНК в современном глобальном производстве. Использование данных о выпуске МНК позволяет также под другим углом посмотреть на распространение глобальных цепочек создания стоимости и подтвердить стандартное наблюдение о том, что наиболее активно их формирование в последние два десятилетия происходило в автомобилестроении и производстве компьютеров и электроники. Мы также получаем оценки масштабов решоринга производств в США, что стало заметным на данных после 2015 г. Это согласуется с комплексом мер, предпринятых американскими властями для того, чтобы вернуть мощности МНК со штаб-квартирами в США из зон производственного офшоринга [19].

Вместе с тем полученные результаты позволяют определить некоторые существенные структурные сдвиги в международной активности МНК, которые не видны на основе данных о структуре ПИИ. Мы получили, что в структуре выпуска китайских МНК в последние два десятилетия не росла доля зарубежной активности. Однако вместе с этим мы наблюдаем существенное расширение присутствия китайских МНК на большом числе зарубежных рынков. Это показывает, что китайские МНК, сохраняя относительно небольшую долю офшоринга, интенсивно росли как на внутреннем, так и внешних рынках, наращивая вклад в выпуск обрабатывающего комплекса. Повидимому, это стало результатом действия сразу множества факторов. В рамках исследуемого периода кардинально менялось отношение властей Китая к исходящим ПИИ: от провозглашения лозунга “Идти вовне” в начале 2000-х годов до ужесточения контроля над ПИИ, смещения фокуса инвестирования с развитых рынков на развивающиеся страны преимущественно Азии и Африки в середине 2010-х годов [49]. Проведенные расчеты продемонстрировали успешность такой стратегии — китайские МНК стали доминировать на азиатских рынках и укрепили свои позиции в других регионах, не утратив устойчивости бла-

года для сохранению ключевых производственных процессов внутри страны.

Рассмотренный пример анализа роли китайских МНК в домашнем и глобальном производстве демонстрирует, что использование данных о вкладе МНК в валовой выпуск помогает лучше понимать организацию их деятельности. Для

перспективных исследований это крайне важно, поскольку позволяет, например, анализировать влияние промышленной политики и отдельных ее инструментов на поведение домашних и иностранных многонациональных компаний, в том числе стимулы для расширения их производства внутри страны и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ahn J., Park J.-H. Contracting with Enemies? Vertical FDI with Outsourcing Contracts. *International Economic Journal*, 2023, vol. 37, iss. 3, pp. 359-386. Available at: <https://doi.org/10.1080/10168737.2023.2242844>
2. Witt M.A., Li P.P., Välikangas L., Lewin A.Y. De-globalization and Decoupling: Game Changing Consequences? *Management and Organization Review*, 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 6-15. Available at: <https://doi.org/10.1017/mor.2021.9>
3. Walter S. The Backlash against Globalization. *Annual Review of Political Science*, 2021, vol. 24, pp. 421-442. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102405>
4. Farrell H., Newman A.L. Chained to Globalization. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 99, no. 1, pp. 70-80.
5. Gereffi G., Lim H.C., Lee J. Trade Policies, Firm Strategies, and Adaptive Reconfigurations of Global Value Chains. *Journal of International Business Policy*, 2021, vol. 4, pp. 506-522. Available at: <https://doi.org/10.1057/s42214-021-00102-z>
6. Gong H., Hassink R., Foster C., Hess M., Garretsen H. Globalisation in Reverse? Reconfiguring the Geographies of Value Chains and Production Networks. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2022, vol. 15, iss. 2, pp. 165-181. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsac012>
7. Балацкий Е.В. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения. *Terra Economicus*, 2018, т. 16, № 1, сс. 37-55.
Balatsky E.V. The Arrighi's Concept of Capital Accumulation Cycles and Its Applications. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 37-55. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55>
8. Синцеров Л.М. Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2022, т. 85, № 6, сс. 819-827.
Sintserov L.M. Transformation of the Role of Multinational Corporations in the Global Economy and Shifts in the Geography of Foreign Direct Investment. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2022, vol. 85, no. 6, pp. 819-827. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.31857/S2587556621060121>
9. James H. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*, 2018, vol. 10, pp. 219-237. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-financial-110217-022625>
10. Kornprobst M., Paul T.V. Globalization, Deglobalization and the Liberal International Order. *International Affairs*, 2021, vol. 97, iss. 5, pp. 1305-1316. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iia120>
11. Martina R., Tylerb P., Storperc M., Evenhuisd E., Glasmeiere A. Globalization at a Critical Conjuncture? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, iss. 11, pp. 3-16. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy002>
12. Paul J., Feliciano-Cestero M.M. Five Decades of Research on Foreign Direct Investment by MNEs: An Overview and Research Agenda. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 124, pp. 800-812. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.04.017>
13. Alderson A.S. Globalization and Deindustrialization: Direct Investment and the Decline of Manufacturing Employment in 17 OECD Nations. *Journal of World-Systems Research*, 1997, vol. 3, iss. 1, pp. 1-34. Available at: <https://doi.org/10.5195/jwsr.1997.119>
14. Vu K., Haraguchi N., Amann J. Deindustrialization in Developed Countries amid Accelerated Globalization: Patterns, Influencers, and Policy Insights. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2021, vol. 59, pp. 454-469. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.09.013>
15. Harrison A., McMillan M. Offshoring Jobs? Multinationals and US Manufacturing Employment. *Review of Economics and Statistics*, 2011, vol. 93, no. 3, pp. 857-875. Available at: https://doi.org/10.1162/REST_a_00085
16. Blázquez L., Díaz-Mora C., González-Díaz B. Slowbalisation or a "New" Type of GVC Participation? The Role of Digital Services. *Journal of Industrial and Business Economics*, 2023, vol. 50, no. 1, pp. 121-147. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00245-x>
17. Contractor F., Yang Y., Gaur A.S. Firm-specific Intangible Assets and Subsidiary Profitability: The Moderating Role of Distance, Ownership Strategy and Subsidiary Experience. *Journal of World Business*, 2016, vol. 51, iss. 6, pp. 950-964. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2016.09.002>

18. Verbeke A., Hutzschenreuter T. The Dark Side of Digital Globalization. *Academy of Management Perspectives*, 2021, vol. 35, no. 4, pp. 606-621. Available at: <https://doi.org/10.5465/amp.2020.0015>
19. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Юревич М.А. Решоринг или офшоринг: как меняется мировое производство в глобальных цепочках стоимости. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 10, сс. 71-81.
Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Yurevich M.A. Reshoring or Offshoring: How Global Production Is Changing in Global Value Chains. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 10, pp. 71-81. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-71-81>
20. Волгина Н. Решоринг в США: особенности и перспективы. *Современная мировая экономика*, 2023, т. 1, № 4, сс. 6-26.
Volgina N. Reshoring in the United States: Features and Prospects. *Contemporary World Economy*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 6-26. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-4-6-26>
21. Lábaj M., Majzlíková E. How Nearshoring Reshapes Global Deindustrialization. *Economics Letters*, 2023, no. 230, 111239. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111239>
22. Ngoasong M.Z., Wang J., Amdam R.P., Bjarnar O. The Role of MNE Subsidiaries in the Practice of Global Business Models in Transforming Economies. *Management and Organization Review*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 254-281. Available at: <https://doi.org/10.1017/mor.2020.55>
23. Kostova T., Marano V., Tallman S. Headquarters—subsidiary Relationships in MNCs: Fifty Years of Evolving Research. *Journal of World Business*, 2016, vol. 51, iss. 1, pp. 176-184. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.09.003>
24. Lunnan R., Tomassen S., Andersson U., Benito G.R. Dealing with Headquarters in the Multinational Corporation: A Subsidiary Perspective on Organizing Costs. *Journal of Organization Design*, 2019, vol. 8, art. 12. Available at: <https://doi.org/10.1186/s41469-019-0052-y>
25. Wacker K.M. (When) Should We Use Foreign Direct Investment Data to Measure the Activities of Multinational Corporations? *Theory and Evidence. Review of International Economics*, 2016, vol. 24, no. 5, pp. 980-999. Available at: <https://doi.org/10.1111/roie.12244>
26. Ergen T., Kohl S., Braun B. Firm Foundations: The Statistical Footprint of Multinational Corporations as a Problem for Political Economy. *Competition & Change*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 44-73. Available at: <https://doi.org/10.1177/10245294221093>
27. Кузнецов А.В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций. *Балтийский регион*, 2016, т. 8, № 3, сс. 30-44.
Kuznetsov A.V. Framework for the Analysis of Geography of Transnational Corporations Investments Abroad. *Baltic Region*, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 30-44. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-2>
28. Beugelsdijk S., Hennart J.F., Slangen A., Smeets R. Why and How FDI Stocks Are a Biased Measure of MNE Affiliate Activity. *Journal of International Business Studies*, 2010, no. 41, pp. 1444-1459. Available at: <https://doi.org/10.1057/jibs.2010.29>
29. Blanchard O., Acalin J. *What Does Measured FDI Actually Measure? Policy Brief*. Washington, Peterson Institute for International Economics, 2016, no. 17, pp. 1-7.
30. Bolwijn R., Casella B., Rigo D. An FDI-driven Approach to Measuring the Scale and Economic Impact of BEPS. *Transnational Corporations Journal*, 2018, vol. 25, iss. 2, pp. 107-143. Available at: <https://doi.org/10.18356/c4f9fd3c-en>
31. Cadestin C., De Backer K., Desnoyers-James I., Miroudot S., Rigo D., Ye M. Multinational Enterprises and Global Value Chains: the OECD Analytical AMNE Database. *OECD Trade Policy Papers*, 2018, no. 211, pp. 1-28. Available at: <http://doi.org/10.1787/d9de288d-en>
32. Pilgrim G., Ang S. The OECD-UNSD Multinational Enterprise Information Platform. *OECD Statistics Working Papers*, 2024, no. 2024/01, pp. 1-45. Available at: <https://doi.org/10.1787/18152031>
33. Almazán-Gómez M.Á., Llano C., Pérez J., Mandras G. The European Regions in the Global Value Chains: New Results with New Data. *Papers in Regional Science*, 2023, vol. 102, iss. 6, pp. 1097-1126. Available at: <https://doi.org/10.1111/pirs.12760>
34. Li H. Multinational Production and Global Shock Propagation during the Great Recession. *CESifo Working Paper*, 2023, no. 10349. 89 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4410251>
35. Mo Jiawei. Quantifying Network Advantage: An Application to Global Trade Networks. *SSRN Working Paper*, 2023. 45 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4223142>
36. Arriola C., Cadestin C., Kowalski P., Guilhoto J.J.M., Miroudot S., van Tongeren F. Challenges to International Trade and the Global Economy: Recovery from COVID-19 and Russia's War of Aggression against Ukraine. *SSRN Working Paper*, 2023. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/challenges-to-international-trade-and-the-global-economy_5c561274-en.html (accessed 28.10.2024).
37. Miroudot S., Ye M. Multinational Production in Value-added Terms. *Economic Systems Research*, 2020, vol. 32, iss. 3, pp. 395-412. Available at: <https://doi.org/10.1080/09535314.2019.1701997>

38. Olivie I., Gracia M. Is This the End of Globalization (As We Know It)? *Globalizations*, 2020, vol. 17, iss. 6, pp. 990-1007. Available at: <https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1716923>
39. Kheyfets B., Chernova V. Globalization Dynamics in Times of Crisis. *Uncertain Supply Chain Management*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 887-896. Available at: <https://doi.org/10.5267/j.uscm.2020.5.004>
40. Panibratov A. *International Strategy of Emerging Market Firms: Absorbing Global Knowledge and Building Competitive Advantage*. London, Routledge, 2017. 434 p.
41. Li X., Quan R., Stoian M.C., Azar G. Do MNEs from Developed and Emerging Economies Differ in Their Location Choice of FDI? A 36-year Review. *International Business Review*, 2018, vol. 27, iss. 5, pp. 1089-1103. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2018.03.012>
42. Xie W., Xue T. FDI and Improvements in the Quality of Export Products in the Chinese Manufacturing Industry. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2020, vol. 56, iss. 13, pp. 3106-3116. Available at: <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1609936>
43. Ancarani A., Mauro C.D., Virtanen Y., You W. From China to the West: Why Manufacturing Locates in Developed Countries. *International Journal of Production Research*, 2021, vol. 59, iss. 5, pp. 1435-1449. Available at: <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1824083>
44. Gereffi G., Lim H.C., Lee J. Trade Policies, Firm Strategies, and Adaptive Reconfigurations of Global Value Chains. *Journal of International Business Policy*, 2021, vol. 4, pp. 506-522. Available at: <https://doi.org/10.1057/s42214-021-00102-z>
45. Sturgeon T., van Biesebroeck J., Gereffi G. Value Chains, Networks and Clusters: Reframing the Global Automotive Industry. *Journal of Economic Geography*, 2008, vol. 8, iss. 3, pp. 297-321. Available at: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbn007>
46. May O.S., Abdullah N.A.H.N. Offshoring Drivers and Implementation: A Study of Semiconductor, Pharmaceutical and Automotive Industry. Ahmad M.Z., Azman N.A., May O.S., Omar A., Norman M.A.R., eds. *Sustaining Global Strategic Partnership in the Age of Uncertainties*, 2020, vol. 5, no. 6, pp. 208-223. Available at: <http://sois.uum.edu.my/images/ICIS/2020%20ICIS%20.pdf> (accessed 15.04.2024).
47. Кузнецов А.В. Транснациональные корпорации стран БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 3, сс. 3-11.
Kuznetsov A.V. Transnational Corporations of BRICS Countries. *World Economy and International Relations*, 2012, no. 3, pp. 3-11. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-3-3-11>
48. Березной А. ТНК на развивающихся рынках: в поисках успешной бизнес-модели. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 10, сс. 5-17.
Bereznoy A. Transnational Corporations in Emerging Markets: in Search of Successful Business Model. *World Economy and International Relations*, 2014, no. 10, pp. 5-17. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-10-5-17>
49. Ramamurti R., Hillemann J. What "Chinese" about Chinese Multinationals? *Journal of International Business Studies*, 2018, no. 49, pp. 34-48. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0128-2>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. Washington, World Bank, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (accessed 15.04.2024).
2. *Multinational Enterprises in the Global Economy: Heavily Discussed, Hardly Measured*. CEPR, 25.09.2019. Available at: <https://cepr.org/voxeu/columns/multinational-enterprises-global-economy-heavily-discussed-hardly-measured> (accessed 15.04.2024).
3. *The Analytical AMNE Database – Multinational Enterprises and Global Value Chains*. Paris, OECD. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/analytical-amne-database.htm> (accessed 15.04.2024).
4. *Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual*. Geneva, UNCTAD. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (accessed 15.04.2024).
5. *The World Bank Data*. Washington, World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 15.04.2024).
6. *World Investment Report 2023*. Geneva, UNCTAD, 2023. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (accessed 15.04.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-16-24

EDN: FHKRRE

ЦЕНОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: *DIVIDE ET IMPERA*

© 2025 г. Н.М. Розанова

РОЗАНОВА Надежда Михайловна, доктор экономических наук, профессор,
ORCID 0000-0003-3660-0625, happyeconomics@list.ru
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 61.

Статья поступила 10.09.2024. После доработки 02.10.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Анализируются цифровые стратегии современных компаний в условиях цифровизации. Показывается, каким образом видоизменяются ценовые сигналы под действием цифровых монополий. Проводится анализ особенностей ценового взаимодействия компаний с потребителями в цифровой экономике. Выделяются эффекты запутывания, новые форматы ценовой дискриминации, алгоритмическое и динамическое ценообразование, а также антиконкурентные последствия единой цены.

Ключевые слова: ценообразование, ценовая политика, ценовые стратегии, потребитель, цифровая экономика, эффект запутывания, динамическое ценообразование.

PRICE MECHANISMS OF DIGITAL ECONOMY: *DIVIDE ET IMPERA*

Nadezhda M. ROZANOVA,
ORCID 0000-0003-3660-0625, happyeconomics@list.ru
The Moscow School of Economics Lomonosov Moscow State University (MSE-MSU), 1, Bldg. 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Received 10.09.2024. Revised 02.10.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. The article analyses digital pricing strategies of the companies in the XXIst century. The detailed investigation of contemporary empirical research papers has shown that digital economy allows companies to use innovative tools in order to control consumers' behaviour. But these new pricing instruments act as a double-edged sword. A great variety of goods and services with personalised price offers could attract additional demand and result in additional revenues. However, the innovative pricing schemes activate perceived price perceptions of the consumers. Experiments have demonstrated that if price levels, price differentiations or price dynamics are considered unfair, price scenarios have a negative impact on the clients' loyalty and lead to a decrease in demand. A wide range of prices help companies elaborate obfuscation strategies, with low initial prices and increased additional fees being secretly included into the product bundle. Pricing and revenue optimization is based on widespread usage of AI and sophisticated technological advances that could manipulate consumers' inattentiveness and carelessness. Although digital technologies and machine-learning could make possible detailed personalized prices on the basis of first-degree price discrimination, the real business models demonstrate prevalence of unitary prices. One reason is that nonlinear pricing with a complex double flat-rate and nonrecurring rate pricing plan still require additional IT expenditures. The other reason lies in competition area. The unitary pricing makes it easier to develop product differentiation that diminishes firms' rivalry and as a result, escalate market prices. The innovative pricing formats, including price parity clauses, online recommendations systems, per-click fees, referral and registration fees, along with many others, contain anticompetitive potential. That is why they are under thorough monitoring of antitrust authorities all over the world.

Keywords: pricing, price policy, price strategy, consumers, digital economy, obfuscation effect, dynamic pricing.

About author:

Nadezhda M. ROZANOVA, Dr. Sci. (Econ.), Professor

ВВЕДЕНИЕ

XXI век характеризуется вступлением мира в цифровую эпоху. Цифровизация экономики сопровождается многими положительными моментами для потребителей: появляются новые

товары и услуги, возникают новые формы оплаты и логистики, фирмы предоставляют покупателям инновационные форматы покупок. Одним из ключевых факторов эффективности компании на рынке и лояльности потребителей явля-

ется ценовой механизм. Цифровая экономика создает дополнительные ценовые инструменты, которые как открывают новые возможности, так и приносят добавочные риски и угрозы в повседневную жизнедеятельность и фирм, и домохозяйств. Цель статьи заключается в обобщении и анализе многочисленных эмпирических исследований зарубежного опыта ценовой активности компаний в цифровой экономике, что позволяет выявить ключевые закономерности корпоративного поведения в XXI в.

ТОВАРНОЕ ИЗОБИЛИЕ: БЛАГО ИЛИ АНТИБЛАГО?

В традиционных микроэкономических моделях выбора предполагается, что чем больше выбор, тем лучше для потребителя. Однако современные исследования демонстрируют другую картину: более разнообразный выбор ухудшает благосостояние индивида [1, 2, 3]. Когда на рынке представлено слишком много товаров в одном классе (включая реальные и фантомные варианты продуктовой дифференциации), потребитель теряется и не может сделать выбор. В мире товарного изобилия индивиды страдают от эффекта искушения: больший продуктовый набор влечет за собой большую величину издержек выбора. При увеличении вариантов выбора индивиду становится хуже, даже если он ничего не покупает, за счет наличия потенциальных альтернативных затрат [4].

Большое продуктовое разнообразие является одним из факторов выбора потребителями онлайн-магазина. Эмпирические исследования показывают, что в нем, в отличие от реального магазина, большое разнообразие товаров сопровождается ростом цен. Так, в исследовании бакалейных онлайн-магазинов Германии было установлено, что 1%-й рост глубины товарного разнообразия приводит к увеличению цены на 0.07–0.08% [5, p. 7].

В условиях высокой степени продуктовой дифференциации главным фактором потребительского выбора становится внимание. Чем большее число виртуальных магазинчиков и виртуальных товаров предлагается индивиду, тем выше издержки поиска. Пролитывание значительного числа электронных страниц с зачастую бесполезной для данного индивида информацией создает информационный шум, который приводит к быстрой утомляемости по-

требителя, его внимание теряется, что не позволяет сделать оптимальный рациональный выбор. Конкуренция за внимание выступает в качестве ключевого фактора соревнования фирм. Модель с переменной ограниченного внимания выявляет тот факт, что нехватка у индивида внимания стимулирует компании к разработке стратегий запутывания — специфических вариантов ценообразования и информационного поля продукта, которые осложняют индивиду оценку и сравнение предлагаемых товаров и услуг [6].

Эффект запутывания (*obfuscation effect*) — это ситуация манипулирования наборами осведомленности¹ со стороны цифровой фирмы. Первоначально потребителя привлекают необычно низкой ценой (или необычно высокой скидкой). Когда клиент “захвачен” и повторные покупки продолжаются, цены могут довольно резко возрасти, но этот рост, как правило, остается незамеченным покупателем. Эффект запутывания выступает как межвременная ценовая дискриминация цифровой экономики, действующая на основе фактора потребительской невнимательности [7, 8].

Эффекты запутывания запускаются посредством массовой рекламы на несогласованных и несвязанных рынках, а часто даже на рынках, не имеющих прямого отношения к розничной торговле и конечному потребителю. Шумная, крикливая, агрессивная реклама создает сигнал относительно профиля потенциального потребителя. Большие данные позволяют фирмам предвидеть степень умудренности, искушенности и опытности своих клиентов.

Фирмы, анализируя большие данные, обладают лучшим пониманием поведения потребителей, чем сами потребители. Это дает компаниям возможность разрабатывать стратегии использования неверного или ошибочного в той или иной степени понимания экономических процессов со стороны индивидов. Получила распространение концепция обманных продуктов (*deceptive products*), в отношении которых потребители ошибаются чаще всего (рынки кредитных карт, розничный банкинг, услуги мобильных операторов, бонусные карты лояльности) [9]. Во всех подобных случаях потребите-

¹ Набор (комплект) осведомленности (*awareness product set*) — такие товары, о которых осведомлен (знает) потребитель и из числа которых он будет производить свой выбор. Диапазон осведомленности характеризует общее количество торговых марок, известных потребителю.

ли платят скрытые комиссии и дополнительные скрытые цены. На рынках обманных продуктов счета и структура цены составляются таким образом, чтобы “запутать” клиента, эти счета и эти ценовые структуры отличаются от стандартных форматов. Поэтому даже если потребители подозревают наличие дополнительных наценок, невозможность прямого сравнения цен удерживает их от перехода к другому продавцу. Когнитивные издержки переключения оказываются чрезмерными.

Стратегии запутывания ограничивают глубину и широту поиска потребителями релевантных товаров. Путем стратегии запутывания фирмы могут скрывать непривлекательные свойства своих продуктов и стимулировать индивидов приобретать более дорогие продукты. Когда пользователи полагаются на платформенные алгоритмы для принятия решений и поиска товаров и услуг, платформы, в отличие от того, что ожидает “наивный” клиент, предоставляют первыми не наилучшие продукты, соответствующие критериям поиска, а товары с высокими маржинальными коэффициентами.

Поскольку сложно быстро разобраться, высокого или низкого качества та или иная онлайн-платформа, в цифровой экономике возникает эффект цифровой колеи. Фокальные платформы (или отдельные посредники) за счет прошлого, возможно, случайного доминирования приобретают рыночную власть в посреднической экономике. Исторический опыт клиентов создает цифровую колею, а высокие издержки поиска и лимитированные когнитивные ресурсы не позволяют им перейти к лучшему варианту.

ОБОЮДООСТРЫЙ МЕЧ ДИНАМИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

Стратегия запутывания часто базируется на динамическом ценообразовании. Оно используется сегодня практически во всех сферах экономики — от авиаперевозок, отелей, каршеринговых компаний до ресторанов, кинотеатров, гольф-клубов и парков развлечений. Динамическое ценообразование позволяет моментально изменять цены, не затрагивая расходов. Например, компания *Amazon* осуществляет более 2.5 млн ценовых изменений ежедневно [10, р. 242]. Поскольку программное обеспечение уже установлено, ценовые колебания не влекут

за собой никаких дополнительных затрат на смену ярлычков, зарплату сотрудников и прочие расходы, как это может практиковаться в реальном магазине.

Использование стратегии динамического ценообразования создает не только возможности, но и риски для компаний. Ее эффективность зависит от того, как оценивают потенциальные клиенты ценовую динамику [11]. Если структура и динамика цены рассматриваются большинством клиентов как несправедливая ценовая политика компании, удовлетворенность потребителей резко падает, что влечет за собой негативные последствия (негативные отзывы потребителей, жалобы, сокращение клиентской лояльности, уменьшение спроса).

Опрос пользователей горнолыжных курортов Норвегии в 2022 г. показал, что ценовые различия влияют на восприятие справедливой цены со стороны потребителей. При различных уровнях цен имеет значение, каким образом представлена их динамика: как скидка с “нормальной” цены для посетителей в определенные часы/дни или как повышенная цена в периоды пикового спроса.

Например, горнолыжный курорт предлагает скидку в размере 10 долл. в течение рабочей недели по сравнению с выходными, назначая цену “обычного” дня на 10 долл. ниже, либо определяет цену выходного дня на 10 долл. выше, чем в будни. Экономически ситуация для потребителя одинакова, однако ценовое восприятие скидки в будние дни оказывается более предпочтительным (более справедливым) в глазах потребителей, чем ценовая надбавка выходного дня. Это ценовое восприятие оказывает влияние на желание потребителей приобретать услугу и общую их лояльность к компании. Ценовые различия, оформленные в виде скидки (дисконта), выглядят более справедливыми, чем наценка в часы пик (хотя общая итоговая стоимость услуги в обоих случаях одинакова) [12, р. 3, 10]. Аналогичные результаты были получены для гостиничного и ресторанного бизнеса [13], а также цен на авиабилеты [14].

Согласно опросам [15], потребители считают, что повышение цены в разумных пределах допустимо (“справедливо”) в качестве ответа на рост издержек компании, однако рост цены будет рассматриваться как “несправедливый”, если происходит из-за рыночных дисбалансов или по причине рыночной власти фирмы.

Первостепенная важность ценовой справедливости для виртуальных покупок находит подтверждение в эмпирических исследованиях покупателей разных стран (Европы [16, 17], Индонезии [18, 19], Малайзии [20]). Даже качество самого товара или сопутствующих услуг менее значимо в цифровой экономике, чем справедливая или несправедливая цена в глазах потребителя. Отсутствие справедливой цены оценивается индивидами как неэтичный бизнес. И наоборот, если посетители расценивают цены платформы как справедливые, это способствует росту бизнеса.

Так, быстрый рост посреднической платформы *Go-Jek* в Индонезии и распространение ее услуг на другие азиатские страны (Вьетнам, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Индию, Австралию) произошел во многом благодаря тому, что клиенты оценили эту услугу как этическую за счет открытости и честности ценовой политики платформы [19]. Начав с курьерских услуг в Джакарте в 2009 г., *Go-Jek* быстро трансформировалась в многопрофильную платформу, предоставляющую более 20 разнообразных сервисов, включая платежи и денежные переводы².

Насколько можно доверять открытой ценовой информации? Когда речь идет об уникальных продуктах или услугах, то общепризнанным фактом в экономической теории является понимание того, что цена формируется в результате довольно длительного переговорного процесса, так что итоговый ее уровень может значительно отличаться (в любую сторону) от прейскуранта [21, 22]. Однако в отношении стандартных товаров традиционно предполагается, что конкуренция ведет к выравниванию цен, так что прейскурантные публикуемые цены в целом адекватно отражают ценовой уровень в отрасли. Именно эти цены, как правило, используются в академических и прикладных исследованиях рыночных взаимодействий. Распространение ценового программного обеспечения должно было бы сделать ценовой механизм еще более прозрачным.

Работа экономистов *H. Kjellberg, E. Sjögren, L. Krafve* [23] свидетельствует о том, что этот вывод далек от реальной ценовой ситуации. К примеру, на рынках стандартизированной фармацевтической продукции официальные прайс-листы компаний предоставляют неточную и недостоверную информацию о реальных

ценах сделок. Сравнительный анализ четырех национальных рынков *B2B* фармацевтической продукции (Дании, Норвегии, Швеции и Новой Зеландии за 2015–2021 гг.) показал, что реальные цены контрактов значительно и несистематически отличаются от заявленных в прейскурантах. Рыночные взаимодействия из транзакционных и конкурентных становятся отношенческими и неконкурентными.

Несмотря на то что фармацевтические рынки этих стран примерно одинаковы по размеру (в отношении и спроса, и предложения), с одинаковыми ценовыми эластичностями спроса и сходным уровнем дохода покупателей и подвержены довольно жесткому государственному регулированию, контрактные цены на фармацевтическую продукцию (одинаковые лекарства от рака) резко различались. Например, если в Норвегии 55% лекарств находилось в низшей ценовой категории, то в Швеции более 80% товара приходилось на квартал самых высоких цен [23, р. 4]. Формально во всех странах имеется регулирование стоимости фармацевтических препаратов, цены в прайс-листе должны быть установлены до процесса переговоров и продажи. Однако социологические опросы участников рынка выявляют, что скидки к прейскурантной цене могут составлять 20–30% в одной стране и различаться почти в 2 раза по схожим странам [24, р. 19].

БЛЕСК И НИЩЕТА ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ЦЕН

На сложных рынках, например лекарственных препаратов, потребители не всегда могут самостоятельно выбрать желаемую продукцию. Онлайн-торговля здесь открывает новые возможности для бизнеса. Поисковые сайты и розничные онлайн-магазины предлагают советы электронных консультантов (*online recommendations systems*) для выбора подобных продуктов. С одной стороны, покупатели получают консультацию специалиста и при необходимости специализированные товары-заменители. С другой стороны, исследования обращают внимание на то, что нередко индивидам предлагают более дорогие субституты или дорогостоящие товарные наборы, а скидки могут быть применены только тогда, когда приобретается ограниченный круг пакетных товаров [25].

Ценовые алгоритмы позволяют создавать персонализированные товарные корзины для

² В мае 2021 г. произошло слияние компаний *Go-Jek* и *Tokopedia* в единую платформу *GoTo*.

покупателя, ориентируясь на его прошлый выбор. Сумма расходов на товары в корзине, как правило, меньше, чем общие затраты на эти изделия при одиночной покупке. Однако для получения скидки или бесплатной доставки потребителю приходится приобретать чуть больше товарных наименований или количеств товара, так что в итоге стоимость корзины превышает те расходы, на которые решился бы покупатель первоначально.

Безобидны ли *cookies*? Нередко посетитель сайта получает иконку с просьбой-требованием одобрить *cookies*, “вшитые” в данную интернет-страницу. Обычно индивид отвечает положительно, не задумываясь над последствиями. Как правило, у него и нет особого выбора в этом плане. И чаще всего потом как будто ничего не происходит. Однако согласно исследованиям [26], *cookies* собирают поведенческую информацию о клиенте, включая его/ее готовность платить за товар. Эти данные аккумулируются ИТ-компаниями и продаются фирмам, действующим на продуктовых рынках. Последние разрабатывают персонализированные ценовые стратегии, руководствуясь полученным поведенческим опытом.

В результате нередко случаи, когда клиенты получают различные ценовые предложения на основе довольно специфических критериев. Например, в 2018 г. клиенты *Uber* заметили, что схожие по расстоянию и длительности поездки из районов городов США, считающихся “богатыми”, обходятся дороже, чем вызов такси из “бедных” местностей [ист. 1]. В Бельгии в 2023 г. клиенты отмечали, что *Uber* назначает более высокие тарифы, если устанавливает, что батарея их смартфона вот-вот разрядится [ист. 2].

Цифровизация и использование ценовых алгоритмов вместе с механизмами больших данных позволяют фирмам разрабатывать персонализированные цены, превращая любую ценовую стратегию в совершенную дискриминацию, при которой каждый индивид получает такой уровень цен, который соответствует его предпочтениям и готовности платить [27, 28]. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что компании часто отказываются от персонализированных цен в пользу единой цены. Почему так происходит?

Моделирование [29] демонстрирует, что выбор единой цены во многих случаях оказывается доминирующей стратегией фирм, так как позволяет компаниям прибегать к неценовым методам

стимулирования спроса (в частности, в области пространственной дифференциации), что смягчает конкуренцию на рынке. Использование единой цены имеет несколько преимуществ. Во-первых, разработка ценового формата требует определенных затрат от фирмы, а ценовые алгоритмы не всегда бывают надежны так же, как и собираемые компанией большие данные о поведении потребителей. Во-вторых, множественность цен не позволяет смягчать рыночную конкуренцию путем продуктовой дифференциации.

Единая цена является сигналом для других фирм рынка о желании компании смягчить ценовую конкуренцию путем применения неценовых характеристик. Персонализированные цены базируются на большом числе детализированных данных о потребителях, сбор и обработка которых также влечет за собой определенные расходы для фирмы. Индивидуальная цена требует разработки и специальных программ лояльности для каждого потребителя, а также постоянного мониторинга покупательной активности существующего или потенциального клиента. Вложения в соответствующее программное обеспечение — это тоже значительные инвестиции. Единая цена позволяет избежать подобных расходов.

Можно выделить две стратегии, максимизирующие прибыль компании [30]. Персонализированные цены оптимальны для потребителей с высокой готовностью платить за товар (верхние сегменты продуктового рынка), где межфирменная продуктовая конкуренция несильна в силу традиций приобретения товара. Для прочих сегментов рынка предпочтительной оказывается стратегия единой цены, позволяющая лучше учесть низкую платежеспособность клиентов и стимулирующая продуктовую дифференциацию, смягчающую ценовую конкуренцию.

Таким образом, возникает новый тип ценовой дискриминации — поведенческая. Ее наличие выявлено в сферах цифровых услуг (электронной торговле [31]), банковских продуктов [32] и даже региональной прессы [33]. Алгоритмическое ценообразование на основе больших данных клиентов позволяет эффективно комбинировать в рамках одной и той же компании и даже одного и того же продуктового рынка различные виды ценовой дискриминации (первой, второй и третьей степени одновременно).

Выбор ценовой стратегии служит эффективным сигналом для всех участников рынка в отношении стремления компании-лидера к ценовой

конкуренции или к тайному сговору. Поскольку ценовой механизм каждой фирмы базируется на известном и зачастую открытом алгоритме, компаниям легко координировать действия, не прибегая к переговорам. Одним из вариантов такого алгоритма является программа, которая формирует цену компании в зависимости от конкурентов, что приводит, как показывают обследования, к росту рыночных цен, хотя при этом существенным остается и разброс значений у различных участников рынка [34]. Например, авиакомпании *United Airlines* и *Delta* публикуют в открытом доступе ценовые алгоритмы для часто летающих пассажиров [30, p. 2].

Изобилие информации ставит фирму в сложную ситуацию. С одной стороны, чем больше информации о клиенте имеется в компании, тем более точным может быть уровень персональной цены и персонального предложения индивиду. С другой стороны, подобной информацией обладают если и не все, то большинство компаний — участников рынка. Информационная прозрачность создает условия для жесткой ценовой конкуренции, которой фирмы хотели бы избежать [35]. Поэтому, как демонстрирует моделирование [30], фирма не может ограничиваться простым выбором между персонализированной или однородной (единой) ценами. Она вынуждена использовать целый ряд ценовых стратегий, гибко изменяя их во времени и пространстве, чтобы максимизировать прибыль при минимизации степени конкурентного давления. Сознательное и намеренное ограничение поступающей информации также служит механизмом смягчения конкуренции.

Выбор ценового алгоритма является хорошим сигналом кооперативной стратегии компании. На мировом рынке ценового программного обеспечения действуют одни и те же ИТ-поставщики (*Vendavo*, *Glew*, *Pricemoov*, *Price2spy*), предоставляя ИТ-продукт всем крупнейшим компаниям практически любой отрасли национальной или мировой экономики.

Использование ИТ-продукции того или иного вендора той или иной компанией обычно является открытой информацией, поскольку указывается в корпоративных отчетах. Компания не вправе обманывать своих акционеров в отношении используемых технологических и маркетинговых стратегий. Если бы фирма заявила, что использует какое-либо ценовое программное обеспечение, а в действительности его

не использует, она бы столкнулась с юридическими последствиями своего обманного заявления. Таким образом, юридические требования открытости технологических аспектов ценовых алгоритмов способствуют ценовой координации фирм на рынке [30, p. 9]. Именно поэтому алгоритмическое ценообразование все чаще становится объектом интереса и исследования антимонопольных органов по всему миру [36, 37].

УСЛОВИЕ ЕДИНОЙ ЦЕНЫ

В условиях цифровой экономики не всегда легко найти адекватное решение многих экономических проблем, связанных с поведением трех участников цифрового рынка: фирм — производителей блага, потребителей товара и цифровых платформ-посредников. Очень часто здесь возникает проблема “безбилетника”.

Когда фирма выставляет свою продукцию на платформе, это обеспечивает ей более широкую клиентскую базу, поскольку потребители, как правило, занимаются поиском первоначально не конкретной фирмы, а желаемого товара. Однако за доступ к платформе и за каждую сделку, которую клиент заключил с ее помощью, фирма-производитель вынуждена платить платформе определенную сумму. Это увеличивает цену товара для потребителя.

Одновременно с выставлением товара на платформе фирма может рекламировать и демонстрировать свою продукцию на своем собственном сайте, где в отсутствие дополнительных издержек цена товара может быть ниже. Тогда потребитель выбирает стратегию “безбилетника”: зайти на сайт платформы, узнать все о товаре, а потом обратиться напрямую к фирме и сделать заказ по более низкой цене на сайте компании-производителя. В таком случае потребитель выигрывает в цене, фирма-производитель получает еще одного клиента и продает товар, но цифровая платформа оказывается проигравшей стороной, поскольку не получает свою оплату. Поэтому многие платформы в контракт с фирмами-поставщиками включают условие единой цены (*price parity clause*): цена товара и на платформе, и на сайте компании должна быть одна и та же (или в аналогичных вариантах: цена на собственном сайте компании не может быть ниже цены товара, представленной на платформе; цена на платформе не может быть выше цены товара на сайте).

Однако это условие вызвало озабоченность антимонопольных органов как антиконкурентное действие, запрещенное во многих странах Евросоюза. Под действием антимонопольного расследования властей Германии и Великобритании компания *Amazon* отменила правило единой цены для своих контрактов в Европе в 2013 г., хотя сохранила это условие в США до марта 2019 г., когда оно было отменено и там в результате политического давления. Австрия, Бельгия, Франция и Италия приняли законы, запрещающие подобные условия в контрактах цифровых платформ.

Насколько обоснованными являются такие действия властей? Ведут ли они к повышению общественного благосостояния? Моделирование цифровых рынков с разными вариантами рыночной структуры (монополия и конкуренция) и разными условиями посреднических контрактов при попытке балансировки интересов платформы, потребностей фирм и потребителей приводит к выводу о том, что условие единой цены действительно ущемляет потребителей [38]. Даже не будучи монополистами, цифровые платформы выигрывают, повышая плату за доступ к рынку для фирм за счет условия единой цены, что в результате закономерно приводит к росту цены товара для потребителей.

Антиконкурентный эффект условия единой цены связан также с тем, что оно действует во всех каналах распространения продукции какой-либо фирмы, что исключает конкуренцию платформ между собой. На любой цифровой платформе фирма обязана указывать одну и ту же цену, хотя плата за доступ может различаться. Даже если одна из платформ снижает плату за доступ, более низкий денежный сбор не может быть трансформирован в более низкую цену за единицу продукции. Поэтому ценовая конкуренция платформ смягчается, если и не устраняется вовсе. Им нет необходимости конкурировать величинами платы за доступ. Конечно, фирмы могут уйти с платформы и ограничиться демонстрацией и продажей товара только на своих собственных сайтах. Однако это резко снижает потенциальную клиентскую базу компаний.

Для нахождения компромиссного варианта некоторые страны допускают более узкую трактовку условия единой цены при запрещении ее расширенной версии. Например, в Австралии

и по некоторым позициям в Великобритании платформам разрешается включать в контракт требование единой цены для себя и сайта компании, но не для других конкурирующих каналов распределения товара.

Возможные альтернативные варианты ценовых действий платформ включают такие механизмы, как использование оплаты по клику (*per-click fees*), когда фирма платит каждый раз, как потребитель на сайте платформы кликает ее товар, чтобы ознакомиться с деталями продукции, вне зависимости от того, купит ли в дальнейшем клиент этот товар, и передаточной оплаты (*referral fees*). В последнем случае фирма платит каждый раз, когда клиент зашел на сайт платформы, посмотрел товар, а затем сделал заказ на сайте компании (технологически эту информацию легко получить). Практикуется также единовременный регистрационный сбор для фирмы — поставщика товара (*registration fee*). Возможные антиконкурентные последствия таких ценовых инструментов находятся в стадии рассмотрения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Анализ эмпирических исследований функционирования цифровой экономики свидетельствует о том, что она допускает большое число инновационных ценовых механизмов, разрабатываемых на основе базовых принципов ценовой дискриминации и персонализированных цен. Такие инструменты позволяют лучше выявить ценовые предпочтения клиентов, но одновременно могут вводить их в заблуждение с целью получения дополнительного дохода за счет невнимательности при сравнении вариантов покупки.

Как и в реальной экономике, в цифровом мире компании разрабатывают такие ценовые форматы, которые фактически снижают уровень рыночной конкуренции и способствуют движению рынка в направлении монопольной цены. Несмотря на изобилие информационно-технологических решений, ценовая прозрачность виртуальных сделок остается под вопросом, а многие ценовые концепции вызывают справедливую озабоченность антимонопольных органов в связи со своими потенциальными неконкурентными результатами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Gul F., Pesendorger W. Temptation and Self-Control. *Econometrica*, 2001, vol. 69, no. 6, pp. 1403-1435.
2. Cohen J., Ericson K., Laibson D., White J. Measuring Time Preferences. *Journal of Economic Literature*, 2020, vol. 58, no. 2, pp. 299-347.
3. Dekel E., Lipman B., Rustichini A. Temptation-Driven Preferences. *Review of Economic Studies*, 2009, vol. 76, no. 3, pp. 937-971.
4. Heller Y., Winter E. Biased-Belief Equilibrium. *American Economic Journal: Microeconomics*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 1-40. Available at: <https://doi.org/10.1257/mic.20170400>
5. Fedoseeva S., Herrmann R. Assortments and Prices in Online Grocery Retailing. *Digital Business*, 2023, vol. 3, iss. 1, 100054. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2023.100054>
6. Hefti A. Limited Attention, Competition and Welfare. *Journal of Economic Theory*, 2018, vol. 178 (C), pp. 318-359. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jet.2018.09.012>
7. Ellison G., Wolitzky A. A Search Cost Model of Obfuscation. *The RAND Journal of Economics*, 2012, vol. 47, pp. 417-441. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1756-2171.2012.00180.x>
8. Roos N., Smirnov V. Collusion with Intertemporal Price Dispersion. *The RAND Journal of Economics*, 2020, vol. 51, no. 1, pp. 158-188. Available at: <https://doi.org/10.1111/1756-2171.12309>
9. Johnen J. Dynamic Competition in Deceptive Markets. *The RAND Journal of Economics*, 2020, vol. 51, no. 2, pp. 375-401. Available at: <https://doi.org/10.1111/1756-2171.12318>
10. Victor V., Bhaskar M. Dynamic Pricing and the Economic Paradigm Shift. *International Journal of Scientific and Research Publications*, 2017, vol. 7, no. 6, pp. 242-247. Available at: <https://www.ijsrp.org/research-paper-0617/ijsrp-p6633.pdf> (accessed 15.11.2024).
11. Fernandes T., Calamote A. Unfairness in Consumer Services: Outcomes of Differential Treatment of New and Existing Clients. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2016, vol. 28, pp. 36-44. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jretconser.2015.08.008>
12. Alnes P.K., Haugom E. The Effects of Price Framing and Magnitude of Price Differences on Perceived Fairness When Switching from Static to Variable Pricing. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2024, vol. 81, 103952. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2024.103952>
13. Lim S., Ok C. A Percentage-Off Discount versus Free Surcharge: The Impact of Promotion Type on Hotel Consumers' Responses. *Tourism Management*, 2022, vol. 91, 104504. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2022.104504>
14. Nicolau J.L., Shin H., Kim B., O'Connell J.F. The Impact of Loss Aversion and Diminishing Sensitivity on Airline Revenue: Price Sensitivity in Cabin Classes. *Journal of Travel Research*, 2022, vol. 62, iss. 3, pp. 685-698. Available at: <https://doi.org/10.1177/00472875221093014>
15. Meatchi S., Camus S., Lecoindre-Erickson D. Perceived Unfairness of Revenue Management Pricing: Developing a Measurement Scale in the Context of Hospitality. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2021, vol. 33, no. 10, pp. 3157-3176. Available at: <http://dx.doi.org/10.1108/IJCHM-11-2020-1344>
16. Malc D., Milfelner B., Selinsek A. Price Fairness, Consumer Involvement, Emotional and Behavioural Responses: How Do Goods and Services Compare? *Proceedings of the European Marketing Academy, 11th*, 2020, no. 84998. Available at: <https://proceedings.emac-online.org/pdfs/R2020-84998.pdf> (accessed 08.09.2024).
17. Friesen M. A Dynamic Perspective on Consumers' Price Fairness Perception: Empirical Evidence from the Airline Industry. *Die Unternehmung*, 2020, vol. 74, no. 4, pp. 403-425. Available at: <https://doi.org/10.5771/0042-059X-2020-4-403>
18. Fiqqih M.N. Quality and Service Quality on Customer Loyalty with Customer Satisfaction Mediation on Shopee Consumers. *Proceedings of the 19th International Symposium on Management (INSYMA 2022). Advances in Economics, Business and Management Research*, 2023, pp. 265-271. Available at: https://doi.org/10.2991/978-94-6463-008-4_35
19. Hamenda A. An Integrated Model of Service Quality, Price Fairness, Ethical Practice and Customer Perceived Values for Customer Satisfaction of Sharing Economy Platform. *International Journal of Business and Society*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 709-724.
20. Shamsudin M.F., Nayan S., Ishak M.F., Esa S.A., Hassan S. Role of Price Perceptions Towards Customer Satisfaction. *Journal of Critical Reviews*, 2020, vol. 7, no. 19, pp. 677-683.
21. Hallberg N. The Micro-Foundations of Pricing Strategy in Industrial Markets. *Journal of Business Research*, 2017, vol. 76, pp. 179-188. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.01.001>
22. Kienzler M., Kowalkowski C. Pricing Strategy: a Review of 22 Years of Marketing Research. *Journal of Business Research*, 2017, vol. 78, pp. 101-110. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.05.005>
23. Kjellberg H., Sjögren E., Krafve L.J. The Functions of Known to Be Inaccurate Prices in Markets: A Cross-Country Comparison of Pharmaceutical List Pricing. *Journal of Business Research*, 2023, vol. 167, 114193. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114193>

24. Harten W., Wind A., de Paoli P., Saghatchian M., Oberst S. Actual Costs of Cancer Drugs in 15 European Countries. *The Lancet Oncology*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 18-20. Available at: [https://doi.org/10.1016/s1470-2045\(15\)00486-6](https://doi.org/10.1016/s1470-2045(15)00486-6)
25. Li Jianbin, Liu Lang, Luo Xiaomeng, Zhu Stuart X. Interactive Bundle Pricing Strategy for Online Pharmacies. *Transportation Research, Part E*, 2023, vol. 177, 103223. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tre.2023.103223>
26. Choe C., King S., Matsushima N. Pricing with Cookies: Behavior-Based Price Discrimination and Spatial Competition. *Management Science*, 2018, vol. 64, no. 12, pp. 5669-5687. Available at: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2017.2873>
27. Belleflamme P., Lam W., Vergote W. Competitive Imperfect Price Discrimination and Market Power. *Marketing Science*, 2021, vol. 39, no. 5, pp. 996-1015. Available at: <http://dx.doi.org/10.1287/mksc.2020.1234>
28. Harrington Jr. J. The Effect of Outsourcing Pricing Algorithms on Market Competition. *Management Science*, 2022, vol. 68, no. 9. Available at: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3798847>
29. Foros Ø., Kind H.J., Nguyen-Ones Mai. The Choice of Pricing Format: Firms May Choose Uniform Pricing over Personalized Pricing to Induce Rivals to Soften Competition. *Information Economics and Policy*, 2024, vol. 66, 101079. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2024.101079>
30. Dubus A. Behavior-Based Algorithmic Pricing. *Information Economics and Policy*, 2024, vol. 66, 101081. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2024.101081>
31. Gorodnichenko Y., Sheremirov V., Talavera O. Price Setting in Online Markets: Does It Click? *Journal of the European Economic Association*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 1764-1811. Available at: <https://doi.org/10.1093/jea/jvx050>
32. Ionnidou V., Ongena S. Time for A Change: Loan Conditions and Bank Behavior When Firms Switch Banks. *Journal of Finance*, 2010, vol. 65, no. 5, pp. 1847-1877. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2010.01596.x>
33. Asplund M., Eriksson R., Strand N. Price Discrimination in Oligopoly: Evidence from Regional Newspapers. *Journal of Industrial Economics*, 2008, vol. 56, no. 2, pp. 333-346. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6451.2008.00343.x>
34. Brown Z., MacKay A. Competition in Pricing Algorithms. *American Economic Journal: Microeconomics*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 109-156. Available at: <https://doi.org/10.1257/mic.20210158>
35. Bertini M., Koenigsberg O. The Pitfall of Pricing Algorithms: Be Mindful of How They Can Hurt Your Brand. *Harvard Business Review*, 2021, vol. 99, no. 5, pp. 74-83.
36. Bisceglia M., Padilla J. On Sellers' Cooperation in Hybrid Marketplaces. *Journal of Economics & Management Strategy*, 2023, vol. 32, no. 1, pp. 207-222. Available at: <https://doi.org/10.1111/jems.12498>
37. Loots T., den Boer A.V. Data-Driven Collusion and Competition in a Pricing Duopoly with Multinomial Logit Demand. *Production and Operations Management*, 2023, vol. 32, no. 4, pp. 1169-1186. Available at: <https://doi.org/10.1111/poms.13919>
38. Wang C., Wright J. Search Platforms: Showrooming and Price Parity Clauses. *The RAND Journal of Economics*, 2020, vol. 51, no. 1, pp. 32-58. Available at: <https://doi.org/10.1111/1756-2171.12305>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Mak A. Is Uber Really Charging Frequent Users Higher Fares? *Slate*, 30.03.2018. Available at: <https://slate.com/technology/2018/03/is-uber-really-charging-frequent-users-more.html> (accessed 09.09.2024).
2. Uber Reportedly Charging Higher Fares from Users Struggling with Low Battery Life. *The Free Press Journal*, 14.04.2023. Available at: <https://www.freepressjournal.in/business/uber-reportedly-charging-higher-fares-from-users-struggling-with-low-battery-life> (accessed 09.09.2024).

ЕВРОПА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-25-33

EDN: ZDOTPS

**ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
(На примере динамики
Общей политики безопасности и обороны ЕС)
© 2025 г. К.К. Гусейнов**

*ГУСЕЙНОВ Камран Камалович, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0001-7344-3433, k.guseinov@almau.edu.kz
Учреждение образования “Алматы Менеджмент Университет”, Школа политики и права,
Республика Казахстан, 050060 Алматы, ул. Розыбакиева, 237.*

Статья поступила 01.07.2024. После доработки 21.10.2024. Принята к печати 27.11.2024.

Аннотация. Трансформация общей европейской политики безопасности и обороны свидетельствует о превращении ЕС в новый региональный центр силы, имеющий потенциал выполнения боевых операций за пределами своих границ. Европейский союз стремится к стратегической автономии, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного актора, имеющего ряд особенностей. Автор изучает процессы, протекающие в сфере безопасности и обороны ЕС, через призму коллективной секьюритизации. Исследованы факторы, влияющие на нее, и дана оценка ЕС как секьюритизирующего субъекта.

Ключевые слова: Европейский союз, оборона, безопасность, ОПБО, коллективная секьюритизация, Глобальная стратегия, Стратегический компас, управление безопасностью, идентичность.

**FEATURES OF COLLECTIVE SECURITIZATION
IN THE EUROPEAN UNION
(The example of the EU Common Security and Defence Policy dynamics)**

*Kamran K. GUSEINOV,
ORCID 0000-0001-7344-3433, k.guseinov@almau.edu.kz
Almaty Management University, School of Politics and Law, 237, Rozybakieva Str.,
050060, Almaty, Republic of Kazakhstan.*

Received 01.07.2024. Revised 21.10.2024. Accepted 27.11.2024.

Abstract. The European Union Common Security and Defence Policy (EU CSDP) is currently undergoing the institutional transformation. The CSDP is the crucial component of the EU's organizational structure, designed for the promotion of European integration in the spheres of security and defence. The EU security and defence is often regarded as an inalienable part of NATO security and defence. However, the current trends, such as the evolving of the Permanent Structured Cooperation (PESCO), implementation of the Strategic Compass, or the plan for achieving strategic autonomy, promote the position of the European Union as one of hard power centers on the international stage. The shift from normative to military power in the EU's foreign policy signifies a completely new era in the regional security complex. The article explores the dynamic of the CSDP marked by the adoption of “Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe” – the global strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, – and of the Strategic Compass for Security and Defence. The author examines the current trends in the EU CSDP, such as the creation and evolution of the Military Planning and Conduct Capability (MPCC) and a possibility of its turn into a fully operated EU military headquarter, the development of the PESCO as a contribution to the European military-industrial complex, and the recent adoption of the Civilian CSDP Compact. The trends are regarded through the methodology of “collective securitization”. The author provides the analysis of its applicability for the examination of the CSDP, highlighting the key steps and factors influencing the process, such as effective security governance and common identity in the sphere of security and defence.

Keywords: European Union, defence, security, CSDP, collective securitization, Global Strategy, Strategic Compass, security governance, identity.

About author:

Kamran K. GUSEINOV, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, School of Politics and Law.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы безопасности и обороны — ключевые в текущей повестке дня в Европейском союзе на различных уровнях. Это связано с геополитическими вызовами, с которыми он сталкивается, что побуждает страны ЕС к поиску новых форм эффективного взаимодействия. В связи с этим активно трансформируется Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) Европейского союза. Формальным началом ее изменений стало принятие в 2016 г. Глобальной стратегии безопасности (ГСБ) “Общее видение, единый подход: сильная Европа”. В предисловии Ф. Могерини, занимавшая в то время пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, заявила о том, что угрозы, с которыми сталкивается Европейский союз, имеют экзистенциальный характер [ист. 1].

Глобальная стратегия изменила подход ЕС к вопросам безопасности и обороны. Появились новые формы институционального взаимодействия, стали реализовываться проекты (например, Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны, *Permanent Structured Cooperation, PESCO*), усилилась военная интеграция государств — членов ЕС, в 2022 г. был принят Стратегический компас по вопросам безопасности обороны (*A Strategic Compass for Security and Defence*, далее — Стратегический компас).

Однако рассматривать сферу безопасности ЕС необходимо с учетом фактора НАТО. Например, Ю.В. Никуличев отмечает, что позиция США и в целом атлантизм во внешней политике европейских стран и другие эндо- и экзогенные факторы способны негативно повлиять на развитие *PESCO* [1]. Тем не менее этот проект расчитан прежде всего на усиление европейской части НАТО. Н.К. Арбатова рассматривает его в качестве вклада ЕС в коллективную оборону [2]. Соответствие *PESCO* приоритетам альянса находит и А.А. Алешин, сравнивая проекты Постоянного структурированного сотрудничества с программами НАТО *High Visibility Projects* [3]. При этом отмечаются противоречия, в первую очередь связанные с политико-экономическими вопросами: сильный и автономный военно-промышленный комплекс (ВПК) ЕС может составить конкуренцию американскому, значительно потеснив его на европейском рынке.

Между тем существующие тенденции свидетельствуют о значительном продвижении Евро-

союза к стратегической автономии. Как отмечает Н.К. Арбатова, она возможна при изменении подходов ЕС к защите собственной территории и кризисном урегулировании [2, с. 50]. И это уже происходит. ЕС стремится, с одной стороны, участвовать в разрешении кризисов за своими пределами, развертывая миссии и поддерживая, в том числе и финансово, страны-партнеры, с другой — укреплять собственные возможности, осуществляя совместные проекты в оборонной сфере. Было бы упрощением считать военную интеграцию государств — членов ЕС незначительной и зависящей только от НАТО. Представляется, что совокупный оборонный потенциал Евросоюза может иметь существенное влияние на геополитическое противостояние как на региональном, так и на глобальном уровнях. Это, в частности, следует из анализа реакций Брюсселя на угрозы и развития в этой связи ОПБО ЕС.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ

Европейская интеграция в сфере безопасности и обороны с момента образования ЕС из-за отсутствия значительных вызовов, входящих в ранг экзистенциальных угроз, развивалась медленно и волнообразно. Стратегия безопасности Европейского союза 2003 г. (даже с учетом корректировки в 2008 г.) была нацелена на сотрудничество со всеми акторами, а не только с идеологически близкими партнерами. В ней постулировался тезис о том, что “Европа еще никогда не была такой процветающей, безопасной и свободной” [ист. 2].

ГСБ, наоборот, устремлена на консолидацию сил Евросоюза перед угрозами как внутреннего, так и внешнего характера. Она была принята в период острого миграционного кризиса, Брекзита, начала конфликта с Россией и нарастания противоречий с главным союзником — США. Лейтмотивом ГСБ может служить тезис из ее предисловия о том, что “цели и само существование Союза ставятся под сомнение” [ист. 1]. Глобальная стратегия направлена на дальнейшее усиление военного компонента европейской интеграции. Так, Стратегический компас — это уже доктринальный документ военного характера, с конкретными задачами и сроками реализации оборонных инициатив стран Евросоюза. Цель Стратегического компаса — превращение ЕС в центр силы. Ретро-

спективный компаративный анализ трех стратегических документов позволяет выделить ключевые тренды трансформационных процессов в области безопасности и обороны ЕС (см. таблицу).

Во-первых, началась централизация военного потенциала Евросоюза. В рамках ОПБО впервые появился Центр военного планирования и управления (*Military Planning and Conduct Capability, MPCC*), созданный для более гибкого и эффективного реагирования на кризисные ситуации. Изначально он объединял три миссии ЕС: в Мали (*European Union Training Mission Mali*), Сомали (*European Union Training Mission in Somalia*) и ЦАР (*European Union Force in the Central African Republic*) [4]. Впоследствии к *MPCC* были добавлены миссия в Мозамбике (*European Union Training Mission in Mozambique*), военная миссия ЕС на Украине (*European Union Military Assistance Mission Ukraine*) и партнерская военная миссия в Нигере (*European Union military partnership mission in Niger*) [5]. Многие эксперты рассматривают *MPCC* в качестве полноценного операционного военного штаба Евросоюза.

Актуализировался вопрос о европейских силах быстрого реагирования — так называемых

европейских батальонах (*EU battle group*), созданных еще в 2004 г. В 2023 г. в Испании впервые в истории были проведены самостоятельные военные учения ЕС — *MILEX / LIVEX 2023* [ист. 4]. В 2024 г. состоялись еще одни с участием европейских батальонов [ист. 5]. Эти учения координируются *MPCC*. Вопрос о том, насколько евробатальоны в количестве 1500 человек являются эффективными для быстрого развертывания (*rapid deployment capacity*), — дискуссионный. Например, С. Бископ считает, что более эффективным с учетом возможностей всех стран Евросоюза было бы наличие пяти-шести постоянно действующих европейских бригад численностью 5000 человек [6].

Во-вторых, началось формирование военно-промышленного комплекса Европейского союза. Оно получило свое институциональное оформление после активной фазы развития *PESCO*. Идея создания ВПК ЕС была сформулирована еще в Лиссабонском договоре, однако долгое время она оставалась нереализованной [7]. Только после принятия ГСБ были запущены программы из 17 проектов в различных сферах взаимодействия, касающихся так

Таблица. Компаративный анализ стратегических документов Европейского союза

Параметр	Стратегия 2003 г. (с учетом пересмотра в 2008 г.)	Глобальная стратегия 2016 г.	Стратегический компас 2022 г.
Предпосылки	Расширение Евросоюза	Дезинтеграционный процесс, внутренние противоречия, кризис союзнических отношений	Усиление конфликтогенного потенциала в регионе, вероятность военного противостояния с Россией
Цель	Определить и оценить основные угрозы, выработать единый подход	Обеспечить комплексный подход к проблемам безопасности и обороны, доказать способность ЕС действовать в качестве единого актора, устойчивого к внешним и внутренним угрозам	Укрепление обороны Евросоюза, противодействие угрозам военного характера
Угрозы	Распространение оружия массового уничтожения, терроризм и организованная преступность, энергетическая зависимость	Терроризм, киберугрозы, энергетические вызовы	Конфликт с Россией. Противостояние гибридным угрозам. Военные конфликты в различных регионах
Проекты	Носят декларативный характер	<i>PESCO</i> , меры по военной мобильности, создание Европейского фонда обороны (<i>European Defence Fund, EDF</i>)	Центр оборонных инноваций при Европейском оборонном агентстве (<i>Defence Innovation Hub Within the EDA</i>). Проект стратегического потенциала: авиационные системы, евродроны, военные корабли, наземные боевые системы. Проекты в пяти сферах: на земле, в воде, воздухе, космосе, киберсфере

Источник: [ист-ки 1, 2, 3].

или иначе материально-технического оснащения вооруженных сил стран-участниц. С момента фактического запуска *PESCO* в 2017 г. количество проектов в его рамках увеличилось в 4 раза. Сейчас *PESCO* содержит 68 структурированных программ, в каждую из которых входит определенная группа государств — членов ЕС (рис. 1). В большинстве проектов представлены такие страны, как Франция, Германия, Испания и Италия. Именно они в совместном заявлении оборонных ведомств выступили с призывом о формировании Стратегического компаса [ист. 6]. *PESCO* — это и вклад в стратегическую автономию Евросоюза, и источник противоречий между США и ЕС. Для крупных европейских стран, например Франции, он выгоден как политически (укрепление влияния в регионе), так и экономически (французский ВПК получает преимущество над американским) [8].

В-третьих, усиливаются невоенный компонент миссий ЕС и значение Центра гражданского планирования и управления (*Civilian Planning and Conduct Capability, CPCC*). В 2023 г. был принят Гражданский договор ОПБО (*Civilian CSDP Compact*, далее — ГД). Его цель — создание устойчивой и стабильной системы в кризисных регионах и обеспечение безопасной и непрерывной работы миссий ЕС. ГД охватывает различные сферы взаимодействия стран ЕС, которые не касаются напрямую военных аспектов: использование жандармерии, участие экспертов. Гражданский договор ОПБО призван решить

важную задачу — нехватку прикомандированного персонала (*seconded personnel*) в европейских миссиях по урегулированию кризисов [9]. Усиление гражданского компонента ОПБО может позволить Евросоюзу более эффективно управлять различными процессами гуманитарного характера.

КОЛЛЕКТИВНАЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ И ОПБО ЕС

Согласно теоретикам Копенгагенской школы Б. Бузану и О. Уиверу, секьюритизация — это процесс, при котором актор возводит определенную проблему в ранг экзистенциальной угрозы для последующего принятия решений, направленных на ее купирование [10]. Секьюритизация предстает в виде модели политического конструкта, состоящего из трех основных элементов: секьюритизирующий актор, сам предмет секьюритизации и референтный объект (реципиент, на которого направлен эффект от секьюритизации, то есть предмет, находящийся в состоянии экзистенциальной угрозы). В случае с коллективной секьюритизацией единый актор состоит из нескольких, объединенных одной угрозой. Коллективная секьюритизация характерна для международных организаций с одной системой ценностей. Ценностный фактор имеет большое значение, поскольку для формирования конструкта необходимо объединение акторов общей идеей.

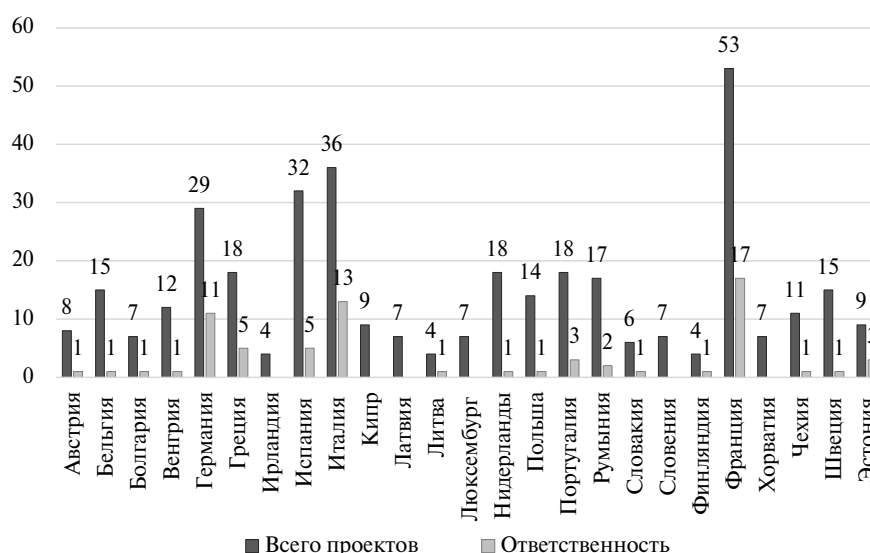

Рис. 1. Участие стран ЕС в проекте *PESCO*, количество проектов

Составлено автором на основе: [ист-ки 7, 8].

В ЕС при формировании коллективной секьюритизации в обороне и безопасности, наиболее чувствительных сферах, сложно создать единый секьюритизирующий актор. Согласно С. Лукарелли, Дж. Сперлингу и М. Вебберу, это связано с возрождением нарративов верховенства национальной безопасности над коллективной, отсутствием экономической солидарности в период экономических кризисов и несогласием по ряду вопросов внутренней политики — миграции и Брексита [11, р. 483]. Однако, несмотря на непростой период и вызовы как внутреннего, так и внешнего характера, ЕС смог продемонстрировать способность действовать в качестве секьюритизирующего актора. Его эффективность можно оценить, проанализировав действия Европейского союза на каждом этапе коллективной секьюритизации. Она проходит шесть этапов (рис. 2).

На первом устанавливается статус-кво, который устраивает секьюритизирующего актора и референтный объект. На втором этапе статус-кво меняется, что приводит к поиску нового баланса. На третьем выполняется секьюритизирующее действие, часто — речевой акт, который формирует дискурс, связанный с угрозой. Четвертый этап — это реакция референтного объекта (аудитории), который в случае удачного секьюритизирующего действия воспринимает угрозу как экзистенциальную, что обеспечивает переход на следующий уровень. Третий и четвертый этапы обычно имеют рекурсивный характер, то есть процессы на данных этапах вза-

имозависимы. На пятом этапе вырабатывается политическая стратегия, например создается доктринальный документ, определяющий основные векторы внешней и внутренней политики. Последний, шестой, этап — установление нового статуса-кво и имплементация стратегических императивов, предложенных на предыдущем этапе.

Стоит отметить, что коллективная секьюритизация осложнена, во-первых, устойчивостью к ней некоторых аспектов безопасности, например, в сфере энергетики, в отличие от экологии. Во-вторых, из-за чувствительности национальных правительств к теме безопасности сложно прийти к консенсусу, чтобы выступить в роли единого секьюритизирующего актора.

В коллективную секьюритизацию в ЕС вовлечено много акторов, так как ОПБО охватывает большое количество институтов. Это значительно повышает роль Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности Европейского союза. Занимающий этот пост вовлечен во все этапы секьюритизации. Особенно высока его роль в осуществлении секьюритизирующего действия. Необходимо отметить, что внешняя политика и оборона остаются прерогативой государств — членов ЕС. Однако значение Верховного представителя по мере углубления военно-политической интеграции увеличивается. Именно он замещает секьюритизирующий актор, выступает с конкретными предложениями, руководит Центром военного планирования и управления и военными учениями.

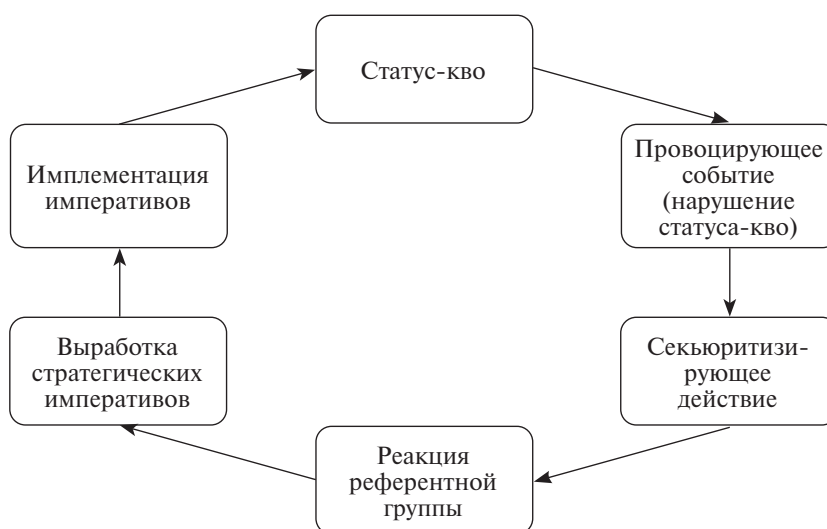

Рис. 2. Модель коллективной секьюритизации

Составлено автором по: [12].

МОДЕЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Коллективная секьюритизация в Евросоюзе многогранна. Это объясняется тем, что, разделяя общие ценности, каждая страна имеет не всегда совпадающие национальные интересы. Восприятие угроз у членов Евросоюза также часто не совместимы с тем, что транслирует Брюссель. Во многом приоритеты в области безопасности государств — членов ЕС определяются экономическими соображениями, задачами внутренней политики, опосредованы географическим положением, исторической памятью и геополитическими амбициями.

Лидеры Евросоюза — Франция и Германия — внесли большой вклад в создание Глобальной стратегии и Стратегического компаса. Именно французский и германский министры обороны в письме к Верховному представителю по иностранным делам и политике безопасности выдвинули идеи по военной интеграции стран ЕС [13]. При этом Франция и Германия имеют разное видение стратегической автономии. Для первой она означает прежде всего способность Союза действовать без опоры на США и командные структуры НАТО, тогда как позиция второй более осторожная и сдержанная [14].

Кроме того, крупные региональные акторы, как, например, Польша, преследуют свои геополитические интересы и пытаются противопоставлять их по мере возможности и Франции, и Германии. Принятие Пакта о миграции и предоставлении убежища в 2020 г. было критически встречено многими государствами ЕС. Тем не менее секьюритизация угроз, которые входят в категорию новых, технологических, либо исходящих от общего внешнего врага, происходит легко. И наоборот, те вызовы, которые не касаются конкретной страны или воспринимаются в качестве ответственности других, наиболее сложны для секьюритизации. Например, вопросы кибербезопасности — это угрозы общего характера. Поэтому они достаточно полно имплементированы в конкретные императивы Стратегического компаса, а миграционная проблема не касается всех, поэтому убедить все страны ЕС действовать в рамках одних и тех же правил представляется трудно выполнимой задачей.

УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Коллективная секьюритизация может быть эффективна при стабильном и гармоничном функционировании двух параметров, находящихся в корреляционной зависимости: управление безопасностью (*security governance*) и европейской идентичностью в области обороны и безопасности (*EU Security and Defense Identity*). Управление безопасностью — это система формальных и неформальных механизмов для достижения политических целей [15], а именно поиска эффективных мер разрешения экзистенциальных угроз. Эти меры должны носить комплексный и универсальный характер с учетом того факта, что угрозы безопасности и степень их распространения являются слабо прогнозируемыми.

Управление безопасностью Евросоюза — это комплекс формальных и неформальных практик и связей, причем с течением времени неформальные структуры европейской интеграции постепенно заменялись на формальные [16]. Дело в том, что система, на них основанная, имеет большие недостатки. Во-первых, для неофициальных механизмов взаимодействия характерно отсутствие транспарентности, что усложняет процесс имплементации принятых в таком формате договоренностей и не способствует укреплению доверия между акторами. Во-вторых, слабо развит институт ответственности за решения. Например, пандемия *COVID-19* показала, что в условиях острых кризисов государства могут пренебречь взятыми на себя обязательствами. В-третьих, ЕС из-за неготовности большинства его членов к потере части суверенитета в вопросах обороны и безопасности имеет ограничения в сфере законодательства.

Управление безопасностью на нормативном уровне в Европейском союзе находится на достаточно высоком уровне. Все три основополагающих документа в этой сфере — Стратегия ЕС 2003 г., ГСБ 2016 г. и Стратегический компас 2022 г. — хорошо структурированы и стали основой для дальнейших институциональных решений в области обеспечения безопасности и обороны. На эмпирическом уровне необходима гибкость и оперативность, чтобы учитывать различные интересы государств — членов ЕС. Для этого требуется единая европейская идентичность. Имеется ли она — вопрос дискуссионный. Европейская идентичность в области безопасности и обороны

(*European Security and Defence Identity, ESDI*) развивалась в рамках НАТО для большей консолидации внутри альянса [ист. 9]. Формирование подобной идентичности, но внутри ЕС было заложено в Маастрихтском договоре и стало задачей стран, входящих в Западноевропейский союз (ЗЕС) [17]. После вступления в силу Лиссабонского договора Брюссель все меньше фокусировался на вопросах единой идентичности. Представляется, что катализатором ее поиска стали противоречия между ЕС и США в период первой администрации Д. Трампа. Именно тогда президент Франции Э. Макрон громко заявлял о “мозговой смерти” НАТО, о необходимости государствам-членам самим защищать себя, об отсутствии готовности к этому у США, а также о Брекзите как об “историческом предупредительном сигнале” для Евросоюза [ист-ки 10, 11]. Несомненно, это секьюритизирующее действие Макрона имело влияние на внутреннюю политику ЕС. В частности, стратегическая автономия стала обсуждаться на институциональном уровне Евросоюза. Однако это не способствовало формированию идентичности.

Важной составляющей идентичности являются ценностные ориентиры. Как отмечает Л.А. Фадеева, в теории международных отношений вопросы безопасности и идентичности связаны между собой [18, с. 23]. Можно доба-

вить, что для ЕС безопасность в самом широком смысле — это противодействие вызовам, угрожающим его ценностным ориентирам.

В настоящее время европейская идентичность в области безопасности и обороны только начинает формироваться, в первую очередь на идее о стратегической автономии. Ее создание будет способствовать упрощению процессов коллективной секьюритизации на каждом из ее этапов.

* * *

Трансформация институтов ОПБО — основная тенденция современного этапа европейской интеграции. ЕС постепенно превращается в актора международных отношений, способного действовать с позиции не только “мягкой”, но и “жесткой” силы. Евросоюз поступательно развивает оборонную и военную сферы, что говорит о смещении его фокуса внимания на вопросы защиты. Дальнейшие процессы в этой области будут зависеть как от самих угроз, так и от их восприятия Брюсселем. ЕС, становясь коллективным секьюритизирующим актором, вырабатывает решения и имплементирует их. Проект *PESCO*, создание Центра военного планирования и управления и формирование евробатальонов — результаты коллективной секьюритизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Никуличев Ю.В. Постоянное структурированное сотрудничество в динамике и перспективе: “остановка в пути”? *Актуальные проблемы Европы*, 2020, № 4 (108), сс. 95–113.
Nikylichev Yu.V. The PESCO Program in its current performance and outlook: A “break on the journey”? *Current Problems of Europe*, 2020, no. 4 (108), pp. 95–113. (In Russ.) DOI: 10.31249/apr/2020.04.05
2. Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? *Политические исследования*, 2019, № 6, сс. 35–52.
Arbatova N.K. Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention? *Polis. Political Studies*, 2019, no. 6, pp. 35–52. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04>
3. Алешин А.А. Оборонные проекты PESCO и НАТО: координация или конкуренция? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 4, сс. 35–45.
Aleshin A.A. PESCO and NATO defence projects: coordination or competition. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2022, no. 4, pp. 35–45. (In Russ.) Available at: <https://www.afjournal.ru/2022/4/global-and-regional-security/pesco-and-nato-defence-projects-coordination-or-competition#>
4. Tardy T. MPCC: towards an EU military command. *European Union Institute for Security Studies, EUISS*, June 2017. Available at: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/EUISS-Brief_17_MPCC.pdf (accessed 30.05.2024).
5. Reykers Y., Adriaesen J. The politics of under staffing international organizations: the EU Military Planning and Conduct Capability (MPCC). *European Security*, 2023, vol. 32, pp. 519–538. DOI: 10.1080/09662839.2022.2142040 Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/09662839.2022.2142040?needAccess=true> (accessed 30.05.2024).
6. Biscop S. Kill the battlegroups. *Egmont: Royal Institute for International Relations*, 18.11.2021. Available at: <https://www.egmontinstitute.be/kill-the-battlegroups/> (accessed 30.05.2024).

7. Журкин В.В. Евросоюз: к истории ПЕСКО. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2019, № 2, сс. 4-5.
Zhurkin V.V. European Union: history of PESCO. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, 2019, no. 2, pp. 4-5. (In Russ.) Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran2201945>
8. Воротников В.В., Грибин Н.П., Петляева Д.А., Пименова Е.В., Якутова У.В. НАТО versus PESCO: экономические аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 6, сс. 40-50.
Vorotnikov V.V., Gribin N.P., Petlyayeva D.A., Pimenova E.V., Yakutova U.V. NATO versus PESCO: Economic Aspects. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 40-50. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50>
9. Smit T. New Compact, renewed impetus: enhancing EU's ability to act through its civilian CSDP. *SIPRI Research Policy Paper*, November 2023. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-11/rpp_2023_04_eu_csdp_compact_1.pdf (accessed 31.05.2024).
10. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security. A new Framework for Analysis*. London, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
11. Lucarelli S., Sperling J., Webber M., eds. *Collective Securitisation and Security Governance in the European Union*. Abingdon, Routledge, 2021. 232 p. Available at: <https://www.routledge.com/Collective-Securitisation-and-Security-Governance-in-the-European-Union/Lucarelli-Sperling-Webber/p/book/9781032085869?srsId=AfmBOoo7HXmnpg7ZiD5VseUHs1g-RGeLeY5Aw734h6Frhy3UfkU8NQJ> (accessed 31.05.2024).
12. Sperling J., Webber M. The European Union: security governance and collective securitization. *West European Politics*, 2019, vol. 42, iss.2, pp. 228-260. Available at: <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510193>
13. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., ред. *Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. Аналитический доклад*. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 32 с.
Arbatova N.K., Kokeev A.M., eds. *A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy 2016. Analytical Report*. Moscow, IMEMO, 2017. 32 c. (In Russ.) DOI: 10.20542/978-5-9535-0505-5
14. Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества. *Актуальные проблемы Европы*, 2019, № 4, сс. 158-171.
Chernega V.N. France and Germany: The Dialectics of Cooperation and Competition. *Current Problems of Europe*, 2019, no. 4, pp. 158-171. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2019.04.09
15. Ceccorulli M., Fioramonti L., Santini R.H., Lucarelli S. EU Security governance. *EU-GRASP working papers*, February 2010. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%202.pdf> (accessed 31.05.2024).
16. Bossong R. Policy networks for European internal security governance: toward a more systematic empirical and normative assessment. *Journal of transatlantic studies*, 2020, vol. 18, pp. 190-208. DOI: 10.1057/s42738-020-00043-0
17. Пашковская И.Г. Нормы первичного права как правовой фундамент деятельности Европейского союза в области безопасности и обороны, в том числе во взаимодействии с НАТО. *Международное право и международные организации*, 2017, № 4, сс. 29-36.
Pashkovskaya I. G. The Norms of Primary Law as a Legal Foundation of the Activity of European Union in the Area of Security and Defense, Including Collaboration with NATO. *International Law and International Organizations*, 2017, no. 4, pp. 29-36. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.4.25054
18. Фадеева Л.А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*, 2021, № 7, сс. 18-26.
Fadeeva L.A. Contemporary Challenges of the Identity Policy in the EU. *Contemporary Europe*, 2021, no. 7, pp. 18-26. (In Russ.) Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720211826>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*. European Union External Action, June 2016. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 01.06.2024).
2. *European Security Strategy: A Secure Europe in a Better World*. Publication Office of the European Union, 2009. 46 p. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d0928657-af99-4552-ae84-1cbaaa864f96/> (accessed 01.06.2024).
3. A Strategic Compass for Security and Defence. *European Union External Action*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed 01.06.2024).
4. *MILEX 23 – EU Crisis Management Military Exercise*. European Union External Action. 18.09.2023. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/milex-23---eu-crisis-management-military-exercise-2023_en (accessed 03.06.2024).
5. *Kick-off the EU Crisis Management Military Exercise 2024 – MILEX 24*. European Union External Action. 11.04.2024. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/kick-eu-crisis-management-military-exercise-2024-milex-24_en (accessed 03.06.2024).

6. France, German, Italian and Spanish Defence Ministers reaffirm their strong commitment to Europe. *European Defence Review*, 30.05.2020. Available at: <https://www.edrmagazine.eu/france-german-italian-and-spanish-defence-ministers-reaffirm-their-strong-commitment-to-europe> (accessed 03.06.2024).
7. *Permanent Structured Cooperation (PESCO)*. Available at: <https://www.pesco.europa.eu> (accessed 03.06.2024).
8. COUNCIL DECISION (CFSP) 2023/995 of 22 May 2023 amending and updating Decision (CFSP) 2018/340 establishing the list of projects to be developed under PESCO. *Official Journal of the European Union*, 23.05.2023. Available at: <https://www.pesco.europa.eu/wp-content/uploads/2023/06/2023-05-22-Council-Decision-PESCO-projects-update-5th-wave-2023.pdf> (accessed 03.06.2024).
9. European Security and Defence Identity. *EUR-Lex. Access to European Union Law*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/european-security-and-defence-identity.html> (accessed 05.06.2024).
10. Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead. *The Economist*, 07.11.2019. Available at: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead> (accessed 05.06.2024).
11. Brexit is a “historic warning sign” for the European Union, says Macron. *France 24*, 31.01.2020. Available at: <https://www.france24.com/en/20200131-brexit-united-kingdom-macron-britain-france-eu-european-union-europe-french-president-london-brussels-elysee-palace> (accessed 05.06.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-34-43

EDN: NHGTKJ

ИММИГРАЦИЯ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОБОСТРЕТСЯ

© 2025 г. Н.Ю. Лапина

ЛАПИНА Наталия Юрьевна, доктор политических наук,
ORCID 0000-0002-1449-2152, lapina_n@mail.ru
ИНИОН РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.

Статья поступила 21.08.2024. После доработки 25.09.2024. Принята к печати 21.10.2024.

Аннотация. За последние десятилетия Франция превратилась в страну этнического и конфессионального многообразия, угрожающего традиционной идентичности. На протяжении длительного времени эти вопросы в публичном пространстве не обсуждались. Принцип гражданской нации предполагает, что граждане страны разделяют республиканские ценности и подчиняются законам Республики. Жизнь заставила по-новому взглянуть на соответствие нормативных установок общественным реалиям. Этноконфессиональные расколы все чаще приобретают политическое измерение.

Ключевые слова: мусульманское сообщество, ислам, Франция, “исламогошизм”, публичная дискуссия, М. Ле Пен, Э. Макрон, Ж.-Л. Меланшон.

IMMIGRATION AND ETHNO-CONFESSIONAL HETEROGENEITY IN MODERN FRANCE: THE CONFRONTATION IS AGGRAVING

Natalia Yu. LAPINA,
ORCID 0000-0002-1449-2152, lapina@inion.ru
Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), 51/21,
Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 21.08.2024. Revised 25.09.2024. Accepted 21.10.2024.

Abstract. Over the past four decades, French society has changed beyond recognition. The large-scale socio-economic changes that resulted from France's entry into the global economy were accompanied by the closure of entire industries, the growth of mass unemployment, and shifts in the social structure of society. Another consequence of joining the global economy was a massive increase in immigration. By the time it entered the global world, French society was not monoethnic. However, the policy of assimilation of foreigners pursued by the authorities was focused on the forced cultural rapprochement of new arrivals with the indigenous population, and aimed at turning foreigners into “goody Frenchmen”. Since the mid-1980s, the political vector has changed: the policy of assimilation has been replaced by multiculturalism and integration. In 2022, there were 7 million immigrants and 6 million Muslims living in the country. For a long time, issues of ethnocultural and religious diversity in France were kept silent. The principle of a civic nation assumes that the citizens of a country share republican values and are subject to the laws of the Republic. Life has forced us to take a fresh look at the correspondence of normative guidelines to social realities. Over the past decades, France has become a country of ethnic and religious diversity. The ethno-confessional split is increasingly acquiring a political dimension. Is it necessary to accept new immigrants? Is there a chance to integrate French-born children of immigrants and newly arrived foreigners into the host society? These issues are the focus of political debate.

Keywords: Muslim community, Islam, France, “islamo-goshism”, public discussion, M. Le Pen, E. Macron, J.-L. Melenchon.

About author:

Natalia Yu. LAPINA, Dr. Sci. (Political), Principal Researcher.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних четырех десятилетий французское общество изменилось до неузнаваемости. Масштабные социально-

экономические сдвиги, ставшие следствием вступления Франции в глобальную экономику, сопровождались закрытием целых производственных отраслей, ростом массовой безрабо-

тицы, сдвигами в социальной структуре. Еще одним следствием вовлечения в процесс глобализации стал масштабный рост иммиграции.

В научной литературе не существует единого подхода к изучению этого явления. Одни ученые рассматривают его как “внутренний” феномен французского общества. Особое внимание в исследованиях данного направления уделяется проблемам социально-экономического неравенства [ист-ки 1, 2] и дискриминации в отношении выходцев из среды иммигрантов [1].

Второй подход предполагает изучение процессов, протекающих внутри самого иммигрантского сообщества в контексте глобальных геополитических трансформаций. С 1980-х годов его разрабатывает политолог и арабист Жиль Кепель. Ученый исследовал феномен реисламизации выходцев из иммиграции на фоне социального неблагополучия, роста безработицы и бедности. Эти проблемы изучались Кепелем с учетом изменений, происходивших в последние четыре десятилетия в исламском мире [2]. В общем массиве научной литературы выделяются также полевые социологические исследования, которые проводятся в среде иммигрантов и их потомков во Франции [3].

Масштабы иммиграции, рост ее нелегальной составляющей, террористические вызовы, связанные с деятельностью радикальных исламистских организаций, актуализировали изучение связей между этими явлениями и угрозой радикализации европейских обществ, проблемами безопасности [4]. В российской науке иммиграция рассматривается как одна из “невоенных угроз” современного мира [5], а “исламистский сепаратизм” исследуется через призму опасности, которую он представляет для светской государственности [6].

Автора статьи интересовало, как первое поколение иммигрантов, представители арабомусульманского сообщества¹, адаптировались к жизни во французском обществе и какие жизненные стратегии избирают их дети и внуки. Другим исследовательским вопросом стало отражение этноконфессионального раскола в общественно-политической дискуссии.

¹ Понятие “сообщество” условно применительно к выходцам из мусульманских стран. Арабо-мусульманский мир Франции разделен по принципу страны происхождения, его представители придерживаются различных традиций и нередко конфликтуют между собой.

ИММИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В послевоенный период во Франции выделяются три иммиграционные волны. **Первая** пришлась на 1960–1970-е годы и была обусловлена привлечением трудовой миграции в основном из стран Магриба. В 1960-е годы разработанной системы принятия иммигрантов в Республике не существовало. Первое поколение прибывших иностранцев работало на крупных предприятиях, где они приобретали новый социальный опыт. Трудовая мотивация воспитывала в людях чувство коллективизма, уважение к стране, которая дала им работу и улучшила социально-экономическое положение их семей. В 1950–1960-е годы рядом с индустриальными зонами началось строительство жилых массивов. По задумке устроителей новые жилищные комплексы “должны были стать образцом решения социальных проблем в духе коллективизма” [7]. В многоэтажных домах проживали рабочие разных национальностей — коренные французы, португальцы, армяне, евреи, арабы. Первоначально отношения были добрососедскими, этнических и религиозных конфликтов, по словам жителей кварталов, в те годы не возникало [8, р. 119]. В 1960–1970-е годы, до тех пор пока иммигранты рассчитывали вернуться на родину, они лояльно относились к нравам и обычаям принимающего общества. С началом экономического кризиса в 1974 г. прием трудовых мигрантов был приостановлен.

Вторая иммиграционная волна была связана с решением французских властей облегчить воссоединение семей уже въехавших в страну иностранцев (1976 г.). Экономический кризис, разразившийся двумя годами ранее, тяжело сказался на положении рабочих-иммигрантов, они первыми оказались в числе потерявших работу. Труд перестал выполнять роль интеграционного механизма, и прежние модели социализации действовать перестали. Главное же, что выяснилось с приездом семей, иммигранты останутся во Франции навсегда.

Третья волна стартовала в 1980-е годы и продолжается по сей день. Большинство иммигрантов приезжают во Францию в рамках программы воссоединения семей (41% общего числа за период с 2005 по 2020 г.). Все чаще они прибывают по гуманитарной линии: численность вынужденных беженцев и просителей убежища не-

уклонно возрастает в результате участвовавших вооруженных конфликтов [ист. 3, р. 126]. Только в течение 2022 г. в Республику въехала 331 тыс. иммигрантов [ист. 4].

В 2022 г., по данным национальной статистики, во Франции проживало 7 млн иммигрантов (10.3% населения страны), большая их часть прибыла из мусульманских государств Африки [ист. 5]. Приехавшие и их семьи преимущественно проживают в неблагополучных кварталах, которые во Франции принято называть “кварталами, требующими повышенного внимания” (*quartiers sensibles*). Это построенные в 1950–1970-е годы жилые комплексы, которые к настоящему времени ощутимо деградировали. Несмотря на масштабные вложения в городское строительство и улучшение транспортной инфраструктуры, такие зоны остаются “кварталами отчуждения”.

По уровню образования иммигранты отстают от коренных французов: у 38% выходцев из неевропейских стран в возрасте от 30 до 64 лет нет ни одного квалификационного диплома (16% — для этнических французов) [ист. 6]. Уровень безработицы среди иммигрантов и их детей, по официальным данным, вдвое превышает этот показатель среди граждан, не имеющих иностранных корней. В процентном соотношении он составляет 13% для иммигрантов и 12 — для выходцев из иммиграции (по сравнению с 7% для коренных жителей Республики) [ист. 7]. “Я счастлив, как араб во Франции”², — с грустной иронией поет репэр Медин, рассказывая о несправедливости и унижениях, с которыми сталкиваются французы арабского происхождения [ист. 8]. Опросы свидетельствуют, что многие представители арабо-мусульманского сообщества во Франции чувствуют себя людьми “второго сорта”, несмотря на наличие гражданства. Экономическое положение, ограниченные возможности социальной мобильности во многом определяют жизненные траектории выходцев из иммигрантской среды.

СТРАТЕГИИ “ВЖИВАНИЯ” И ВЫЖИВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С момента принятия решения об окончательном переселении во Францию перед семьями иммигрантов закономерно вставал вопрос: как жить

² Название песни отсылает к французской поговорке: “Счастлив, как бог во Франции”.

дальше? Представители арабо-мусульманского сообщества избирают разные стратегии, среди которых: 1) полноценная интеграция, 2) поиск собственной идентичности, 3) конфликтная адаптация, 4) исход. Некоторые их аспекты ранее освещались в статьях автора [9].

Полноценная интеграция — это сложный процесс, в ходе которого представители этнических меньшинств постепенно усваивают нормы и правила принимающего общества. В результате возникает своеобразный сплав первичной и приобретенной идентичностей. При этом существенную роль играют установки индивида и его семьи. Нередко родители арабского происхождения дают своим детям французские имена. Эта “защитная стратегия” позволяет лучше адаптироваться в изначально чуждом обществе. Другой возможный шаг — переезд семьи из иммигрантского квартала в благополучный район. Чаще всего “защитная стратегия” практикуется представителями средних классов, которые имеют культурные, социальные и иные ресурсы.

Родители, которые стремятся, чтобы их дети полностью интегрировались во французское общество, делают ставку на получение хорошего образования. Немало детей из мусульманских семей обучается в частных школах. Например, французский политик алжирского происхождения Зина Дахмани вынуждена была отдать своих детей в частную школу, так как в государственной они, по ее словам, подвергались преследованиям со стороны учеников-мусульман из-за того, что не соблюдали пост в Рамадан, а девочка носила короткую юбку. “Для женщин моего поколения, — говорит французская режиссер-документалист Адила Беннеджай-Зу, приехавшая с матерью во Францию в 1980-е годы и снявшая фильм о судьбах арабских женщин, — Французская республика предлагала социальный успех и признание взамен на принятие ее ценностей”. Режиссер выиграла, по ее собственному признанию, “конкурс на интеграцию”, частично отказавшись от своей “арабской сущности” [10].

О полноценной интеграции свидетельствует участие в общественно-политической жизни. Среди французских политиков немало женщин, вышедших из семей иммигрантов: Рашида Дати — в прошлом министр юстиции (2007–2009 гг.), а в настоящее время — министр культуры (2024 г.); Фадила Амара — министр по вопросам городской политики (2007–2010 гг.) и др., для кого политика стала социальным лиф-

том. Все чаще выходцы из иммиграции побеждают на местных и региональных выборах.

В ходе выборов в Европейский парламент (июнь 2024 г.) на французской политической арене появились новые фигуры, имеющие иммигрантские корни. На левом фланге — это 32-летняя франко-палестинка Римма Хасан, выросшая в лагере для беженцев в Сирии. На правом фланге — 31-летняя Сара Кнаффо, дочь иммигрантов, родившаяся в неблагополучном департаменте Сена-Сен-Дени. Яркий политик — 28-летний Жордан Барделла — лидер праворадикального “Национального объединения”, сын иммигрантов, выросший в том же Сена-Сен-Дени. “Барделла стал символом как успешной ассимиляции, так и социального восхождения, воплощением того, что исторически могла создать республиканская французская модель”, — пишет социолог Ж. Фурке [11]. Двое названных молодых политиков могли бы присоединиться к словам С. Кнаффо о том, что они стали тем, кем стали, “благодаря Франции” [12].

Для многих выходцев из арабо-мусульманской среды **поиск собственной идентичности** приобретает форму *реисламизации*. Представители первого поколения иммигрантов стремились быть гиперкорректными. Религия была для них сугубо частным делом, они старались “быть незаметными” и не демонстрировали свою приверженность исламу. Речь шла, по воспоминаниям детей иммигрантов, в основном о “культурном исламе”: в семьях ели халяльную пищу и отмечали религиозные праздники [3, р. 81].

В начале 1980-х годов созданная еще в 1920-е в Египте организация “Братья-мусульмане”³ одной из первых начала во Франции миссионерскую деятельность. Показательно, что проповедники организации имели хорошее исламское религиозное образование, а их паству составляли в большинстве простые рабочие, многие из которых к тому времени потеряли работу и пытались найти поддержку в культурно чуждой им среде. “Этническая идентичность в ее повседневных проявлениях оказывается опорой самостояния человека в обезличенном мире, ответом ценностному релятивизму потребительского общества”, — пишет И.С. Семененко [13, с. 103]. В полной мере эти слова относятся и к религиозной идентичности. В среде иммигрантов-рабочих произошел переход от начавшей складываться

“пролетарской идентичности к идентичности мусульманской” [2, р. 65]. Реисламизация — это не только поиск смысла жизни, но и реализация потребности в норме, включая бытовые проявления. Так, в неблагополучных кварталах люди благодарны мусульманским проповедникам за то, что те “отвратили” многих молодых людей от наркомании и что в домах с молевыми залами наркоторговцы не появляются.

Реисламизация затронула не только представителей рабочих профессий. Многие получившие высшее образование представители второго и третьего поколений иммиграции в поисках исторических корней и собственной идентичности обратились к религии. В середине 1990-х годов в этой среде возникла потребность в “интеллектуальном исламе”. В отличие от родителей, сосредоточенных в первую очередь на материальном обустройстве в новой стране, дети интересовались духовными практиками, религиозной литературой. Религия, как свидетельствуют опросы общественного мнения, сегодня играет важную роль в жизни французских мусульман [14, 15]. Большинство из них исповедует умеренный традиционный ислам.

Двум вышеописанным жизненным стратегиям противостоит стратегия **конфликтной адаптации**, которая включает механизмы выживания, противоречащие законам принимающей страны и типичным для нее нормам общественной жизни. За последние десятилетия многие неблагополучные кварталы во Франции превратились в центры наркоторговли, включенные в международные криминальные сети. Первыми жертвами наркокартелей становятся дети, которых нередко в возрасте 12–13 лет вовлекают в “дело”, чаще всего используя в качестве “наблюдающих”. Мальчики проводят целый день перед пунктами продажи наркотиков, считая свою деятельность обычным вариантом трудоустройства.

Нередко для молодых выходцев из неблагополучных кварталов “способом самовыражения становится насилие” [3, р. 117, ист. 9]. В современной Франции заметен рост преступности в среде несовершеннолетних. Мощным социальным взрывом явились городские восстания лета 2023 г. Средний возраст участников беспорядков составил 13–14 лет.

Существует еще одна жизненная стратегия, которая выходит за пределы принятых норм общественной жизни, когда *реисламизация* пере-

³ Террористическая организация, запрещена в РФ.

ходит в *радикализацию*. Мусульманские проповедники крайнего фундаменталистского толка появились во Франции в 1970–1980-е годы. Они проповедовали радикальную версию ислама среди наиболее уязвимых социальных категорий. Цель одной из самых известных группировок – “Братьев-мусульман” состояла в изменении традиционной светской политической культуры французского общества и установлении шариата – “высшего божественного закона”, по сути, юридических и поведенческих норм, базирующихся на догмах исламского религиозного учения. “Братья” основали ассоциацию – Французское объединение исламских организаций (*Union des organisations islamiques de France*)⁴. С 1990 г. эта организация объявила Францию “территорией ислама”. Представители другого исламистского течения – таблиги⁵, в отличие от “братьев”, дистанцируются от политической власти, избрав основной сферой деятельности духовную проповедь. Главные цели таблигов – не допустить интеграции выходцев из арабо-мусульманского мира во французский социум и создать параллельное, основанное на религиозных принципах общество внутри Республики.

Различные течения исламского радикализма ведут между собой борьбу за лидерство. Но всех их объединяет неприятие базовых принципов французского общества с его ценностями индивидуальной свободы, равенства мужчин и женщин. Исламисты, считает профессор Университета Париж-3 Б. Ружье, создали во Франции собственную “экосистему” [14, р. 29]. В нее входит множество ассоциаций, спортивных клубов, коранических школ, книжных магазинов. Антрополог Ф. Бержо-Блеклер исследовала экономические аспекты “исламистской экосистемы”. Она обнаружила, что рынок разрешенных мусульманам продуктов во всем мире приносит колоссальные доходы. Возник он, считает исследователь, на пересечении глобальной неоллиберальной экономики и фундаменталистских исламистских движений [16].

В последние годы социальный контроль исламского сообщества за единоверцами неуклонно возрастал. Французские мусульмане все чаще дают своим детям традиционные арабские имена, число женщин, носящих скрывающую тело

одежду, растет. Опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (*Institut français d'opinion publique, IFOP*) в январе 2024 г., свидетельствовал, что 35% приверженцев ислама в стране в возрасте до 25 лет считали религиозный закон выше общегражданского [17]. В школах и на улице французы арабского происхождения, не соблюдающие коранических норм и правил, в частности женщины в коротких юбках, не носящие хиджаба, все чаще подвергаются агрессии со стороны радикалов.

Часть фундаменталистов готова отвоевывать “земли у неверных” насильственными методами. В ходе своей борьбы они практикуют убийства, нападения, террористические атаки. Джихадизм как воинствующая форма религиозного движения стал “крайней формой исламизма” [18, с. 67]. С начала XXI в. ряды джихадистов, совершающих террористические акты на территории Франции, все чаще пополнялись выходцами из иммиграции, имеющими французское гражданство.

Наконец, существует еще одна жизненная стратегия – **исхода**, когда представители арабо-мусульманского сообщества принимают решение уехать из страны. В 2022 г., по оценкам специалистов, около 195 тыс. мусульман покинули Францию [3, р. 54]. В 2021–2022 гг. исследователи из университета г. Лилля провели опрос среди таких переселенцев [3]. Большая часть опрошенных принадлежала ко второму поколению иммиграции. Они родились во Франции, успешно учились, половина респондентов получила диплом о высшем образовании. Участники опроса переехали жить в другие страны Запада, а также государства Ближнего и Среднего Востока, в Сингапур. Мотивы отъезда в группе различались: кто-то хотел добиться больших результатов в профессиональной сфере, повысить свой социальный статус и уровень жизни, создать собственное предприятие. Тем не менее для подавляющего большинства решение об отъезде было обусловлено стремлением свободно “в спокойной обстановке практиковать свою религию” [3, р. 40].

Наряду с “чистыми” стратегиями интеграции/адаптации иммигрантов и их потомков существуют промежуточные, которые приводят к формированию сегментированного сознания. В этих случаях этническая и религиозная идентичность совмещается с идентичностью гражданской. В близком кругу человек ведет себя

⁴ Преобразовано в 2017 г. в “Мусульмане Франции” (*Musulmans en France*).

⁵ Организация “Таблиги Джамаат” запрещена в РФ.

согласно семейным и религиозным правилам, а в остальном подчиняется общественным нормам. О “гибридном сознании” иммигрантов-мусульман в Испании пишет С.М. Хенкин [19]. А.В. Гордон исследовал “совмещенную идентичность”, характерную для представителей китайской диаспоры во Франции [20]. Глубоко верующие мусульмане, которые не хотят “разрываться” между канонами собственной религии и порядками Республики, принимают решение об эмиграции из страны либо замыкаются в кругу единоверцев и, оставаясь во Франции, живут в “параллельном” мире.

ИММИГРАЦИЯ И ИСЛАМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ОБОСТРЯЮТСЯ

Отношение французских политических партий к иммиграции в целом и мусульманскому сообществу в частности неоднократно менялось. Нам уже приходилось об этом писать [21]. Впервые в общественном пространстве Франции мусульмане как религиозное сообщество заявили о себе в ходе забастовок на автомобильных заводах в 1980-е годы. Рабочие-мусульмане, совершавшие намаз на заводах “Пежо” и “Ситроэн” в рабочее время, вызывали недоумение. Другим знаковым событием стало дело о ношении мусульманского платка — хиджаба в колледже Крей. Три девочки, пришедшие на занятия в хиджабах, в 1989 г. были исключены из колледжа. Их поступок был демонстративным актом, свидетельствовавшим о том, что для радикальных проповедников Франция становится “землей ислама”. С этого момента, пишет историк Ж.-Фр. Сиринелли, перед французами открылась новая реальность: они поняли, что в их стране существует “культурная общность”, претендующая на самостоятельную роль в общественной жизни [22, p. 304].

Дело в колледже Крей стало знаковым тестом для французских политиков. Социалисты, принявшие в 1980-е годы идею мультикультурализма, поддерживали арабо-мусульманское сообщество. Хотя тогдашний премьер-министр Франции социалист Л. Жоспен занял нейтральную позицию, представители левого крыла Социалистической партии отметились громкими критическими заявлениями по поводу исключения учащихся. Наиболее последовательным защитником интересов арабо-мусульманского сообщества вплоть до наших дней является ли-

дер леворадикальной “Непокоренной Франции” (НФ) Жан-Люк Меланшон. НФ выступает в поддержку иммигрантов с критикой “бесчеловечного” отношения к ним в странах Европейского союза в целом и Франции в частности. Меланшон видит в иммигрантах “новый пролетариат”, права которого он стремится защищать. Круг его союзников неуклонно растет, среди них — сторонники нового антиколониального и женского движения, ЛГБТ-сообщества, выступающие против любых форм угнетения и неравенства. Вместе взятые, они образуют течение, которое во Франции получило наименование “исламогашизм” (*islamo-gauchisme*). Эти группы объединяет ненависть к капитализму и либеральной модели глобализации. При этом их удивительным образом не смущают такие очевидные противоречия, как, например, отсутствие в мусульманской общине мужского и женского равноправия, традиция выдачи девушек замуж помимо их воли и т. д. Накануне выборов в Европейский парламент (июнь 2024 г.) главной темой НФ стала защита прав палестинского народа. Этот лозунг, порой плохо прикрывавший довольно агрессивный антисемитизм, был поддержан в “неблагополучных кварталах” и французских университетах.

Поддержка социалистами арабо-мусульманского населения отнюдь не была альтруистическим актом. Это линия поведения, нацеленная на расширение электората, которая вполне себя оправдала. В 2007 г. на выборах президента “неблагополучные кварталы” голосовали за кандидата от Соцпартии С. Руаяль, а в 2012 г. — за Ф. Олланда. В 2022 г. французские мусульмане в первом туре президентских выборов поддержали Меланшона (69%). А в ходе выборов в Европарламент в июне 2024 г. 62% мусульман проголосовало за список “Непокоренной Франции” [ист. 10].

Вместе с тем на левом фланге нет внутреннего единства по иммигрантской проблеме. Перед левыми, по словам французского социолога Люка Рубана, стоит дилемма: “Защищать республиканское наследие или религиозные сообщества, в частности мусульманскую общину” [23]. Социалисты, в отличие от представителей леворадикального течения, отстаивают единые для всех граждан правила и республиканские ценности, поддерживая при этом прием новых иммигрантов и выдвигая требование уважительного к ним отношения.

В последнее десятилетие во Франции неуклонно росло влияние праворадикальных политических партий, за представителей которых в первом туре президентских выборов (2022 г.) проголосовала одна треть избирателей. “Национальное объединение” (НО) Марин Ле Пен традиционно выступает против наплыва мигрантов. Среди мер, которые, на взгляд сторонников Ле Пен, могут ограничить их поток, принцип “национального приоритета”, призванный обеспечить французам приоритетный доступ на рынок труда, к социальным и прежде всего медицинским услугам. В ходе обсуждения закона об иммиграции в 2023 г. НО сформулировало ряд предложений, в том числе: установление квот на прием иммигрантов; ужесточение требований к воссоединению семей; ограничение доступа иммигрантов к получению универсальных социальных пособий; изменение условий натурализации детей, рожденных во Франции от родителей-иностранцев.

В 2022 г. в политической жизни Франции появилась еще одна право-популистская партия “Отвоевание” (*Reconquête*). Она сосредоточила внимание на следующих главных темах: национальная идентичность, иммиграция, безопасность. Проблеме национальной идентичности была посвящена президентская кампания Эрика Земмура в 2022 г., она стала ключевой и в преддверии выборов в Европейский парламент. Партия делает акцент на внутренней конфликтности этнически неоднородного общества и неизбежности гражданской войны, которая угрожает стране вследствие нарастающей исламизации. Сформулированные “Отвоеванием” предложения в области иммиграционной политики включают: запрет на прием новых иммигрантов (“нулевая иммиграция”), на воссоединение семей и предоставление официального статуса нелегальным иммигрантам; отказ от предоставления гражданства на основе принципа “права почвы”.

В свою очередь, действующие власти Франции стремятся сочетать прием новых иммигрантов с защитой республиканских ценностей и мерами по интеграции иностранцев. В Республике принята серия иммиграционных законов. В 2004 г. запрещено ношение религиозных знаков отличия в публичных местах. Закон 2020 г. направлен на улучшение условий интеграции иностранцев и их детей.

В январе 2024 г. после долгих перипетий вступил в силу новый иммиграционный закон. В его

основе, как утверждают власти, лежит принцип равновесия: в документе присутствуют статьи, направленные как на интеграцию иммигрантов, так и на выдворение тех, кто представляет угрозу общественной безопасности. Эта логика нашла отражение в названии самого законодательного акта — “Контролировать иммиграцию, совершенствовать интеграцию” [ист. 11]. Нелегальные иммигранты, занятые в отраслях, где наблюдается дефицит рабочей силы (ресторанное дело, строительство, помощь по дому), получили возможность легализовать свой статус. Законом учреждался новый четырехлетний вид на жительство “для талантов в сфере медицины и фармацевтики” для выходцев из стран, не являющихся членами ЕС. Среди мер, призванных углубить интеграцию, значилось повышение требований к знанию французского языка для лиц, впервые получающих вид на жительство во Франции, а также для получателей “карты резидента”. Облегчалось выдворение за пределы государства лиц, которые осуждены и представляют опасность для общества.

Новый закон вызвал серьезную критику: левые упрекали его в излишне жестком отношении к иммигрантам, правые — в излишне мягком. “Странно вести борьбу с нелегальными иммигрантами путем легализации их статуса”, — заявил председатель группы правоцентристов (партия “Республиканцы”) в Сенате Б. Ретайё [ист. 12]. “Республиканцы”, как, впрочем, и “Национальное объединение”, выступают за “юридический *Frexit*” — приоритет национального законодательства над европейским в вопросах иммиграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате притока иммигрантов Франция превратилась в страну этнического и конфессионального многообразия. Во французском обществе к социально-экономическим, пространственным, политическим расколам добавилось культурно-конфессиональное размежевание. Отношение к иммиграции и особенно иммиграции из мусульманских стран раскалывает французский социум. В 2024 г. 61% французских граждан считал, что в стране “слишком много иммигрантов”, большинство опрошенных видели в исламе “угрозу” европейской идентичности (61%)⁶ [ист. 13]. Больше половины французских граждан

⁶ По этому показателю Франция лидирует среди ряда стран ЕС.

ся сторонниками политики ассимиляции иностранцев (54%), выступает против принципов мультикультурализма [24, p. 327].

Неоднородно и само арабо-мусульманское сообщество. На одном полюсе — его представители, которые полностью интегрировались во французский социум. Базовым условием интеграции стала их лояльность по отношению к принимающей стороне и уважение республиканских принципов. На другом полюсе — те, кто сосредоточен на своей этнической и религиозной идентичности. Вместе с тем опросы свидетельствуют: мусульманское сообщество все более стремится к утверждению собственной идентичности. Подавляющее большинство французских мусульман (78%) расценивает политику светского государства как “дискриминационную” в отношении ислама. Более трети (36%) хотело бы, чтобы ислам стал первой религией Франции, а 49% — чтобы коренные французы становились мусульманами [17].

Долгое время во французском обществе об этнорелигиозных различиях говорить было не принято. Гражданская нация предполагает, что все члены общества разделяют ценности и подчиняются законам Республики. Французский политический класс не сомневался в способности своего государства интегрировать иностранцев и со временем сделать из их детей “хороших французов”. Начавшаяся реисламизация второго и третьего поколений иммигрантов стала шоком для политической элиты и была расценена ею как предательство республиканских идеалов. Непонимание и близорукость характеризовали не только политиков. Университеты отказывались изучать тему радикализации/политизации ислама, опасаясь, что результаты исследований предоставят аргументы сторонникам крайне правых политических взглядов. Табу было снято лишь после того, как Франция стала объектом нападений террористов.

“Отношение к иммиграции, — пишут авторы доклада о восприятии гражданами ЕС иммиграции, — становится частью новой политической фрагментации во многих странах” [25]. Во Франции это противостояние выражено особо остро. С одной стороны выступают правые радикалы — националисты и идентаристы, которые хотели бы остановить иммиграционные потоки и ограничить права выходцев из этой среды. С другой им противостоят левые радикалы, осуждающие “дискриминацию” мусульман и критикующие

“исламофобскую”, как они утверждают, политику властей.

В последние годы дискуссия по вопросам культуры и религии приобретает исключительную остроту. Ее новизна заключается в том, что крайне правые и крайне левые политики одинаково стремятся политизировать этничность. На это направлен дискурс Меланшона, который напоминает иммигрантам и их потомкам, что их нынешнее положение — “следствие колонизации”. В свою очередь, “Национальное объединение” после вспыхнувшего 7 октября 2023 г. конфликта между Израилем и Исламским движением сопротивления ХАМАС встало на защиту французских евреев. Впервые в истории руководители партии участвовали в маршах против антисемитизма. Политизация этничности — реальная угроза, возникшая во французском обществе.

Накануне выборов в Европарламент в 2024 г. французское телевидение показало многосерийный телефильм “Горячка” (*La Fièvre*), получивший большой общественный резонанс. В основе сюжета — столкновение между чернокожим футболистом и его белым тренером. Несмотря на то что конфликт удастся быстро погасить, социальные сети искусственно раздувают его. В “неблагополучных кварталах” начинаются протесты, хулиганские акции. “Леваки” поддерживают цветную молодежь. Параллельно “бурлит” праворадикальный лагерь, и белокурая красавица — явный намек на М. Ле Пен — призывает своих сторонников вооружаться, чтобы защитить себя. Атмосфера накаляется до предела, перспектива “гражданской войны”, о которой постоянно говорят герои, не кажется невероятной... Художник создает образы, но они тем сильнее, чем больше отражают реальность.

Защищая республиканские ценности, нынешние французские власти сосредоточили внимание на внешних атрибутах религиозности в публичном пространстве — на запрете ношения религиозных символов и мусульманской одежды. Эти меры, направленные на утверждение светского характера государства, должны были создать единые условия для всех граждан при посещении школ, больниц, государственных учреждений. Однако принципа “жесткой” светскости недостаточно, чтобы решить проблему интеграции исламского населения [18, с. 75].

Франция сегодня как никогда нуждается в продуманной политике приема и интеграции иммигрантов. Особого внимания требуют “не-

благополучные кварталы”. Однако недостаточно просто благоустроить социальные гетто, необходимо предоставить выходцам из иммиграции новые возможности в области образования, выхода на рынок труда, преодоления “стеклянного

потолка”, о котором говорят представители второго и третьего поколений. Именно в этих областях решается вопрос о будущем сотен тысяч мальчиков и девочек, рожденных в семьях иммигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Talpin J., et al. *L'Epreuve de la discrimination. Enquête dans les quartiers populaires*. Paris, PUF, 2021. 420 p.
2. Kepel G. *Prophète en son pays*. Paris, Ed. de l'Observatoire, 2023. 297 p.
3. Esteves O., Picard A., Talpin J. *La France, tu l'aimes, mais tu la quittes. Enquête sur la diaspora française musulmane*. Paris, Seuil, 2024. 308 p.
4. Арбатова Н.К. Миграционная угроза безопасности: предрассудки и реальность. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 2, сс. 61-70.
Arbatova N.K. Migration Threat to EU Security: Prejudices and Realities. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 2, pp. 61-70. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70>
5. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., Черкасова Е.Г., отв. ред. *Невоенные угрозы безопасности ЕС*. Москва, Весь мир, 2023. 658 с.
Arbatova N.K., Kokeev A.M., Cherkasova E.G., eds. *Non-Military Threats to the EU Security*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 658 p. (In Russ.)
6. Яшлавский А.Э. “Исламистский сепаратизм” во Франции как фактор экстремизма. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 10, сс. 73-80.
Yashlavskii A.E. “Islamist Separatism” in France as a Factor of Extremism. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 10, pp. 73-80. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-10-73-80>
7. Гордон А.В. Иммигрантская молодежь Франции против дискриминации. “Марш бёров” 1983 г. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 19. Востоковедение и африканистика*, 2024, № 4 (в печати).
Gordon A.V. Immigrant Youth of France Against Discrimination. “March of the Bears” 1983. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 9. Oriental and African Studies*, 2024, no. 4 (In Press). (In Russ.)
8. Kepel G. *Passions françaises. Les voix des cités*. Paris, Gallimard, 2014. 284 p.
9. Лапина Н.Ю. Этнокультурные метаморфозы Франции и проблема адаптации иммигрантов. *Актуальные проблемы Европы*, 2024, № 3, сс. 81-100.
Lapina N.Yu. Ethnocultural Metamorphoses of France and the Problem of Adaptation of Immigrants. *Current Problems of Europe*, 2024, no. 3, pp. 81-100. (In Russ.) Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=2623> (accessed 21.10.2024).
10. Bennedjaï-Zou A. *Heureuse comme une arabe en France*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=LAE7yKZXC-s> (accessed 25.06.2024).
11. Planchon R. Jérôme Fourquet: “Pouvoir d’achat, insécurité, immigration. Corburant de la fusée Bardella”. *Le Figaro*, 09.06.2024. Available at: <https://www.lefigaro.fr/vox/politique/jerome-fourquet-pouvoir-d-achat-insecurite-immigration-carburants-de-la-fusee-bardella-20240609> (accessed 15.06.2024).
12. Gentilhomme C., Laubacher L. Sarah Knafo (Reconquête): “Pourquoi je serai sur la liste de Marion Maréchal”. *Le Figaro*, 27.04.2024. Available at: <https://kiosque.lefigaro.fr/reader/01aba25d-2e27-4672-a4ed-5069a9c84c6b?origin=%2Fcatalog%2Fle-figaro%2Fle-figaro%2F2024-04-27> (accessed 29.04.2024).
13. Семенов И.С., ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с.
Semenenko I.S., ed. *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition*. Moscow, Ves' mir, 2017. 992 p. (In Russ.)
14. Rougier B., ed. *Les territoires conquis de l'islamisme*. Paris, PUF, 2021. 468 p.
15. Galland O. Des musulmans plus religieux et plus traditionnels que les chrétiens. Bréchon P., Gonthier F., Astor S., eds. *La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions*. Grenoble, PUG, 2019, pp. 234-241.
16. Bergeaud-Blackler F. *Le marché halal ou l'invention d'une tradition*. Paris, Seuil, 2017. 272 p.
17. Tellier J. Sondage IFOP: Des musulmans français en rupture avec la communauté nationale. *Boulevard Voltaire*, 30.01.2024. Available at: <https://www.bvoltaire.fr/sondage-ifop-des-musulmans-francais-en-rupture-avec-la-communaute-nationale/> (accessed 03.02.2024).
18. Чернега В.Н. Джихадистский вызов во Франции. *Актуальные проблемы Европы*, 2017, № 4, сс. 65-83.
Tchernega V.N. Jihadist Challenge in France. *Current Problems of Europe*, 2017, no. 4, pp. 65-83. (In Russ.) Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=47> (accessed 03.02.2024).

19. Хенкин С.М. Инокультурные сообщества в Испании: чужие и “свой”. *Актуальные проблемы Европы*, 2024, № 3, сс. 123-141.
Khenkin S.M. Foreign Cultural Communities in Spain: Strangers and “their own”. *Current Problems of Europe*, 2024, no. 3, pp. 123-141. (In Russ.) Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=2625> (accessed 21.10.2024).
20. Гордон А.В. Китайские общины Парижа: интегрироваться, сохраняя идентичность. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 3, сс. 136-163.
Gordon A.V. The Chinese Communities of Paris: To Integrate While Preserving Their Identity. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 3, pp. 136-163. (In Russ.) Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=658> (accessed 21.10.2024).
21. Лапина Н.Ю. “Исламский фактор” и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 11, сс. 97-105.
Lapina N.Yu. “Islamic Factor” and Socio-Political Debate on Immigration in Modern France. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 97-105. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-97-105>
22. Sirinelli J.-Fr. *Ce monde que nous avons perdu: une histoire de vivre ensemble*. Paris, Tallandier, 2021. 396 p.
23. Рубан Л. Неопределенность французской политической жизни: сдвиг вправо и кризис представительной демократии. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 3, сс. 188-212.
Rouban L. The Uncertainty of French Political Life: the Shift to the Right and the Crisis of Representative Democracy. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 3, pp. 188-212. (In Russ.) Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=660> (accessed 21.10.2024).
24. Roux G. L’immigration: une thématique clivante. Bréchon P., Gonthier F., Astor S., eds. *La France des valeurs. Quarante ans d’évolutions*. Grenoble, PUG, 2019, pp. 325-331.
25. Dražanová L., Gonnot J. *Attitudes Toward Immigration in Europe: Cross-Regional Differences*. 2020. Available at: <https://open-research-europe.ec.europa.eu/articles/3-66> (accessed 11.07. 2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Les immigrés frappés par la pauvreté et les bas revenus*. Observatoire des inégalités, 31.12.2022. Available at: <https://inegalites.fr/Les-immigres-frappes-par-la-pauvrete-et-les-bas-revenus> (accessed 15.02.2023).
2. *Immigrés et descendants d’immigrés: participation au marché de travail*. Paris, INSEE, 2023. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6793266?sommaire=6793391> (accessed 18.03.2024).
3. *France, portrait social*. Paris, INSEE, 2023. 230 p.
4. *Population immigrée, entrées sur le territoire, titres de séjour... S’y retrouver dans les chiffres de l’immigration*. Le blog de l’INSEE, 04.04.2024. Available at: <https://blog.insee.fr/s-y-retrouver-dans-les-chiffres-de-l-immigration/> (accessed 08.04.2024).
5. *L’essentiel sur ... les immigrés et les étrangers*. Paris, INSEE, 04.04.2024. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed 05.05.2024).
6. *Immigrés et descendants d’immigrés: Niveau de diplôme des immigrés et descendants d’immigrés*. Paris, INSEE, 30.03.2023. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6793262?sommaire=6793391> (accessed 15.04.2023).
7. *Immigrés et descendants d’immigrés: Chômage*. Paris, INSEE, 30.03.2023. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6793274?sommaire=6793391> (accessed 18.03.2024).
8. *Heureux comme un Arabe en France, chanson de Médine (paroles)*. Available at: [https://www.google.com/search?q=Heureux+comme+un+Arabe+en+France%2C+chanson+de+M%C3%A9dine+\(paroles\).&oeq=Heureux+comme+un+Arabe+en+France%2C+chanson+de+M%C3%A9dine+\(paroles\).+&gs_lcrp=EgZjaHJvWUyBggAEEUYODIBCTMyMjIqMGoxNagCCLACAQ&sourceid=chrome&ie=UTF-8](https://www.google.com/search?q=Heureux+comme+un+Arabe+en+France%2C+chanson+de+M%C3%A9dine+(paroles).&oeq=Heureux+comme+un+Arabe+en+France%2C+chanson+de+M%C3%A9dine+(paroles).+&gs_lcrp=EgZjaHJvWUyBggAEEUYODIBCTMyMjIqMGoxNagCCLACAQ&sourceid=chrome&ie=UTF-8) (accessed 14.07.2024).
9. *Sécurité et société*. Paris, INSEE, 2021. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/5763585?sommaire=5763633#consulter> (accessed 12.07.2024).
10. *Elections Européennes 2024: 62% des électeurs musulmans ont voté pour LFI, dont 83% qui le justifient par la guerre à Gaza (MàJ: 74% des électeurs musulmans ont voté à gauche)*. 18.06.2024. Available at: <https://www.fdesouche.com/2024/06/18/elections-europeennes-2024-62-des-electeurs-musulmans-ont-vote-pour-lfi-dont-83-qui-le-justifient-par-la-guerre-a-gaza/> (accessed 16.07.2024).
11. *Loi N 2024-42 du 26 janvier 2024 pour contrôler l’immigration, améliorer l’intégration*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049040245> (accessed 16.02.2024).
12. Immigration: une loi qui change quoi? *Reportage*, 06.11.2023. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=5X1IpRpK2s8> (accessed 12.11.2023).
13. *En qu’o’ji les Français ont-ils confiance aujourd’hui? Baromètre de la confiance politique*. Science Po CEVIPOF, février 2024. Available at: https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/BConf_V15_Extraction1_modif.pdf (accessed 26.03.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-44-54

EDN: EADLJM

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СЕТИ “ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА” В 2020-е ГОДЫ: НОВЫЕ ФОРМЫ, ЛОКАЦИИ И ВЫЗОВЫ

© 2025 г. А.Э. Яшлавский

ЯШЛАВСКИЙ Андрей Эдуардович, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0001-6112-3176, dossier@mail.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила 30.10.2024. После доработки 24.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Несмотря на тяжелый урон, нанесенный в 2010–2020-е годы транснациональным джихадистским террористическим сетям, экстремистские группировки, выступающие под знаменами “глобального джихада” (прежде всего “Исламское государство”¹ и “Аль-Каида”²), не только выжили, но и демонстрируют способность адаптироваться к новым условиям и по-прежнему представляют огромную опасность на разных уровнях в различных частях света. Террористические сети временно отошли в тень, пытаясь перегруппировать свои силы и найти новые поля и возможности для своей экстремистской деятельности. Характерной чертой современных транснациональных сетей исламистского толка является расширение географии, прежде всего за счет стран Африки. В статье рассматривается также влияние войны в секторе Газа на деятельность транснациональных джихадистских сетей.

Ключевые слова: исламизм, джихадизм, экстремизм, терроризм, “Исламское государство”, ИГИЛ, ИГ, “Аль-Каида”, глокализм, сектор Газа, “Хорасан”.

TERRORIST NETWORKS OF THE “GLOBAL JIHAD” IN THE 2020s: NEW FORMS, LOCATIONS AND CHALLENGES

Andrey E. YASHLAVSKY,
ORCID 0000-0001-6112-3176, dossier@mail.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 30.10.2024. Revised 24.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. Despite the heavy damage inflicted on transnational jihadist terrorist networks in the 2010s and 2020s, extremist groups acting under the banner of “global jihad” (primarily the Islamic State and Al-Qaeda) have not only survived, but also demonstrate the ability to adapt to new conditions and still pose a huge threat at different levels in various parts of the world. Terrorist networks have temporarily retreated into the shadows, trying to regroup their forces and find new fields and opportunities for their extremist activities. There are reasons to fear that we may be talking about the “calm before the storm”. A characteristic feature of modern transnational Islamist networks is the expansion of geography, primarily at the expense of African countries. Also, the “Afghan branch” of the Islamic State group (ISKP), which is not limited to the territories of Afghanistan and the countries bordering it, is showing special operational and propaganda activity. The expansion of the geography of terrorist networks is reflected in the evolution of their internal structure (which is especially evident in the example of the development of the management system of the “branches” of the IS network). The article also examines the impact of the war in the Gaza Strip on the activities of transnational jihadist networks. The author concludes that as long as the causes contributing to the growth of religiously motivated extremism and terrorism remain, global jihadist networks will continue to exist using various forms of hybrid warfare (terrorist acts, sabotage and guerrilla activities, seizure of territories for more or less long periods, propaganda war, recruitment activities, undermining public peace, etc.). It is also logical to assume that transnational Islamist networks will continue to skillfully combine their global ambitions with a purely local agenda, which poses a threat to a number of specific regions. And an equally alarming sign is the ability of adherents of the “global jihad” to use international conflicts for their own purposes.

Keywords: Islamism, jihadism, extremism, terrorism, Islamic State, ISIS, IS, Al-Qaeda, glocalism, Gaza war, ISKP.

About author:

Andrey E. YASHLAVSKY, Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher.

¹ “Исламское государство” (ИГ, ИГИЛ) — запрещенная в РФ террористическая организация.

² Запрещенная в РФ террористическая организация.

ВВЕДЕНИЕ

Мощные поражения, нанесенные в конце 2010-х годов в ряде регионов мира крупнейшим террористическим исламистским группировкам, претендующим на роль носителей идей “глобального джихада”, а также ряд обозначившихся в начале 2020-х годов острых конфликтов на политической карте мира (украинский кризис, война в секторе Газа и др.) в значительной мере способствовали потере транснациональными джихадистскими сетями репутации “врага № 1” мирового сообщества. Однако, если в немалой степени преувеличенный средствами массовой информации в предшествовавшие десятилетия зловещий имидж таких группировок, как “Исламское государство (ИГ)” и “Аль-Каида”, значительно поблек, то реальная опасность, представляемая ими, по-прежнему существует, распространяясь по миру.

Действительно последние годы оказались трудными для центрального руководства этих тяжеловесов джихадистского движения. ИГ практически утратило не только свои территориальные приобретения на Ближнем Востоке, но и целый ряд уничтоженных один за другим за весьма короткий период лидеров, столкнувшись к тому же с финансовыми проблемами. В то же время “Аль-Каида” уже почти два десятилетия не совершала крупных терактов на Западе, а в июле 2022 г. лишилась своего лидера Аймана аль-Завахири, ликвидированного в результате американского удара в Афганистане [1, р. 1]. Однако связанные с этими двумя транснациональными джихадистскими сетями группировки, действующие в Африке, добиваются определенных успехов, особенно в регионе Сахеля. Более того, как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН, террористические сети и их филиалы сохранили способность совершать террористические акты и представлять угрозу за пределами своих традиционных районов операций. К тому же сохранился риск возрождения ИГ в Ираке и Сирии, где террористы имеют возможность совершать асимметричные нападения, а деятельность ответвлений этой организации способствует ухудшению ситуации в ряде регионов, в частности в некоторых районах Западной Африки и Сахеля [ист. 1, с. 21].

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ?

Активность террористических джихадистских транснациональных сетей находится в по-

стоянном режиме трансформации, приспосабливаясь к постоянно меняющимся условиям. Потеря “Исламским государством” огромных территорий в Сирии и Ираке, контролировавшихся самозванным “халифатом” в 2010-е годы, ликвидация лидеров этой группировки, а также главарей конкурирующей с ИГ “Аль-Каиды”, безусловно, сыграли роль в ослаблении этих организаций, однако ни в коем случае не означали их полного поражения и ликвидации. Есть все основания считать, что террористические сети не сошли со сцены, а до поры до времени отошли в тень, пытаясь перегруппировать силы и найти новые поля и возможности для экстремистской деятельности. Как точно заметил американский специалист по джихадизму А. Зелин, “затишье” между мобилизациями джихадистов не следует считать прекращением борьбы [2]. В известном смысле есть основания опасаться, что речь может идти о затишье перед бурей.

Более того, как констатируется в *Global Terrorism Index 2024*, в 2023 г. число смертей в результате террористических актов достигло самого высокого уровня с 2017 г., хотя и оставалось на 23% ниже, чем на пике в 2015 г. [ист. 2, р. 2]. При этом самыми смертоносными группировками в мире в начале 2020-х годов были признаны “Исламское государство” и его филиалы, а также аффилированная с “Аль-Каидой” и действующая в Западной и Северной Африке группировка “Джамаат Нусрат аль-Ислам валь Муслимин” (*JNIM*)³ и др.

Но несмотря на то что влияние ИГ на протяжении последних лет снижалось, эта джихадистская сеть (вместе с родственными ей локальными группировками) остается самой опасной террористической организацией, на счету которой наибольшее число нападений и смертей в результате терактов [ист. 2, р. 2]. С другой стороны, число смертей, связанных с ИГ и ее филиалами — “ИГ в провинции Хорасан”, “ИГ в провинции Синай”, “ИГ в Сахеле” и “Исламским государством Западной Африки”, — за 2023 г. сократилось на 17%, нападения были совершены в 20 странах по сравнению с 30 странами в 2020 г. Однако эти статистические данные никоим образом не свидетельствуют об уменьшении террористической опасности со стороны упомянутых выше группировок.

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

С тех пор как ИГ присвоило себе сомнительные “лавры” самой важной глобальной джихадистской организации, большая часть международной сети “Аль-Каида” пришла в упадок. За последнее десятилетие ее филиалы в Ираке, Сирии и Йемене либо откололись от “материнской” группировки, либо серьезно деградировали. На местном уровне отделение “Аль-Каиды” “Аш-Шабаб” продолжает вести активную деятельность в Сомали, в то время как группировка *JNIM* добилась успехов по всему Сахельскому региону. Однако на этом фоне “Аль-Каида” не смогла спровоцировать новую волну террористических атак на Западе. За этот период связанным с ней группам удалось провести лишь несколько громких операций (например, нападение на *Charlie Hebdo* в 2015 г.), но они были единичными по сравнению с внешними операциями ИГ [3]. Из этого ни в коем случае нельзя делать вывод, что “Аль-Каида” перестала быть источником опасности. Ее новое руководство, возглавившее группировку после ликвидации прежнего лидера А. аз-Завахири, ищет новые формы экстремистской деятельности (как таковой) и привлечения к ней свежих сил.

В частности, в докладе ООН, подготовленном на основе материалов разведывательных служб по всему миру, в феврале 2024 г. содержалось предупреждение о том, что по крайней мере один крупный филиал “Аль-Каиды” планирует масштабные операции на Ближнем Востоке и в других местах и “значительно активизировал свою стратегию и контент в средствах массовой информации, используя международные события, включая нападения 7 октября, для подстрекательства акторов-одиночек по всему миру” [4].

ГЕОГРАФИЯ ТЕРРОРА

Заметным явлением стало и географическое смещение активности джихадистских террористов с Ближнего Востока, главным образом в страны Африки (причем не только в регион Сахеля и Северную Африку, но и страны Центральной Африки), причем большая часть смертей в результате терактов в 2023 г. была зафиксирована в африканских странах к югу от Сахары [ист. 2, р. 29].

С начала 2020-х годов деятельность джихадистских боевиков привела к возникновению предпосылок для превращения Африканского континента в новый главный источник религи-

озного радикализма. По данным ООН на первое полугодие 2021 г., Африка стала наиболее пострадавшим от терроризма джихадистов регионом мира [5]. Террористические действия исламистских группировок там за последние годы расширились и вглубь, и вширь, охватывая все новые страны, продвигаясь из североафриканских арабских государств все дальше на юг.

К 2023 г. за предшествовавшие 15 лет масштабы терроризма в Сахеле резко возросли: число погибших за этот период увеличилось на 2860%, а число террористических инцидентов — на 1266% [ист. 2, р. 3]. Растет и агитационно-пропагандистская деятельность экстремистов на Африканском континенте. По свидетельству заместителя специального посланника Глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ И.Дж. Маккари, примерно 60% игиловской пропаганды поступает из стран Африки к югу от Сахары, от филиалов ИГ в Нигерии, Демократической Республике Конго и Мозамбике [6].

Пользуясь многочисленными социально-экономическими трудностями африканских государств, существующими давними и возникающими новыми локальными и региональными конфликтами, а также “прозрачностью” межгосударственных границ, вакуумом власти в отдельных регионах, экстремистские группировки не только постоянно прибегают к насилию, но и активно используют население как в качестве боевиков, так и в виде социальной базы поддержки. При этом тревожным фактором становится фактическое сращивание исламистских группировок с трансграничной оргпреступностью [7, с. 69]. На фоне того, что на Черном континенте бесчинствуют группировки, связанные с обеими глобальными джихадистскими террористическими сетями — и с “Аль-Каидой”, и с ИГ, ряд ученых рассматривает Африку уже не просто как еще один центр притяжения этих сетей, но, может быть, и как новый глобальный эпицентр джихадистского терроризма [5].

Очевидно, что в продолжающейся на протяжении последнего десятилетия острой конкуренции на джихадистском поле двух транснациональных глобальных сетей (ИГ и “Аль-Каиды”) первенство принадлежит “Исламскому государству”. При этом “Аль-Каида” по-прежнему присутствует как террористический игрок, но главным образом через аффилированные с ней локальные группировки. Продолжая во многом,

как представляется, по инерции декларировать глобальную повестку, выступая с нарративами “глобального джихада”, фактически они сосредоточены на локальных конфликтах, действуя активнее всего в странах Африки [ист. 2, р. 55]. Однако такая тенденция вовсе не означает, что глобальная тематика оказалась сейчас неактуальной для сторонников “Аль-Каиды”. Разгоревшаяся после событий 7 октября 2023 г. новая фаза ближневосточного конфликта (война в секторе Газа, распространившаяся впоследствии на Ливан, и др.) стала триггером для появления признаков усиления активности боевиков “Исламского государства” и “Аль-Каиды” как на Ближнем Востоке, так и в других регионах.

В качестве специфической характеристики ИГ, отличающей его от другой террористической сети — “Аль-Каиды” (действующей как децентрализованная сеть филиалов), А. Зелин выделяет наличие “Главного управления провинций” (*Idarat al-'Ammat al-Wilayat*), которое ранее базировалось в Сирии, но впоследствии, предположительно, переместилось в Сомали. Этот орган обеспечивает гораздо больше взаимодействия и связей между различными “вилаятами” (“провинциями”) ИГ, чем в прошлом.

Во многих отношениях, подчеркивает А. Зелин, ключевые аспекты, которые характеризуют ИГ как организацию (управление, мобилизация иностранных боевиков и внешние операции), остаются неизменными, просто группировка перешла от базирования за пределами Ирака и Сирии к распространению по всей глобальной сети провинций, что, по мнению политолога, в некотором смысле объясняет большую устойчивость ИГ к давлению, чем раньше [2].

“Главное управление провинций” ИГ самым тесным образом связано с созданным ранее так называемым Управлением отдаленными провинциями (УОП) [8, р. 20]. В какой-то момент в ходе эволюции ИГ структура УОП начала меняться (возникли, в частности, новые “вилаеты”), основная реструктуризация была проведена с созданием ряда региональных отделений, вероятно, весной 2019 г. С быстрым расширением новых “провинций” структура региональных отделений позволила центральным институтам ИГ гораздо эффективнее управлять своими глобальными провинциями и поддерживать связь с ними [8, р. 21]. Как предполагает исследователь Т. Хамминг, в рамках этой реструктуризации

даже “провинции” ИГ в Сирии и Ираке также перешли под власть УОП, после чего структура была переименована в “Главное управление провинций” [8, р. 22]. Центральным элементом отношений между “провинциями” ИГ и управляющей структурой является обязательство “вилаятов” отправлять ежемесячные отчеты о текущей военной ситуации в их соответствующем регионе и, в свою очередь, получать рекомендации относительно будущей стратегии и тактики [8, р. 23].

Как утверждает А. Зелин, «сегодня у ИГ есть многоцелевая стратегия борьбы со своими врагами, и эта стратегия координируется через Главное управление провинций — у отдельных “провинций” нет независимых стратегий» [9].

ИГИЛ располагает также двумя отдельными организационными структурами — для Ирака и для Сирии, причем в сирийском случае вопросами управления занимается отделение главного директората провинций, известное как “отделение Шам”. Операционный центр ИГ в Турции (“отделение Фарук”), который управлял сетями, действующими на Кавказе, в других регионах России и некоторых частях Восточной Европы, предположительно прекратил свою деятельность из-за арестов, произведенных турецкими властями [ист. 3, с. 2].

По информации ООН, наиболее активными и прочно закрепившимися региональными сетями ИГ являются сети с центрами в Афганистане (“отделение Сиддик”), Сомали (“отделение Каррар”) и бассейне озера Чад (“отделение Фуркан”). “Отделение Сиддик” отвечает за Южную и Центральную Азию. В сферу ведения “отделения Каррар” входят Демократическая Республика Конго, Мозамбик и Сомали. Сфера ведения “отделения Фуркан” охватывает Нигерию и соседние с ней страны, а также связанную с ИГ группировку “Исламское государство в Большой Сахаре” на западе Сахеля. Остальные три региональные сети ИГ считаются “низкофункциональными” или находятся в плачевном состоянии (базирующееся в Ливии “отделение Анфаль” было создано для работы в определенных частях северной Африки и Сахеля; “отделение Умм-аль-Кура” в Йемене осуществляет деятельность на Аравийском полуострове; а “отделение Зу аль-Нурайн”, базирующееся в Египте, охватывает, помимо этой страны, еще и Судан) [ист. 3, с. 2].

ОПАСНОСТЬ “ХОРАСАНСКОГО ПРОЕКТА”

Особый медийный эффект в последние годы производит деятельность базирующейся в Афганистане и Пакистане (в регионе, именуемом Аф–Пак) группировки “ИГ-провинция Хорасан” (ИГХ), на которую следует обратить отдельное внимание. После вывода из Афганистана американских и иных иностранных войск эта джихадистская группировка пережила своеобразный “ренессанс”, воспользовавшись для пополнения своих рядов слабыми способностями новых властей страны к государственному управлению, а также нарастающим здесь социально-экономическим и гуманитарным кризисом. По данным ООН, вскоре после августа 2021 г. число боевых сторонников “ИГ-провинция Хорасан” почти удвоилось [10, с. 59].

Хотя изначально этот филиал ИГ был нацелен на попытки установить контроль над территорией Афганистана, его образ действий все больше указывает на намерения осуществлять транснациональные атаки.

В начале 2022 г. “хорасанское” крыло “ИГ-провинция Хорасан” заявило о новой эре глобального джихада. В последующие месяцы ее сторонники не только расширили свою пропагандистскую деятельность за Амударьей в Узбекистане и Таджикистане, но и атаковали российское посольство в Кабуле, ликвидировали нескольких ведущих чиновников и идеологов движения “Талибан”⁴ и осуществляли насилие против гражданского населения в Пакистане и Афганистане [11].

ИГХ не является повстанческим движением, стремящимся к территориальным завоеваниям, напротив, оно представляет собой трансрегиональное подразделение “Исламского государства”, которое твердо намерено распространить свое идеологическое, стратегическое и тактическое влияние не только на “номинально подведомственную” ему территорию, но и на окружающие регионы [11]. В стратегическом плане двойственность организационной структуры, представленной местными экстремистами, с одной стороны, и иностранными выходцами, с другой, обеспечивала ИГХ устойчивость, способность к выживанию и быстрой адаптации [11].

⁴ Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. признано террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ.

Как отмечает польский исследователь К. Страхота, в идеологической сфере ИГХ строго придерживается линии, установленной центральным руководством ИГИЛ, поддерживая создание и расширение “глобального халифата”, который должен управляться в соответствии с радикально-салафитскими правилами и участвовать в “глобальном джихаде” против врагов “чистого ислама”, к которым фактически относятся все государства, включая страны западного мира, в первую очередь США, Россия, Иран и т. д. [12, pp. 1-2].

Еще одним фактором, способствующим росту интереса ИГХ к террористическим операциям за пределами региона Аф–Пак, может быть значительное снижение потенциала этой группировки после возвращения талибов к власти в Афганистане в 2021 г., а дестабилизация на Ближнем Востоке, последовавшая за конфликтом в секторе Газа (октябрь 2023 г.), по видимому, придала дополнительный импульс этому сдвигу [12, p. 3].

Если прежнее развитие событий вынуждало ИГХ искать поддержку и укреплять свои позиции за пределами Афганистана, то позднее ситуация в мире изменилась – возникла перспектива для целенаправленной мобилизации этой группировкой исламских радикалов и их последователей и спонсоров в различных странах. Как следствие, констатирует К. Страхота, было зафиксировано возрождение ИГ за рубежом (в виде террористических атак) [12, p. 3].

В частности, в 2024 г. именно “хорасанскому” отделению ИГ приписываются организация кровавого теракта в Кермане (Иран) 3 января, когда отмечалась годовщина смерти генерала Касема Сулеймани (погибли 94 человека); нападение на католическую церковь в Стамбуле 28 января (погиб один человек); а также теракт в подмосковном “Крокус Сити Холле” в марте (погибли 145 человек). Как отмечают западные эксперты по терроризму, последовательно борющаяся с салафитскими джихадистами Россия и шиитский Иран уже давно стали частью нарратива ИГ о противниках “Исламского государства” [13, p. 2]. А “дерзкое нападение в Москве, наряду с атаками в Иране и другими зарубежными заговорами, знаменует собой поворотный момент в эволюции ИГХ, не только демонстрируя ее способность наносить удары в самое сердце крупных региональных и глобальных держав, но и означая переход к другой стадии повстанческой модели

Исламского государства. Теракт в Москве еще больше усилил обеспокоенность официальных лиц США по поводу угрозы аналогичных террористических атак на Западе, будь то инспирированных или скоординированных” [13, р. 2]

Хотя тон в организации внешних террористических акций под эгидой ИГ задает ИГХ, другие виллаты “Исламского государства” также активизировали свои внешние операции и координируют их. К ним следует, в частности, отнести массовую расправу над шиитами в Омане 15 июля 2024 г., которая считается первым нападением джихадистов в истории этой страны. Предположительно теракт был устроен йеменским ответвлением ИГ [9]. В первой половине 2024 г. было зафиксировано 8 внешних заговоров и атак ИГ, связанных не с “хорасанским проектом”, а с “провинциями” ИГ в Ираке, Сирии, Сомали, Турции и Пакистане, и 17 — с ИГХ.

Действительно ряд представителей западных силовых структур не раз выражал тревогу о том, что отдельные лица или небольшие группы будут черпать извращенное вдохновение из событий на Ближнем Востоке для совершения нападений в странах Европы и Северной Америки. Подобная озабоченность имеет под собой почву — сообщения об арестах связанных с ИГХ экстремистов в Турции (апрель 2024 г.), а также предъявление в Германии обвинений семи лицам, включая пятерых выходцев из Таджикистана, за планирование нападений в ФРГ и в других местах Европы [13, р. 2].

Особая опасность ИГХ состоит в осознании этой группировкой важности проведения пропагандистской кампании. Уже с конца 2021 г. стало заметно возобновление пропаганды, ориентированной на постсоветскую Центральную Азию. В надежде усилить свою привлекательность в глазах потенциальных новых сторонников в этом регионе группировка готовит оригинальные пропагандистские материалы на таджикском и узбекском языках, а также переводит на эти языки официальные материалы как собственно ИГХ, так и “центрального” ИГИЛ [14, с. 110]. Примечательно, что надписи на пропагандистских продуктах сделаны кириллицей (таджикской) и латиницей (узбекской), которые используются в соответствующих странах, что указывает на то, что продукция предназначалась для граждан Узбекистана и Таджикистана, а не для таджикскоязычных общин в Афганистане, которые используют арабскую графику [13, р. 7].

Тревожным фактором является и то, что агитационная деятельность нацелена не только и не столько на дестабилизацию ситуации в постсоветских центральноазиатских государствах, сколько на использование выходцев из них для осуществления экстремистской и террористической деятельности в странах за пределами Центральной Азии.

В частности, с угрозами безопасности со стороны центральноазиатских салафитско-джихадистских группировок, связанных с ИГ и “Аль-Каидой”, столкнулась Турция. Одним из громких нападений на турецкой территории стал теракт против католической церкви Санта-Мария в стамбульском районе Сарьер во время воскресного богослужения 28 января 2024 г. За нападение, в результате которого погиб один прихожанин и был ранен другой, взяло на себя ответственность ИГ, заявив, что оно было совершено в рамках новой глобальной кампании под названием “И убивай их, где бы ты их ни нашел”, которая нацелена конкретно на евреев, “крестоносцев” и их предполагаемых союзников-преступников в ответ на военные действия Израиля в Газе. Как утверждается, в теракте непосредственное участие приняли члены группировки “Исламское государство провинции Хорасан” [15].

Благодаря языковой, религиозной и культурной общности сторонники ИГ и “Аль-Каиды” из республик Центральной Азии часто могут обходить фильтры безопасности как в странах тюркского мира, так и в России. Участие выходцев из постсоветского пространства в терактах на территории Турции — это феномен, который существует уже давно. Достаточно вспомнить теракт в аэропорту имени Ататюрка в Стамбуле 28 июня 2016 г., в котором боевиками “Исламского государства” оказались выходцы из Кыргызстана, Узбекистана и Дагестана, прибывшие в Турцию из контролируемых ИГ районов Сирии [15].

За последние годы службами безопасности в Европе было раскрыто несколько заговоров, в которых участвовали граждане стран Центральной Азии. При этом ИГХ стремится мобилизовать и представителей мусульманских общин на Западе и обеспечить руководство экстремистскими элементами в дистанционном режиме, используя крупные международные события и инциденты для обострения антагонизма между западными обществами и их мусульманским на-

селением [13, р. 9]. К таким событиям, в частности, относятся случаи осквернения Корана в Европе, война в секторе Газа. “Хорасанский” филиал ИГ неоднократно распространял призывы к мусульманам отомстить за эти события.

Целый ряд примеров сорванных европейских спецслужбами террористических актов в конце 2023 — начале 2024 г. подчеркивает серьезный риск, связанный со способностью ИГХ вдохновлять и дистанционно координировать нападения, а также вербовать сторонников из сообществ за границей. Стратегия нацеливания на общины диаспоры для подстрекательства к атакам на Западе — тактика, характерная для ИГ, — стала особенно очевидной после теракта в “Крокус Сити Холле” в марте 2024 г. [13, р. 9]. Исполнители кровавого нападения на мирных граждан в подмосковном концертном зале, как установили российские спецслужбы, были завербованы членами ИГХ, которые целенаправленно “работали” с представителями таджикской диаспоры в России через интернет, физически находясь в Афганистане [ист. 4].

Как подчеркнул директор ФСБ России А. Бортников, выступая в октябре 2024 г. в Астане на 55-м заседании Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ, радикалы, проникающие в РФ в миграционных потоках, служат благоприятной вербовочной средой для международных террористических организаций [ист. 5], к каковым, без сомнения, относится ИГ с его региональными ответвлениями, включая и “хорасанский филиал”.

Внешние операции ИГ, полагает А. Зелин, являются в глобальном смысле частью единого целого, а не отдельными действиями, как это было ранее. Прошли те времена, когда ИГ организовывало заговоры за границей только из Ирака и Сирии (и в меньшей степени из Ливии). Сейчас “Главное управление провинций” помогает координировать кампанию по внешним операциям в своих различных подразделениях. Такая стратегия повышает устойчивость ИГ в целом, поскольку сеть может продолжать действовать в разных странах, даже если те или иные подразделения столкнутся с отдельными правоохранительными или военными проблемами [9].

Помимо причинения физического и материального ущерба своим противникам, джихадистские вдохновители террористических нападений, несомненно, рассматривают теракты как факто-

ры, дестабилизирующие ситуацию в странах, которые становятся объектами жестоких атак.

Участие в терактах людей с мигрантским бэкграундом служит мощным катализатором для ксенофобских, антииммигрантских и антимусульманских настроений в обществах, в частности в Европе, что подрывает гражданский мир. Сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к попыткам террористов вести войну против России. В этой связи неудивительно, что идеологи “глобального джихада” смещают фокус прежде всего на попытки завоевывать умы и сердца людей, используя изощренные методы пропаганды, прежде всего огромные возможности “Всемирной паутины”. Социальные сети и мессенджеры для обмена сообщениями стали для террористических организаций жизненно важным инструментом вербовки, позволяющим им распространять свою пропаганду и привлекать новых сторонников [16, с. 652].

Как отметил в октябре 2024 г. в ходе заседания Национального антитеррористического комитета директор ФСБ России А. Бортников, международные террористические организации усиливают пропагандистское воздействие на население российских регионов (в частности, Северного Кавказа) с использованием религиозного фактора, наращивая интенсивность распространения нетрадиционных для России течений ислама радикального толка. В этих целях сторонники экстремистских идей активно используют как неофициальные места отправления культа и некоторые религиозные образовательные организации, так и интернет [ист. 6].

При этом необходимо иметь в виду, что только пропагандистскими целями присутствие джихадистов во Всемирной паутине не ограничивается, оно включает в себя ряд направлений: управление финансовыми потоками; организацию кибератак и других акций в цифровом пространстве; разведку по открытым источникам и координацию действий и — само собой — агитационно-вербовочную работу, а также медийное освещение своей деятельности [17, с. 161].

ДОЛГОЕ ЭХО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

Безусловно, немаловажным фактором, усиливающим угрозу со стороны джихадистских экстремистов (угрозу даже для стран, находя-

щихся далеко от традиционного ареала мусульманского мира), становятся события на Ближнем Востоке. Давний конфликт приобрел новое значение после событий 7 октября 2023 г. и спровоцированной ими войны Израиля против сектора Газа, перекинувшейся далеко за пределы этой палестинской территории. Эхом ближневосточного конфликта стал рост террористических и экстремистских угроз в странах Запада (и не только там).

Следует заметить, что проповедующие идеи “глобального джихада” транснациональные сети, как правило, дистанцируются от израильско-палестинского противостояния, и вспыхнувшая в октябре 2023 г. война в Газе в этом смысле исключением не стала.

Несмотря на то что и “Аль-Каида”, и ИГ используют проблему Палестины в своей риторике, она никогда по-настоящему не занимала центральное место в повестке дня этих группировок. Отчасти этот феномен объясняется их ослабленным состоянием, отчасти — особенностями стратегических построений. В частности, “Аль-Каида” всегда концентрировала свои усилия на борьбе с “дальним врагом” (странами Запада в широком понимании). Что касается ИГ, то эта организация была более сосредоточена на создании “халифата”, а затем на выживании и перегруппировке своих сил и ресурсов. При этом пользующееся большой поддержкой в секторе Газа палестинское движение ХАМАС с точки зрения транснациональных джихадистских сетей оказалось “скомпрометировано” своей ориентацией на националистические, а не глобальные цели, а также участием в демократических процессах (в частности, в выборах на территории Палестинской автономии). Более того, ИГ, например, обвиняет ХАМАС и другие противостоящие Израилю группировки чуть ли не в “вероотступничестве” [18].

Тем не менее суннитские джихадистские группировки используют войну в Газе как мобилирующий фактор, с одной стороны, для привлечения новых участников джихада из числа проживающих в западных странах мусульман, а с другой — для поощрения к совершению террористических актов, которые даже если и не приводят к многочисленным жертвам и разрушениям, сами по себе играют на руку экстремистам, создавая примеры для подражания, углубляя противоречия внутри обществ и “раскачивая” ситуацию.

Так, группировка ИГ взяла на себя ответственность за убийство в октябре 2023 г. в Бельгии выходцем из Туниса двух шведских футбольных болельщиков, а конкурирующая с ИГ “Аль-Каида” в ноябре 2023 г. выступила с призывом к атакам против Израиля, Европы и США по всему миру. В мае 2024 г. “главное командование” этой террористической сети выпустило еще одно заявление, в котором одобряются нападения на “сионистов” и “неверных” в ответ на войну в секторе Газа [19].

Как отмечает известный сингапурский исследователь терроризма Р. Гунаратна, “Аль-Каида” продемонстрировала свою ловкость, быстро воспользовавшись нападением ХАМАС 7 октября 2023 г. и ошеломляющей реакцией Израиля. “Аль-Каида” начала кампанию за влияние на настроения мусульман и формирование этих настроений, направленных против Израиля, его союзников и друзей [20]. Возглавивший созданную Усамой бен Ладеном сеть после ликвидации ее лидера А. Аз-Завахири “амир” Саиф аль-Адель использовал события в Газе и для того, чтобы подвергнуть нападкам власти мусульманских стран за то, что они не нанесли удар по Израилю, назвав их неучастие “отговорками, используемыми бездельниками, которые не совершают джихад и которые открывают дверь позора для исламских и арабских правительств”. Глава “Аль-Каиды” осудил и лидеров арабских стран за то, что они размещают на своей территории американские базы и не помогают Газе [20].

Таким образом, есть все основания предполагать, что, оставаясь в стороне от непосредственной вовлеченности в ближневосточный конфликт, и ИГ, и “Аль-Каида” будут активно использовать любое обострение в таких “горячих точках”, как сектор Газа, для продвижения своих интересов и привлечения новых сторонников в местах, расположенных далеко от Ближнего Востока.

В этой связи обращает на себя тревожное внимание, в частности, появление фактически новой программы использования реальности, сложившейся во всем мире после 7 октября 2023 г., — ее автором стал лидер “Аль-Каиды” Саиф аль-Адель, призывающий последователей воспользоваться призывом на военную службу в своих странах. Главарь террористической сети описывает это как “замечательную возможность” для обучения пользования различными системами оружия, специализации в важных военных дисциплинах и получения разведанных о силах “противника” [3].

Саиф аль-Адель призвал наносить удары по политическим институтам, экономическим интересам, военным базам, военному персоналу и разведывательным ресурсам противника, будь то в странах с мусульманским большинством или на Западе. По мнению главаря “Аль-Каиды”, такие усилия помогут “ослепить противника” и уравновесить превосходство Запада в воздухе, если “Аль-Каида” будет проводить операции против военного персонала (например, операторов беспилотных летательных аппаратов и техников) и инфраструктуры (например, складов боеприпасов и оперативных помещений) [3].

Еще одним направлением подрывной деятельности Саиф аль-Адель называет экономический саботаж и бойкот “всех западных товаров” с целью подорвать позиции Израиля и “вражеских” арабских правительств, которые он считает причастными к войне в Газе. Не менее важно обратить внимание и на призыв лидера “Аль-Каиды” расширять сотрудничество и обмен знаниями между джихадистами по всему миру [3].

Через год после событий 7 октября американский исследователь А. Зелин отмечал, что, хотя у “Аль-Каиды” по-прежнему больше не наблюдается значительной аудитории боевиков-джихадистов на Западе и спустя год после начала войны в Газе мало кто прислушивается к ее призывам о новой волне нападений там, посылаемые ею сигналы указывают на более долгосрочный план (все больше иностранных боевиков отправляется в Афганистан, а затем возвращается в свои страны с новыми террористическими навыками) [3]. И если война на Ближнем Востоке продолжит расширяться, то могут возникнуть предпосылки для новых терактов, осуществленных силами как ИГ, так и “Аль-Каиды”. Более того, ослабление в результате военного противостояния с Израилем региональных и национальных исламистских группировок (прежде всего ХАМАС), выступающих главным образом с локальной повесткой, способно создать условия для интенсивного проникновения в регион идей глобального джихада и усиления в таких местах, как сектор Газа, позиций транснациональных сетей типа ИГ или “Аль-Каиды”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переключение внимания мирового сообщества с борьбы против джихадистских транснациональных сетей на представляющееся более актуальным противостояние по линиям Запад—Россия, Запад—Китай и др. усиливает риски того, что адепты крайних форм экстремистского исламизма обретут второе дыхание.

Как отмечает исследователь Б. Мендельсон, “в то время как транснациональные группировки джихадистов приходят в упадок, джихадизм никуда не девается”, его питают такие факторы, как недовольство властями, привлекательность религиозной идеологии, превратно понимаемые представления о лучшей жизни и т. д. [1, р. 1]. Иными словами, до тех пор, пока сохраняются причины, способствующие росту религиозно мотивированного экстремизма и терроризма, глобальные джихадистские сети будут продолжать существовать, умело приспосабливаясь к меняющимся условиям и используя разнообразные формы гибридной войны (террористические акты, диверсионно-партизанскую деятельность, захват территорий на более или менее длительные сроки, пропагандистскую войну, вербовочные мероприятия, подрыв общественного мира и т. д.). Нетрудно предположить, что и транснациональные исламистские террористические сети продолжают умело сочетать свои глобальные амбиции с сугубо локальной повесткой, что представляет опасность для ряда конкретных регионов, число которых, как показывают события последних лет, может увеличиваться. И не менее тревожным признаком служит умение адептов “глобального джихада” использовать в своих целях (и оперативно-тактических, и пропагандистских) международные конфликты в различных частях света (от Украины до сектора Газа).

В этой связи остается актуальной антитеррористическая борьба и на национальном, и на международном (региональном и глобальном) уровнях. Это противостояние общей угрозе, какую для всего мира представляют террористические сети, должно включать кооперацию усилий всех игроков на мировой арене вне зависимости от их идейных и геополитических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mendelsohn B. On the Horizon: The Future of the Jihadi Movement. *CTC SENTINEL*, June/July 2018, vol. 11, iss. 6, pp. 1-9. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/on-the-horizon-the-future-of-the-jihadi-movement/> (accessed 12.08.2024).

2. Zelin A.Y. A Globally Integrated Islamic State. *War on the Rocks*, 15.07.2024. Available at: <https://warontherocks.com/2024/07/a-globally-integrated-islamic-state/> (accessed 12.08.2024).
3. Zelin A. The Gaza War Has Jump-Started a Weakened al-Qaeda. *The Washington Institute for New East Policy*, 04.10.2024. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/gaza-war-has-jump-started-weakened-al-qaeda> (accessed 13.10.2024).
4. Burke J. Gaza Conflict Could Fuel IS and al-Qaida Revival, Security Experts Warn. *The Guardian*, 19.07.2024. Available at: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/19/gaza-conflict-could-fuel-is-and-al-qaeda-revival-security-experts-warn> (accessed 11.08.2024).
5. Bacon T., Doctor A.C., Warner J. A Global Strategy to Address the Islamic State in Africa. *International Center of Counter-terrorism*, 09.06.2022. Available at: <https://www.icct.nl/publication/global-strategy-address-islamic-stateafrica> (accessed 13.10.2024).
6. McCary I.J. The Islamic State Five Years Later: Persistent Threats, U.S. Options. *Washington Institute for Near East Policy*, 21.03.2024. Available at: <https://www.state.gov/the-islamic-state-five-years-later-persistent-threats-u-s-options/> (accessed 11.08.2024).
7. Яшлавский А.Э. Исламистский терроризм в Африке в 2010–2020-е годы: основные тенденции и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, т. 68, № 4, сс. 66–76.
Yashlavskii A.E. Islamist Terrorism in Africa in the 2010–2020s: Main Trends and Prospects. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 4, pp. 66–76. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-66-76>
8. Hamming T.R. The General Directorate of Provinces: Managing the Islamic State’s Global Network. *CTC SENTINEL*, July 2023, vol. 16, iss. 7, pp. 20–27. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2023/07/CTC-SENTINEL-072023.pdf> (accessed 04.09.2024).
9. Zelin A.Y. The Islamic State’s External Operations Are More Than Just ISKP. *The Washington Institute for New East Policy*, 26.07.2024. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/islamic-states-external-operations-are-more-just-iskp> (accessed 12.08.2024).
10. Яшлавский А.Э. “Хорасанский проект” ИГИЛ в Афганистане: новые вызовы и угрозы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 3, сс. 55–66.
Yashlavskii A.E. ISIS’s “Khorasan Project” in Afghanistan: New Challenges and Threats. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 3, pp. 55–66. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-55-66>
11. Ahmadzai A. Islamic State-Khorasan’s Transition into a Transregional Threat. *The Diplomat*, 11.11.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/islamic-state-khorasans-transition-into-a-transregional-threat/> (accessed 10.09.2024).
12. Strachota K. Islamic State-Khorasan: Global Jihad’s New Front. *Center for Eastern Studies*, 29.03.2024. 6 p. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-03-29/islamic-state-khorasan-global-jihads-new-front> (accessed 10.09.2024).
13. Jadoon A., Sayed A., Webber L., Valle R. From Tajikistan to Moscow and Iran: Mapping the Local and Transnational Threat of Islamic State Khorasan. *CTC SENTINEL*, May 2024, vol. 17, iss. 5, pp. 1–12. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/from-tajikistan-to-moscow-and-iran-mapping-the-local-and-transnational-threat-of-islamic-state-khorasan/> (accessed 28.10.2024).
14. Яшлавский А. “Афганский филиал” ИГИЛ как угроза Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*, 2023, № III (LX), сс. 105–119.
Yashlavskii A. The “Afghan Branch” of ISIS as a Threat to Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*, 2023, no. III (LX), pp. 105–119. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-105-119>
15. Botobekov U. Fratricidal Jihad: Assessing the Central Asian ISKP Attacks on Turkey. *The Diplomat*, 23.02.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/02/fratricidal-jihad-assessing-the-central-asian-iskp-attacks-on-turkey/> (accessed 12.08.2024).
16. Колоколова Е.Э., Киреева К.Ф., Мок Вон Ли. Использование социальных сетей при вербовке террористов в странах СНГ. *Постсоветские исследования*, 2023, № 6 (6), сс. 651–662.
Kolokolova E.E., Kireeva K.F., Mok Won Lee. The Use of Social Networks in the Recruitment of Terrorists in the CIS Countries. *Post-Soviet Studies*, 2023, no. 6 (6), pp. 651–662. (In Russ.)
17. Цуканов Л.В. Перспективы возвращения группировки ИГИЛ к тактике “цифрового джихада”. *Восточный курьер*, 2023, № 1, сс. 158–169.
Tsukanov L.V. Prospects for the Return of the ISIS Terrorist Group to the Tactics of “Digital Jihad. *Oriental Courier*, 2023, no. 1, pp. 158–169. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.18254/S268684310025309-7>
18. El-Menawy A. Al-Qaeda, Daesh Keeping Their Distance from Gaza War. *Arab News*, 07.10.2024. Available at: <https://www.arabnews.com/node/2574277> (accessed 13.10.2024).

19. Truzman J. Al-Qaeda's General Command Lauds Attacks Against Jews, Commends Anti-Israel Protests on Western Campuses. *FDD's Long War Journal*, 28.05.2024. Available at: <https://www.fdd.org/analysis/2024/05/28/al-qaedas-general-command-lauds-attacks-against-jews-commends-anti-israel-protests-on-western-campuses/> (accessed 12.10.2024).
20. Gunaratna R. Al Qaeda's Stance in the Gaza War. *S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS)*, 22.02.2024. 4 p. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2024/02/CO24026.pdf> (accessed 13.10.2024).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Восемнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе.* Совет Безопасности ООН, 23.02.2024. 17 с.
Eighteenth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Security Council, 23.02.2024. 17 p. (In Russ.) Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/4037252?ln=ru&v=pdf> (accessed 06.10.2024).
2. *Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism.* Sydney, Institute for Economics & Peace, February 2024. 84 p. Available at: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf> (accessed 03.09.2024).
3. *Пятнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе.* Совет Безопасности ООН, 26.07.2022. 17 с.
Fifteenth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Security Council, 26.07.2022. 17 p. (In Russ.) Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/430/80/pdf/n2243080.pdf> (accessed 06.10.2024).
4. В ФСБ рассказали, как вербовщики набирали исполнителей теракта в "Крокусе". *РИА Новости*, 04.10.2024.
The FSB Told How Recruiters Recruited the Perpetrators of the Terrorist Attack in Crocus. *RIA Novosti*, 04.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241004/krokus-1976309065.html> (accessed 13.10.2024).
5. Бортников назвал мигрантов-радикалов благоприятной средой для терроризма. *РИА Новости*, 04.10.2024.
Bortnikov Called Radical Migrants a Favorable Environment for Terrorism. *RIA Novosti*, 04.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241004/migranty-1976313225.html> (accessed 13.10.2024).
6. В ФСБ рассказали о религиозной пропаганде террористов на Северном Кавказе. *РИА Новости*, 08.10.2024.
The FSB Spoke about the Religious Propaganda of Terrorists in the North Caucasus. *RIA Novosti*, 08.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241008/bortnikov-1976960523.html> (accessed 13.10.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-55-64

EDN: WNASOP

ИГИЛ¹—“ТАЛИБАН”²: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ

© 2025 г. Г.Г. Мачитидзе

*МАЧИТИДЗЕ Георгий Григорьевич, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0003-2402-1909, mggkabul@gmail.com
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.*

Статья поступила 19.07.2024. После доработки 03.10.2024. Принята к печати 29.11.2024.

Аннотация. Статья посвящена характеру и последствиям экзистенциального противоборства регионального значения между ИГИЛ-Хорасан и талибами в современных условиях, которые сформировались за последние годы на фоне существенных религиозно-политических различий между террористической организацией и находящимся у власти движением “Талибан”. Автор делает вывод о научно-практической значимости анализа террористической деятельности ИГИЛ-Хорасан, которая ведет к подрыву усилий Кабула по стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, осложняет решение гуманитарных и социально-экономических проблем Афганистана, дискредитирует режим талибов в глазах местного населения и международной общественности, создает угрозу государствам региона.

Ключевые слова: ИГИЛ-Хорасан, движение “Талибан”, “Аль-Каида”³, Афганистан, джихадизм, ваххабизм, салафизм.

ISIL-TALIBAN: AN EXISTENTIAL CONFRONTATION OF REGIONAL SIGNIFICANCE IN AFGHANISTAN

*Georgy G. MACHITIDZE,
ORCID 0000-0003-2402-1909, mggkabul@gmail.com
Institute for international studies, MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.*

Received 19.07.2024. Revised 03.10.2024. Accepted 29.11.2024.

Abstract. The article is devoted to the nature and consequences of the existential confrontation of regional significance between ISIL-Khorasan and the Taliban in the modern conditions that have developed in recent years against the background of significant differences between the terrorist organization and the Taliban in power. The author emphasizes that the serious rivalry between the two Islamist organizations for the “minds and sentiments” of the people has to a large extent acquired an existential character. The author states the global nature and goal of ISIL-Khorasan to create a transnational caliphate in the historical area of Greater Khorasan, which is completely different from the Taliban’s national agenda. It is emphasized that the group pays great attention to discrediting rival jihadist organizations and religious figures who oppose it. It emphasizes the aggressive nature of ISIL-Khorasan, which has plans to overthrow the governments of regional states. ISIL-Khorasan’s campaign of recruitment of Afghans and ideological propaganda led to armed conflict with the Taliban. It notes the remarkable resilience of ISIL-Khorasan, despite heavy losses, and strengthening of the group’s position after the Taliban came to power in Afghanistan. It is concluded that the ongoing terrorist activity of ISIL-Khorasan leads to the undermining of Kabul’s efforts to stabilize the internal situation in the country, complicates the solution of humanitarian and socio-economic problems, discredits the Taliban regime in the eyes of the local population and the international community, and poses a threat to regional states.

Keywords: ISIL-Khorasan, Taliban, Al-Qaeda, Afghanistan, jihadism, wahhabism, salafism.

About author:

Georgy G. MACHITIDZE, Cand. Sci. (History), Senior Researcher.

¹ “Исламское государство”, ИГ, ИГИЛ — запрещенная в РФ террористическая организация.

² Запрещенная в РФ террористическая организация.

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

ВВЕДЕНИЕ

Появление в 2014 г. афганского филиала ИГИЛ в Афганистане под названием ИГИЛ-Хорасан (Исламское государство — вилайт Хорасан) положило начало серьезному соперничеству между этой международной террористической организацией и обладающим радикальными исламистскими взглядами движением “Талибан” [1, с. 159], в основу которого пакистанские спонсоры из Объединенного разведывательного управления (ОРУ) и фундаменталисты из пакистанской партии “Джамиат-и улема-и ислам” заложили религиозный фанатизм [2, с. 452]. Однако после захвата власти в Афганистане в 2021 г. талибы из повстанческого движения, использующего террористические методы борьбы, де-факто превратились в государственный субъект. Возникла новая ситуация, когда государственные органы, созданные талибами, наряду с решением многочисленных административных и социально-экономических задач должны бороться против ИГИЛ-Хорасан и одновременно контролировать деятельность различных экстремистских организаций на территории Афганистана. Борьба властей Исламского Эмирата⁴ за максимальное ограничение террористической активности ИГИЛ-Хорасан стала за последние годы одним из определяющих факторов развития ситуации в Афганистане и вокруг него, что делает изучение характера экзистенциального противоборства талибов и ИГИЛ-Хорасан с учетом высокой адаптируемости этой террористической группировки весьма актуальным.

В статье автор исследует эволюцию непримиримого конфликта между ИГИЛ-Хорасан и талибами на современном этапе, выявляет его исторические, политические и религиозные основы, отслеживает действия этой международной террористической организации по дестабилизации афганского режима и оценивает региональные амбиции ИГИЛ-Хорасан.

Научную новизну статьи автор видит в исследовании пока основательно не изученных вопросов, касающихся характера и последствий

экзистенциального противоборства между ИГИЛ-Хорасан и талибами в новых условиях, которые сформировались за последние годы на фоне существенных различий между террористической организацией и находящимся у власти движением “Талибан” и которые имеют важное региональное значение.

Автор выдвигает положение о том, что противостояние между режимом в Кабуле и ИГИЛ-Хорасан продолжится и что новой власти в силу ее относительной слабости вряд ли удастся полностью пресечь террористическую деятельность ИГИЛ-Хорасан внутри страны и за ее пределами.

РЕЛИГИОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ИГИЛ-ХОРАСАН С ТАЛИБАМИ

В своей деятельности, направленной на продвижение глобального джихада, руководители ИГИЛ-Хорасан опираются на общие доктринальные концепции, выработанные головной организацией. Цель — объединение всех “истинных” мусульман, каковыми себя считают сторонники ИГИЛ. Группировка призывает к религиозной обязанности мусульман добиваться создания халифата насильственным путем. При этом ИГИЛ-Хорасан делает акцент на особом статусе Хорасана в качестве “благословенного поля битвы” [3] и рекламирует себя единственной салафитской⁵ джихадистской силой в Южной и Центральной Азии.

Идеологи ИГИЛ, придерживающиеся салафитско-джихадистской ориентации, не разделяют представление о том, что мусульмане должны обязательно следовать одной конкретной школе юриспруденции. В частности, салафиты-джихадисты категорически против признания богословских позиций имама восьмого века Абу Ханифы. Жесткость в методику деятельности ИГИЛ была привнесена главным образом ваххабитами. В частности, важным вкладом ваххабизма в практику ИГИЛ стала концепция *аль-вала ва аль-бара* (верность исламу и отказ от неисламских обычаев) и *таухид* (единобожие). Согласно концепции *аль-вала ва аль-бара*, “мусульманину недостаточно не любить неисламские обычаи,

⁴ “Исламский Эмират Афганистан” — частично признанное государство, существовавшее в 1996–2001 гг. и контролировавшее большую часть территории Афганистана. Образовалось в результате гражданской войны 1992–1996 гг. 15 августа 2021 г. талибы захватили власть в стране. 19 августа 2021 г. движение “Талибан” отменило название страны — Исламская Республика Афганистан и вновь провозгласило старое название — “Исламский Эмират Афганистан”.

⁵ Главный догмат салафитов — вера в безусловно единого Бога (*таухид*). Своей основной задачей салафиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, примесей, основанных на культурных, этнических или других особенностях тех или иных мусульманских народов.

нужно активно отвергать их” [3]. Например, речь идет о таких традициях, как вера в амулеты, посещение могил для молитвы за умерших [4]. Будучи последователями ханафитского толка ислама, талибы допускают использование народных традиций [5].

Для теоретического обоснования своей деятельности представители ИГИЛ-Хорасан перевели на пушту, дари и урду труды мусульманских теологов Таки ад-Дина ибн Таймийи⁶ и Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба⁷, которые распространяются как в цифровом формате, так и в печатном виде в Афганистане и Пакистане. ИГИЛ-Хорасан выступает за свержение режимов в этих странах, причем борьба с правителями мусульманских государств считается не менее важной, чем борьба с иностранными захватчиками. Руководство ИГИЛ-Хорасан использовало общий девиз ИГИЛ “*бакия ва татаматтад*” (“остаться и расшириться”), призывая мусульман из других государств мигрировать в зарождающийся халифат. При этом подчеркивается, что халифат должен быть “чистым исламским государством”, члены которого должны строго соблюдать сунну. Сторонники ИГИЛ-Хорасан широко практикует *такфир*, используя его против мусульманских оппонентов-суннитов, чтобы лишить их легитимности и оправдать насилие против них.

Большое внимание ИГИЛ-Хорасан уделяет дискредитации конкурентов из числа джихадистских организаций и религиозных деятелей, выступающих против группировки. В частности, это касается таких пакистанских религиозно-политических партий и движений, как “Джамиат-и улема-и ислам”, “Джамаат-и ислами” и “Джамаат-уд-Дава”, которых обвиняют в следовании “нечистой” деобандий-

ской школе ислама и племенному кодексу чести “Пуштунвали”⁸, а также в использовании национально ориентированной стратегии [3]. Все без исключения мусульмане-шииты признаются вероотступниками и поэтому заслуживают смерти [6].

Отношения между ИГИЛ-Хорасан и талибами как якобы частями общего джихадистского движения стали предметом широкой дискуссии среди экспертов. Появились даже утверждения, что эти организации друг от друга ничем не отличаются. Не исключалась даже возможность объединения ИГИЛ-Хорасан и движения “Талибан” [7]. Подобные идеи основывались на том, что небольшая часть талибов и некоторые иностранные боевики-террористы, которые ранее были связаны с движением “Талибан”, перешли на сторону ИГИЛ-Хорасан. Делаются ссылки на высказывания некоторых официальных лиц режима Ашрафа Гани, которые обвинили талибов в том, что они якобы передают террористические атаки на аутсорсинг другим экстремистским организациям [8].

Более объективной следует считать точку зрения бывшего министра финансов (2009–2015 гг.) и посла Афганистана в Пакистане (2015–2018 гг.) Омара Захелваля, который признал, что некоторые недовольные боевики “Талибана” переходили на сторону ИГИЛ-Хорасан, что вовсе не доказывает сотрудничество между двумя организациями, а следовательно, и прямую связь между ними [8]. Не было зафиксировано каких-либо решений Руководящего совета (“Рахбари Шура”) движения “Талибан” относительно привлечения ИГИЛ-Хорасан в качестве союзника или объединения с этой группировкой. Такой подход коррелируется с религиозно-идеологическими различиями между двумя организациями, разным взглядом на “географическое целеполагание и государственное устройство будущего” [4].

⁶ Таки ад-Дин ибн Таймийя (1263–1328) — противоречивый теолог и практик исламской юриспруденции. Среди средневековых мусульманских священнослужителей его взгляды на *такфир* (вероотступничество, обвинение в неверии) и джихад являются одними из самых крайних, причем *такфир* направлен против мусульман, а джихад ведется против немусульман или правителей, действия которых не соответствуют исламским законам.

⁷ Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792) — основатель современного салафизма, считается богословом — основателем современного государства Саудовская Аравия. Его взгляды, как и взгляды Ибн Таймийи, являются наиболее экстремальными, когда речь идет о *такфире*, его работы используются в качестве источника современными ультрасектантскими суннитскими группами для объявления шиитов и суфиев, а также некоторых мусульман-традиционалистов немусульманами.

⁸ “Пуштунвали” — древний “кодекс чести” пуштунов в Афганистане и Пакистане, набор правил поведения в обществе, способствует самоуважению, независимости, справедливости, гостеприимству, любви, прощению, месту и терпимости по отношению ко всем (особенно к незнакомцам или гостям). Главными из качеств объявляются честь, правдивость, преданность истине, бесстрашие и отвага. Этим правилам пуштуны следуют наравне с законами ислама и шариата, хотя если пуштуну придется выбирать между *шариатом* и *пуштунвали*, как правило, выбор всегда отдается в пользу *пуштунвали*. В то же время каждый пуштун волен использовать *пуштунвали* по своему усмотрению, в рамках здравого смысла.

При этом следует отметить, что радикальные группировки, реализующие национально ориентированные стратегии, могут в определенных ситуациях использовать ресурсы международных террористических организаций, а последние, в свою очередь, могут опираться на местных джихадистов. Утверждения некоторых экспертов, что движение “Талибан” в 1990-х годах “стратегически объединилось с широким спектром транснациональных джихадистов”, в число которых в первую очередь входили “Аль-Каида” и другие группировки, сыгравшие важную роль в формировании ИГИЛ [9], не соответствует действительности. Никакого объединения двух структур не произошло, была заключена своеобразная устная сделка между талибами и “Аль-Каидой”, которую последняя практически нарушила, что привело к иностранной интервенции и падению режима “Талибана” в 2001 г. [10].

Значимой политической причиной враждебности ИГИЛ-Хорасан к движению “Талибан” является его взаимодействие с “Аль-Каидой” и нежелание в прошлом обеих структур присоединиться к “глобальному халифату” Абу Бакра аль-Багдади. Создание талибами благоприятных условий для присутствия боевиков “Аль-Каиды” на афганской земле также используется сторонниками ИГИЛ-Хорасан как предлог борьбы с Исламским Эмиратом [ист. 1].

С точки зрения понимания генезиса движения “Талибан” важное значение имеют фундаментальные исследования российских востоковедов В.Я. Белокреницкого, Р.Р. Сикоева (2013) и В.Г. Коргуна (2004). Следует также отметить, что различные аспекты проблемы соперничества между движением “Талибан” и ИГИЛ-Хорасан, в том числе принципиальные различия между двумя организациями в более ранний период, затрагивались в отечественной научной литературе. Необходимо выделить работы Е.А. Степановой (2017 и 2020), А.А. Казанцева (2019), А.А. Князева (2021), а также доклад “Терроризм в Афганистане: совместная оценка угрозы” (2020), в подготовке которого приняли участие и российские эксперты. В последней работе дается в целом объективная оценка группировки ИГИЛ-Хорасан, которая превратилась в одну из самых опасных террористических группировок с высоким уровнем насилия, с претензией на общенациональный охват и мощный региональный резонанс [11, сс. 26-27].

В связи с вышеизложенными религиозными и политическими причинами можно констати-

ровать, что война ИГИЛ-Хорасан против талибов преследует цель укрепления позиций этой террористической группировки в регионе Южной и Центральной Азии, демонстрацию своего глобального превосходства и дискредитацию власти талибов в Афганистане, а вооруженное противостояние между талибами и ИГИЛ-Хорасан носит экзистенциальный характер.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИГИЛ-ХОРАСАН И ЕГО КАМПАНИЯ ПО ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА

В период с 2014 по 2021 г. движение “Талибан”, афганская армия и коалиционные силы смогли лишь ослабить группировку ИГИЛ-Хорасан, но отнюдь не одолеть ее полностью. У ослабленной террористической группировки возникли сложности с финансированием своей деятельности, что вынудило ее отказаться от удержания под контролем определенных территорий и перейти к сетевой структуре. Вместе с тем после прихода талибов к власти ИГИЛ-Хорасан удалось начать укреплять свои ряды за счет рекрутирования дезертировавших из подразделений “Талибана” таджикских и узбекских бойцов, а также военнослужащих и полицейских прежнего режима, ищущих защиты от талибов либо пытающихся им отомстить [12]. Более того, целевой аудиторией для вербовки в террористы стала афганская молодежь из числа представителей городского среднего класса. Таким образом, осенью 2021 г. ИГИЛ-Хорасан довело численность своих сторонников до 4 тыс. боевиков, которые большей частью действовали в восточных провинциях Афганистана. Кроме того, группировке удалось восстановить боевые ячейки в Кабуле, а также на севере и в центральной части страны [ист. 2]. Расширение географии террористической деятельности ИГИЛ-Хорасан связано с тем, что контроль со стороны новой власти и на основных магистралях, и в отдельных населенных пунктах значительно ослаб в силу отсутствия достаточных людских ресурсов и оперативных возможностей [ист. 3].

Одним из важных направлений террористической деятельности ИГИЛ-Хорасан была дискредитация легитимности новой талибской власти, которая, мол, не способна обеспечить порядок в стране. Группировка осуществила террористические акты во многих афганских провинциях, нападая на этнические общины, государствен-

ных служащих, сотрудников афганских сил безопасности, религиозных деятелей, сотрудничающих с новым режимом, активистов гражданского общества, на иностранные представительства [13], в частности на российское и пакистанское посольства, а также на китайских специалистов в кабульской гостинице “Лонган” [ист. 4]. Очевидно, что цель ИГИЛ-Хорасан — продемонстрировать неспособность талибов обеспечить безопасность иностранных граждан (в том числе дипломатов) и заставить зарубежные страны прекратить сотрудничество с новым режимом.

С момента захвата власти талибами в августе 2021 г. и до 30 июня 2022 г. в Афганистане зарегистрировано 255 различных типов атак ИГИЛ-Хорасан в 16 провинциях, 70% из них зафиксировано осенью 2021 г. и 30% — в первой половине 2022 г. [ист. 5]. После августа 2021 г., когда талибы были заняты формированием государственных органов, ИГИЛ-Хорасан в течение нескольких месяцев совершило 16 смертоносных нападений на объекты шиитов-хазарейцев, которые привели к гибели по меньшей мере 700 человек [ист. 6]. Наличие законспирированных ячеек и сетевой характер группировки позволяют ее боевикам активно действовать в городских районах разных провинций с использованием самодельных взрывных устройств и легкого стрелкового оружия [ист. 7]. Организовываются засады на пути следования сил безопасности, устанавливаются придорожные бомбы, проводятся комплексные атаки с участием террористов-смертников, делаются закладки бомб в пассажирские транспортные средства [ист. 8].

Формирование кадрового состава ИГИЛ-Хорасан осуществляется с учетом этнического фактора. Так, в восточных провинциях страны афганские и пакистанские пуштуны составляют основной костяк ИГИЛ-Хорасан, а в северных провинциях в отрядах группировки преобладают местные таджики и узбеки [ист. 9]. Подобное комплектование подразделений группировки по этническому признаку объясняется ее целеполаганием: направить свои усилия в сторону Центральной Азии и Пакистана. ИГИЛ-Хорасан по-прежнему уделяет большое внимание привлечению в свои ряды разочаровавшихся талибов и иностранных боевиков. Поэтому логично, что группировка пополняется боевиками “Исламского движения Узбекистана”⁹, “Движения талибов

Пакистана”¹⁰, “Лашкар-и-Джангви”¹¹, “Джаиш-и-Мухаммад”¹² и других группировок [14].

Талибы, в свою очередь, пытаются наладить контрразведывательную работу для обеспечения безопасности и предотвращения террористических актов. Местные силы безопасности не дают боевикам ИГИЛ-Хорасан закрепиться на определенной территории, патрулируют отдаленные районы, проводят с помощью мобильных сил обыски в домах в ночное время [15]. Устанавливаются новые контрольно-пропускные пункты, используются мобильные блокпосты, осуществляется проверка всех транспортных средств. В Кабуле повышен уровень обеспечения безопасности иностранных миссий, правительственных зданий и мечетей.

Несмотря на предпринимаемые талибами меры, многочисленные атаки ИГИЛ-Хорасан, сопровождаемые жертвами среди гражданского населения, продолжились. В 2022 г. группировка расширила свои атаки на северные провинции Кундуз, Балх, Тахар и Бадахшан. Около 27% из 217 нападений произошло в Кабуле и 15% — на севере Афганистана [16]. Лидеры ИГИЛ-Хорасан рассчитывали укрепить свое влияние и оперативное присутствие на севере страны, а также получить материальную поддержку со стороны представителей местных этнических сообществ — противников кабульской власти. В дальнейшем количество террористических атак ИГИЛ-Хорасан стало сокращаться: с осени 2022 по июнь 2023 г. выявлено лишь 37 нападений в восьми афганских провинциях, причем в большинстве случаев атаки были совершены террористами-смертниками. В целом за 2023 г. группировка совершила 66 террористических нападений на территории Афганистана [17].

Подобную тенденцию, которая продолжилась и в 2024 г., с одной стороны, можно объяснить увеличением целенаправленных контртеррористических действий властей против ИГИЛ-Хорасан. В частности, в 2023 г. в резуль-

⁹ 4 февраля 2003 г. Верховный суд РФ признал организацию террористической и запретил ее деятельность на территории России.

¹⁰ 1 сентября 2010 г. признано США террористической организацией, в январе и июле 2011 г. правительствами Британии и Канады.

¹¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ. Признана террористической организацией Австралией, Канадой, Пакистаном, Великобританией, США и ООН.

¹² Деятельность организации запрещена на территории РФ. Признана террористической организацией Пакистаном, Австралией, Канадой, Индией, ОАЭ, Великобританией, США и ООН.

тате регулярных операций Главного управления разведки (ГУР) Исламского Эмирата в 11 провинциях страны был ликвидирован ряд полевых командиров ИГИЛ-Хорасан старшего и среднего звена, что привело к некоторому снижению террористической активности группировки [16]. С другой стороны, это объясняется изменением тактики ИГИЛ-Хорасан, которая старается сконцентрироваться на осуществлении мелкими ячейками более редких, но в то же время резонансных нападений на территории как Афганистана, так и других государств региона.

Укрепление позиций ИГИЛ-Хорасан на севере Афганистана, сохранение способности осуществлять террористические акты, информационно-пропагандистская активность как внутри страны, так и за рубежом свидетельствуют о достаточно высокой степени ее адаптированности к меняющимся условиям. Группировка остается серьезной угрозой, которую, вероятно, талибы склонны недооценивать [ист. 10]. Более того, власти продолжают утверждать, что угрозы со стороны ИГИЛ-Хорасан не существуют, подвергая жесткой цензуре любую информацию о деятельности группировки.

В ходе пропагандистской кампании ИГИЛ-Хорасан обвиняет находящихся у власти афганских талибов в “продаже ислама” ради международного признания, отвергает желание Кабула не вмешиваться во внутренние дела других стран и уважать ООН [18]. Кроме того, группировка осуждает афганских талибов за поддержание отношений с шиитским Ираном и “отступническим” режимом Пакистана, со странами Центральной Азии, Китаем и Россией, что, мол, лишает движение “Талибан” права претендовать на статус настоящей джихадистской организации.

Оценивая взаимоотношения между двумя движениями, следует отметить, что талибы не были частью глобального джихадистского движения. Впрочем, и в российской академической среде существуют разные точки зрения относительно характера движения “Талибан”. А.А. Казанцев, например, считает, что это пуштунское националистическое движение [5]. В то же время А.А. Князев называет его национальным движением [4]. Как представляется, до прихода к власти талибы уже, по сути, являлись национально-освободительным движением. С начала второй декады текущего века руководство движения “Талибан” приложило немало усилий, чтобы переформатировать движение из пуштунско-

го в общеафганское за счет охвата недовольных прежним режимом представителей этнических групп населения севера Афганистана. Такой подход фактически созвучен мнению А.А. Князева и некоторых других российских исследователей [19].

Фактор ИГИЛ-Хорасан вызывает обеспокоенность относительно влияния этой террористической группировки внутри и вокруг Афганистана, в том числе в плане возможного распространения ее присутствия в более широком регионе [20]. Агрессивная кампания ИГИЛ-Хорасан по захвату территорий в Афганистане, массовой вербовке боевиков и идеологической пропаганде стимулирует вооруженное противостояние с талибами.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ ИГИЛ-ХОРАСАН

Особое беспокойство вызывает трансграничная деятельность ИГИЛ-Хорасан, которая создает террористические угрозы для стран не только близлежащего, но и других регионов. Активная пропаганда ИГИЛ-Хорасан раскрывает ее попытки не только дискредитировать “Талибан”, но и расширить влияние на весь регион. Приходится констатировать, что в настоящее время эти пропагандистские усилия достигли некоторого результата в распространении джихадистских идей и привлечении в ряды группировки боевиков разных национальностей.

Одним из приоритетов для ИГИЛ-Хорасан является распространение джихада в Центральную Азию [21]. Афганский филиал ИГИЛ нацелен на использование в своих интересах существующей напряженности в отношениях между талибскими властями и различными этническими группами, пытаясь тем самым спровоцировать центральноазиатских джихадистов на активные действия против своих правительств.

В своем онлайн-журнале на английском языке, адресованном глобальной аудитории, группировка объявила о начале новой эры джихада [22]. В рамках глобальной кампании атак в 2022 г. под названием “Месть двух шейхов”¹³ ИГИЛ-Хорасан осуществило операции против Узбекистана и Таджикистана, атаковав их ракета-

¹³ Два шейха — лидер ИГИЛ Абу Ибрагим аль-Хашими аль-Курейши и его пресс-секретарь Абу Хамза аль-Курейши, которые погибли в феврале 2022 г. в ходе операции спецназа США в сирийской провинции Идлиб.

ми из афганских провинций Балх и Тахар. Совершая подобные акции против соседних государств, ИГИЛ-Хорасан пытается побудить местных джихадистов перейти на сторону этой международной террористической организации [19].

Группировка активизировала деятельность по распространению пропаганды, предназначенной для узбеков, таджиков и киргизов в Центрально-Азиатском регионе. В своем ведущем медиаоргане “Аль-Азаим” ИГИЛ-Хорасан публикует материалы на таджикском и узбекском языках [ист. 11]. В настоящее время группировка сосредоточилась на создании подпольных сетей своих сторонников в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане, вербуя граждан этих государств [23]. Например, в Таджикистане активным пропагандистом в местных социальных сетях и вербовщиком, действующим от имени ИГИЛ-Хорасан, являлся Шамиль Хукуматов. В июне 2023 г. он был арестован в Турции, где вербовал выходцев из Центральной Азии в интересах ИГИЛ-Хорасан для совершения терактов в Таджикистане. В результате дальнейшего расследования турецкие спецслужбы арестовали боевиков ИГИЛ-Хорасан, подозреваемых в подготовке нападений на генконсульства Швеции и Нидерландов в Стамбуле [ист. 12].

После прохождения военной подготовки в лагерях ИГИЛ-Хорасан боевики из Центральной Азии совершали террористические акты и в других регионах. В частности, в 2022–2023 гг. выходцы из Таджикистана, прошедшие подготовку в рядах ИГИЛ-Хорасан, дважды организовали нападение на погребальный памятник-мавзолей Шах-Черах в Ширазе (Иран) [24]. В 2022 г. связанный с группировкой боевик узбекской национальности из Центральной Азии осуществил нападение на святылище имама Резы в Мешхеде (Иран) [25]. В июле 2023 г. действовавшие в интересах ИГИЛ и выехавшие в Западную Европу через Украину девять человек таджикской, туркменской и киргизской национальностей были арестованы в Германии и Нидерландах за подготовку терактов и сбор денег в фонд ИГИЛ [26]. В 2024 г. боевиками ИГИЛ-Хорасан совершено нападение на концертный зал “Крокус Сити Холл” в Москве.

Начиная с 2022 г. ИГИЛ-Хорасан расширило свои атаки не только на северный Афганистан, но и на северо-западный Пакистан в провинции Хайбер-Пахтунхва, в которой проживают 2 млн афганских беженцев, представляющих собой

вербовочный контингент для ИГИЛ-Хорасан. Кроме того, в Пакистане функционируют тысячи деобандийских медресе, среди которых немало заведений салафитского направления. После захвата афганскими талибами власти произошел рост на 70% террористических атак в Пакистане [ист. 1]. Вооруженные нападения осуществлялись на верующих в мечетях [27], на представителей некоторых пакистанских религиозных политических партий [ист. 13], а также на чиновников, военных и полицейских. Имеются также доказательства присутствия сторонников афганского крыла ИГИЛ в Индии, Бангладеш, Мьянме, Шри-Ланке и на Мальдивах.

Ретроспективный анализ деятельности ИГИЛ-Хорасан за последние годы свидетельствует о том, что талибам, несмотря на контртеррористические усилия, так и не удалось нейтрализовать группировку. Ощущаются недостатки в работе Главного управления разведки, которое не смогло наладить сбор оперативной информации, обеспечить безопасность границ и фиксировать передвижение боевиков ИГИЛ-Хорасан по территории страны [12]. Поэтому государства региона считают, что ИГИЛ-Хорасан способно представлять террористическую угрозу как в данном регионе, так и за его пределами.

Для предотвращения терактов и ограничения передвижения боевиков ИГИЛ-Хорасан через границу необходима координация контртеррористических действий Исламского Эмирата с соседними государствами на основе совместного использования разведывательных данных. Кроме того, нейтрализация пропагандистской активности ИГИЛ-Хорасан в регионе требует создания многосторонней и адаптируемой модели для отражения схем этой пропаганды. В этих целях страны Центральной и Южной Азии могли бы объединить свои ресурсы для нейтрализации угроз, исходящих от пропагандистских кампаний ИГИЛ-Хорасан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тяжелые потери, которые ИГИЛ-Хорасан понесло в 2018–2020 гг., не привели к деэскалации конфликта с движением “Талибан”. ИГИЛ-Хорасан продолжает проявлять удивительную живучесть, ловко приспосабливаясь к текущему моменту. Террористическая группировка пользуется тем, что наряду с решением многочисленных государ-

ственных задач талибы ведут борьбу и с некоторыми другими оппозиционными организациями.

Высокий уровень бедности и безработица в условиях сокращения афганской экономики на 40% дают ИГИЛ-Хорасан возможность привлекать в свои ряды отчаявшихся представителей мужского населения Афганистана. Часть официальных представителей прежнего режима, недовольных политикой талибов, добровольно вступает в ряды группировки. Определенным вербовочным контингентом для ИГИЛ-Хорасан являются боевики радикальных пакистанских, среднеазиатских и уйгурских организаций, у которых повестка дня ориентирована на активизацию подрывной деятельности в своих странах, а также члены салафитской общины Афганистана, в роли защитника которых выступает ИГИЛ-Хорасан. В борьбе за “умы и сердца” местного

населения предпринимаются также попытки сделать идеологию группировки доминирующим региональным нарративом на пространстве исторического Хорасана, что не может не беспокоить как талибов, так и соседние государства.

Непрекращающаяся террористическая деятельность ИГИЛ-Хорасан ведет к подрыву усилий Кабула по стабилизации внутривнутриполитической ситуации и управлению страной, осложняет решение гуманитарных и социально-экономических проблем, дискредитирует режим талибов в глазах местного населения и международной общественности. Противостояние с ИГИЛ-Хорасан неминуемо продолжится в условиях отсутствия реальных перспектив полного прекращения террористической и пропагандистской деятельности ИГИЛ-Хорасан внутри страны и в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. *Движение “Талибан” и перспективы Афганистана и Пакистана*. Москва, Институт востоковедения РАН, 2014. 216 с.
Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. *The Taliban and the prospects for Afghanistan and Pakistan*. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2014. 216 p. (In Russ.)
2. Коргун В.Г. *История Афганистана XX век*. Москва, Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 528 с.
Korgun V.G. *History of Afghanistan XX century*. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, Kraft+ Publishing House, 2004. 528 p. (In Russ.)
3. Osman B. “ISKP’s Battle for Minds: What Are Its Main Messages and Who Do They Attract?” *Afghanistan Analysts Network*, 12.12.2016. Available at: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/iskps-battle-for-minds-what-are-their-main-messages-and-who-do-they-attract/> (accessed 25.05.2023).
4. Князев А.А. “Талибан” и ИГИЛ: быть ли им вместе? *Информационно-аналитический центр МГУ*, 09.11.2021.
Knyazev A.A. Taliban and ISIS: Should they be together? *Information and Analytical Center of Moscow State University*, 09.11.2021. (In Russ.) Available at: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/taliban-i-igil-byt-li-im-vmeste/> (accessed 13.11.2023).
5. Казанцев А.А. *Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан*. Москва, МГИМО-Университет, 2019. 256 с.
Kazantsev A.A. *International Jihadist Networks: Central Asia, the Caucasus, the Middle East and Afghanistan*. Moscow, MGIMO University, 2019. 256 p. (In Russ.)
6. Bunzel C. *From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State. Analysis Paper No. 19*. Washington, Brookings, 2016. 45 p.
7. Arni A., Kotasthane P. Choosing Between Taliban and ISIS: A Dangerous False Dilemma South Asia. *The Wire*, 2017. Available at: <https://thewire.in/south-asia/choosing-between-taliban-and-isis-a-dangerous-false-dilemma> (accessed 10.05.2024).
8. George S. Clashing assessments of links between Taliban and Islamic State point to problems for Afghanistan’s peace process. *The Washington Post*, 30.05.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghanistan-taliban-islamic-state-peace-process/2020/05/30/c61dbda2-9f8a-11ea-be06-af5514ee0385_story.html (accessed 07.05.2024).
9. Ibrahimi N., Akbarzadeh S. Intra-Jihadist Conflict and Cooperation: Islamic State—Khorasan Province and the Taliban in Afghanistan. *Studies in Conflict and Terrorism*, 07.01.2019. Available at: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1529367>
10. Мачитидзе Г.Г. “Аль-Каида” и “Талибан”: амбивалентное партнерство. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 4, сс. 44–53.
Machitidze G.G. Al-Qaeda and the Taliban: an ambivalent partnership. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 4, pp. 44–53. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-44-53>

11. Рубин Б., Степанова Е., Казанцев А., Ахмад Дж. *Терроризм в Афганистане: совместная оценка угрозы*. Нью-Йорк, East West Institute, 2020. 85 с.
Rubin B., Stepanova E., Kazantsev A., Ahmad J. *Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment*. New York, East-West Institute, 2020. 85 p. (In Russ.) Available at: https://www.researchgate.net/publication/344282155_Terrorizm_v_Afganistane_sovmestnaa_ocenka_ugrozy (accessed 02.06.2024).
12. Jadoon A., Sayed A., Mines A. The Islamic State Threat in Taliban Afghanistan: Tracing the Resurgence of Islamic State Khorasan. *Combating Terrorism Center*, 2022, vol. 15, iss. 1, pp. 33-45. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/the-islamic-state-threat-in-taliban-afghanistan-tracing-the-resurgence-of-islamic-state-khorasan/> (accessed 14.05.2024).
13. Akhter M.N. Islamic State Khorasan's Threat and the Taliban. *Modern Diplomacy*, 16.11.2021. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2021/11/16/islamic-state-khorasans-threat-and-the-taliban/> (accessed 12.05.2024).
14. Zahid F. The Islamic State in Pakistan: Growing the Network. *Fikra Forum*, 30.01.2017. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/islamic-state-pakistan-growing-network> (accessed 29.05.2023).
15. Mackintosh E., Popalzai E., Jarne A., Robinson L. No one feels safe: The Taliban promised to provide security to Afghans. New data shows threat from ISIS is growing. *CNN*, 19.05.2023. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/05/19/asia/isis-k-attacks-afghanistan-taliban-cmd-intl/index.html> (accessed 22.05.2024).
16. Jadoon A., Mines A., Sayed A. The Enduring Duel: Islamic State Khorasan's Survival under Afghanistan's New Rulers. *Combat Terrorism Center*, 2023, vol. 16, iss. 8, pp. 8-15. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/the-enduring-duel-islamic-state-khorasans-survival-under-afghanistans-new-rulers/> (accessed 21.05.2024).
17. Zelin A.Y., Winter I. One Year of the Islamic State Worldwide Activity Map. *Fikra Forum*, 20.03.2024. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/one-year-islamic-state-worldwide-activity-map> (accessed 24.05.2024).
18. Osman B. "Bourgeois Jihad: Why Young, Middle-Class Afghans Join the Islamic State". *United States Institute of Peace*. Washington, 2020, no. 162. 28 p. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/2020-06/20200601-pw_162-bourgeois_jihad_why_young_middle-class_afghans_join_the_islamic_state.pdf (accessed 24.05.2024).
19. Гурова Т., Мамедьяров З., Суриков В., Фабричников И. Талибы — это прежде всего национально-освободительное движение. *Кюск*, 2021.
Gurova T., Mamedyarov Z., Surikov V., Fabrichnikov I. The Taliban is first and foremost a national liberation movement. *Kiosk*, 2021. (In Russ.) Available at: <https://kiozk.ru/article/ekspert/taliby-eto-prezde-vsego-nacionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie> (accessed 14.11.2023).
20. Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение "Талибан" в политике России по Афганистану и в более широком регионе. *Пути к миру и безопасности*, 2017, № 1 (52), сс. 213-237.
Stepanova E.A. The ISIS factor and the Taliban movement in Russia's policy on Afghanistan and in the broader region. *Pathways to Peace and Security*, 2017, no. 1 (52), pp. 213-237. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-1-213-237>
21. Сафранчук И.А. и др. *Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность*. МГИМО-Университет, 2022. 32 с.
Safranchuk I.A. et al. *Afghanistan after regime change: domestic and international uncertainties*. MGIMO University, 2022. 32 p. Available at: https://mgimo.ru/upload/2022/03/MGIMO_Afghanistan_RUS.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 14.05.2024).
22. Ahmadzai A. IS-Khorasan: Organizational Structure, Ideological Convergence with the Taliban and Future Prospects. *Perspectives on Terrorism*, 2022, vol. 16, iss. 5, pp. 2-19. Available at: <https://pt.icct.nl/article/khorasan-organizational-structure-ideological-convergence-taliban-and-future-prospects-0> (accessed 12.05.2024).
23. Ramachandran S. ISKP Attacks in Uzbekistan and Tajikistan. *The Central Asia — Caucasus Analyst*, 31.08.2022. Available at: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13731-iskp-attacks-in-uzbekistan-and-tajikistan.html> (accessed 27.05.2024).
24. Zelin A. "ISKP Goes Global: External Operations from Afghanistan". *Fikra Forum*, 11.09.2023. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iskp-goes-global-external-operations-afghanistan> (accessed 30.05.2024).
25. Webber L., Valle R. The Islamic State's Central Asian Contingents and Their International Threat. *Hudson*, 16.10.2023. Available at: <https://www.hudson.org/foreign-policy/islamic-states-central-asian-contingents-their-international-threat> (accessed 01.06.2024).
26. Mines A. *The Evolving Terrorism Threat to the U.S. from the Afghanistan-Pakistan Region*. Washington, NCITE, 2023. 49 p. Available at: <https://extremism.gwu.edu/evolving-terrorism-threat-us-afghanistan-pakistan-region> (accessed 01.06.2024).
27. Goldbaum C. "ISIS Affiliate Claims Responsibility for Deadly Attack at Rally in Pakistan". *New York Times*, 31.07.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/07/31/world/asia/pakistan-bombing-isis.html> (accessed 02.06.2024).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / *SOURCES*

1. *Dozens of major terrorist groups operating from Afghanistan*. Eurasia, 2024. Available at: <https://eurasia.ro/2024/05/08/dozens-of-major-terrorist-groups-operating-from-afghanistan/> (accessed 08.05.2024).
2. *SRSB Briefing to the Security Council*. UNAMA, 17.11.2021. Available at: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/17_november_2021_srsb_briefing_security_council_english.pdf (accessed 11.05.2024).
3. *Afghanistan Security Situation*. European Union Agency for Asylum, 2022. 284 p. Available at: https://euaa.europa.eu/sites/default/files/publications/2022-09/2022_08_EUAA_Afghanistan_Security%20Situation_ (accessed 11.05.2024).
4. *Lead Inspector General Report to The United States Congress*. Operation Enduring Sentinel, 01.10.2022–31.12.2022. Available at: https://oig.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/OES%20Q1_Dec22_Gold_0.pdf (accessed 13.05.2024).
5. *The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security*. A/76/862-S/2022/485, para. 18. UNSG, 15.06.2022. Available at: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/220615_sg_report_on_afghanistan_s.2022.485.pdf (accessed 15.05.2024).
6. *Afghanistan: ISIS Group Targets Religious Minorities*. Human Rights Watch, 2022. Available at: <https://www.hrw.org/news/2022/09/06/afghanistan-isis-group-targets-religious-minorities> (accessed 17.05.2024).
7. With Spate of Attacks, ISIS Begins Bloody New Chapter in Afghanistan. *The New York Times*, 01.05.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/05/01/world/asia/afghanistan-isis-attacks.html> (accessed 19.05.2024).
8. *Four bombs kill at least 12 in Afghanistan*. AFP, 2022. Available at: <https://www.france24.com/en/live-news/20220525-four-bombs-kill-at-least-12-in-afghanistan> (accessed 20.05.2024).
9. *Twelfth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2557 (2020) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan*. S/2021/486. UN Security Council, 2021.
10. *Islamic State Khorasan Remains a Stubborn Threat in Afghanistan*. IntelBrief, 29.03.2023. Available at: <https://thesoufancenter.org/intelbrief-2023-march-29/> (accessed 24.05.2024).
11. Islamic State in Afghanistan seeks to recruit Uzbeks, Tajiks, Kyrgyz. *Eurasianet Perspectives*, 17.03.2022. Available at: <https://eurasianet.org/perspectives-islamic-state-in-afghanistan-seeks-to-recruit-uzbeks-tajiks-kyrgyz> (accessed 28.05.2024).
12. *Eighteenth report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat*. S/2024/117. United Nations Digital Library System, 2024.
13. "Death toll from Bajaur bombing climbs to 63". *Dawn*, 03.08.2023. Available at: <https://www.dawn.com/news/1768161> (accessed 03.06.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-65-75

EDN: XDIINB

ВОЗВРАЩЕНИЕ “ТАЛИБАНА”¹ К ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2025 г. Р.Б. Махмудов

МАХМУДОВ Рустам Баходирович, доцент,
ORCID 0000-0002-1030-2200, rmaxmudov@uwed.uz
Университет мировой экономики и дипломатии, Республика Узбекистан, 100007 Ташкент,
пр-т Мустакиллик, 54.

Статья поступила 20.01.2024. После доработки 02.10.2024. Принята к печати 29.11.2024.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования новых вызовов и угроз для системы региональной безопасности в Центральной и Южной Азии после возвращения к власти движения “Талибан” в августе 2021 г. В их числе — активная политика талибов по строительству связанного с Амударьей канала “Куштепа” на севере Афганистана без согласования со странами ЦА, что ставит под угрозу водную, экологическую и продовольственную безопасность обширных пространств в Туркменистане и Узбекистане. Вызовом становятся возникшие после 2021 г. осложнения в отношениях “Талибана” с Пакистаном, в основе которых лежат противоречия вокруг не признаваемой Кабулом линии Дюранда, пересекающей территорию проживания многих пуштунских племен и родов по обе стороны афганско-пакистанской границы. Раздражителем в афганско-пакистанских отношениях стала активизировавшаяся после образования Исламского Эмирата Афганистан террористическая деятельность группировки “Техрик-е Талибан Пакистан” (ТТП)², приводящая к многочисленным жертвам среди представителей пакистанских силовых структур и мирных жителей. Исламабад обвиняет Кабул в укрывательстве боевиков ТТП на своей территории, что опровергается последним. В долгосрочной перспективе вызовом, в первую очередь для светской Центральной Азии, может стать антимодернистская политика “Талибана”, способная оказать влияние на нарастающие постсекулярные тренды в странах, расположенных севернее Амударьи.

Ключевые слова: “Талибан”, Центральная Азия, канал “Куштепа”, река Гильменд, линия Дюранда, “Техрик-е Талибан Пакистан”, исламский фундаментализм.

THE RETURN OF THE TALIBAN TO POWER AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THREATS AND CHALLENGES TO REGIONAL SECURITY

Rustam B. MAKHMUDOV,
ORCID 0000-0002-1030-2200, rmaxmudov@uwed.uz
University of World Economy and Diplomacy, 54, Ave. Mustakillik, Tashkent, 100007, Republic of Uzbekistan.

Received 20.01.2024. Revised 02.10.2024. Accepted 29.11.2024.

Abstract. The article addresses the issue of the emergence of new challenges and threats to the regional security system in Central and South Asia following the return to power of the Taliban movement in August 2021. Among them is the Taliban’s active policy in constructing the Qoshtepa canal related to the Amu Darya in northern Afghanistan without coordination with the Central Asian countries, posing a threat to the water, environmental, and food security of extensive areas in Turkmenistan and Uzbekistan. The complicating factor is the deterioration of relationship between the Taliban and Pakistan after 2021, rooted in contradictions surrounding the Kabul-non-recognized Durand Line, which divides the territory inhabited by many Pashtun tribes and clans on both sides of the Afghan-Pakistani border. An irritant in Afghan-Pakistani relations has been the increased terrorist activities of the Tehrik-e-Taliban Pakistan (TTP) following the establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan, which has resulted in numerous casualties among Pakistani security forces and civilians. Islamabad accuses Kabul of harboring TTP militants on its territory, a claim refuted by the latter. In the long term, a challenge, primarily for a secular Central Asia, may be the Taliban’s anti-modernist policy capable of influencing the growing post-secular trends in countries located north to the Amu Darya.

¹ Организация запрещена на территории РФ.

² Организация запрещена на территории РФ.

Keywords: Taliban, Central Asia, Qoshtepa canal, Helmand River, Durand Line, Tehrik-e Taliban Pakistan, Islamist fundamentalism.

About author:

Rustam B. MAKHMUDOV, Associate Professor.

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение движения “Талибан” к власти в Афганистане в августе 2021 г. оказало огромное влияние на процессы в Центральной и Южной Азии. Если в период с 2001 по 2021 г. баланс сил в этих регионах складывался исходя из американского военного и геополитического присутствия, значительной западной финансовой помощи Кабулу, то после ухода США и коллапса афганского правительства и силовых структур он кардинальным образом поменялся.

Установление власти исламистских фундаменталистов, коими являются талибы, вызвало неоднозначную реакцию в регионе. Если Узбекистан, Туркменистан и Пакистан довольно спокойно отреагировали на приход “Талибана”, то Казахстан, Кыргызстан и Иран на первоначальном этапе проявили достаточно серьезную обеспокоенность изменением ситуации в Афганистане. Наиболее острую реакцию продемонстрировал Таджикистан, где дело чуть не дошло до открытых боевых действий с талибами.

Между тем спустя три года нахождения у власти талибов можно констатировать, что какого-либо коллапса в Центральной и Южной Азии все же не произошло и фактор Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) постепенно становится устойчивым элементом в процессах формирования региональной безопасности, развития торгово-экономических и транспортных связей. В то же время это не означает, что ситуация в Афганистане больше не порождает никаких серьезных вызовов для региона. Скорее, можно говорить о том, что талибы изменили структуру безопасности в регионе, создав новые типы угроз и вызовов, некоторые из них, по всей видимости, носят долгосрочный характер и должны отныне учитываться соседними странами в их стратегическом планировании.

ВОДНАЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА

Первый масштабный вызов, порождаемый новым Афганистаном, — это вызов водной безопасности Центральной Азии. В марте 2023 г. движение “Талибан” приступило к строитель-

ству канала “Куштета”, огромного гидротехнического сооружения, предназначенного для доставки воды из Амударьи в три северные провинции Афганистана — Балх, Джаузджан и Фариш. Протяженность канала составит 285 км, ширина — 100 м, глубина — 8.5 м. По различным оценкам, канал должен будет забирать от 20 до 30% стока Амударьи, который пойдет на орошение 550 тыс. гектаров земли [ист. 1].

Начав строительство канала, талибы поставили регион перед фактом. Ситуацию осложняет то, что власти ИЭА не имеют статуса легитимного актора международных отношений. Кроме того, исторически Кабул никогда не являлся участником Алматинской декларации 1992 г., которая призвана регулировать использование воды в регионе, а также Конвенции ООН по водным ресурсам 1992 г. с участием Казахстана, Туркменистана и Узбекистана [ист. 2].

Вместо диалога со странами региона талибы заявили, что получение доступа к водам Амударьи является их законным правом. Позиция движения была озвучена исполняющим обязанности заместителя премьер-министра муллой Абдул Гани Барадаром на встрече со специальным представителем президента Узбекистана по внешней политике Абдулазизом Камиловым, состоявшейся 22 марта 2023 г. в Кабуле. По его словам, Афганистан имеет право на воду из реки Амударьи “в соответствии с международными нормами и с полным учетом привилегий и прав Афганистана”. При этом он заверил, что завершение проекта канала “Куштета” укрепит двусторонние отношения Афганистана и Узбекистана [ист. 3].

После некоторого молчания в центрально-азиатских государствах на официальном уровне свою обеспокоенность ситуацией высказал президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев. В ходе выступления на саммите лидеров государств — учредителей Международного фонда спасения Арала 15 сентября 2023 г. в Душанбе он заявил следующее: “По сути, в нашем регионе появился новый участник процесса водопользования, который не связан с нашими странами какими-либо обязательствами. Вы хорошо знаете, что афганская сторона ведет активное строитель-

ство канала. Его ввод может кардинально изменить водный режим и баланс в Центральной Азии”. При этом он подчеркнул, что Афганистан не имеет обязательств в отношении стран ЦА по водопользованию рекой Амударья. Узбекский президент предложил сформировать совместную рабочую группу, задачей которой должно стать изучение строительства “Куштепы” и его влияния на водный режим в Амударье. Он также предложил рассмотреть вовлечение Афганистана в региональный диалог о совместном использовании водных ресурсов [ист. 4].

Между тем, говоря о региональном диалоге по Амударье с вовлечением Афганистана, возникают сомнения в реальной, а не декларативной готовности талибов к нему. Для подобных сомнений есть как минимум три причины.

Во-первых, строительство канала уже не остановить, а также невозможно изменить его технические характеристики. В ноябре 2023 г. была введена в эксплуатацию первая часть канала, и талибы полны решимости довести проект до конца [ист. 5]. Что касается технических характеристик, то можно отметить применение устаревших технологий при строительстве этого гидротехнического сооружения. “Куштепа” представляет собой просто большой “арык”, то есть оросительный канал в Центральной Азии, который, как показал печальный опыт строительства Каракумского канала в 1950-х годах, будет приводить к серьезным потерям воды. В Каракумском канале, берега которого не защищены, потери воды оцениваются в 18% общего потока. В результате произошло массовое заболачивание и засоление окружающих земель [ист. 6]. Вряд ли канал “Куштепа” будет отличаться большей эффективностью.

Во-вторых, талибам необходим канал для ввода в эксплуатацию новых сельскохозяйственных земель. Как показывает анализ современной экономики Афганистана, в условиях недостатка внутренних источников дохода и иностранных инвестиций сельское хозяйство остается одним из немногих перспективных ресурсов валютных поступлений. Развитие сельского хозяйства в северных регионах необходимо также для укрепления продовольственной безопасности, поскольку в Афганистане половина населения страны, или почти 20 млн человек, балансирует на грани голода [1]. Ситуацию в экономике ухудшает запрет “Талибана” на выращивание опиумного мака, в результате чего афганские фермеры по-

теряли примерно 1.3 млрд долл. чистого дохода и 450 тыс. рабочих мест [2].

В-третьих, орошение больших площадей земель и создание 250 тыс. новых рабочих мест в северных провинциях необходимы “Талибану” для укрепления своих политических позиций в регионах, в которых преобладают этнические меньшинства в лице узбеков, туркмен и таджиков, бывших традиционной опорой для оппозиционных талибам военно-политических сил.

По всей видимости, в Узбекистане понимают, что правила “водной игры” в регионе менялись и теперь нужно иметь дело с новой реальностью. На это указывает объявление 2024 г. в стране “периодом перехода на чрезвычайный режим работы по экономии воды”. Основными причинами названы изменение климата и сложная ситуация по управлению трансграничными реками. Программа перехода предусматривает радикальное снижение потерь воды в сельском хозяйстве посредством реализации программы бетонирования каналов.

По официальным данным, в Узбекистане 90% водных ресурсов, или 46 млрд м³, потребляется в сельском хозяйстве. На орошение 1 га хлопкового поля в год тратится 10–11 тыс. м³ воды, что в 2–3 раза больше, чем в странах со схожим климатом и почвой. Во многом это связано с тем, что в ирригационных системах с естественным покрытием в среднем теряется 14 млрд м³ в год, или 36% поступающей воды. Наиболее высокий процент потерь наблюдается в Каракалпакстане (43%), а также в Наманганской (40%), Навоийской (38%), Хорезмской (38%) и Бухарской (37%) областях. Потери узбекской экономики от нерационального использования воды составляют 5 млрд долл. в год [ист. 7].

Как будет решать “вызов Куштепы” Туркменистан, пока сложно сказать, но принимать какие-то масштабные меры по перестройке системы потребления воды в направлении повышения ее эффективности ему придется. Туркменистан является мировым лидером по неэффективности использования воды. На 1 жителя в среднем расходуется более 16 тыс. л воды в день, что в 4 раза выше, чем в США, 15 раз — в Китае и 14 раз — в России. Преимущественно пустынный Туркменистан тратит больше воды в год, чем находящаяся в более благоприятном климате крупнейшая экономика ЕС Германия [ист. 6].

Помимо появившихся водных проблем с Центральной Азией, у талибов сложилась сложная ситуация с Ираном вокруг использования вод реки Гильменд, что приводит к периодическим вооруженным столкновениям на границе, резким заявлениям официальных лиц и в целом осложнению политического климата в двусторонних отношениях. Истоки реки Гильменд лежат на территории Афганистана в горном массиве Гиндукуш. Ее протяженность — 1150 км. Река впадает в озеро Хамун, расположенное на территории Ирана. Гильменд играет важнейшую роль для сельского хозяйства двух стран.

Афгано-иранская водная проблема берет свое начало с 1940-х годов, когда Кабул стал активно строить на Гильменде плотины с целью увеличения площади орошаемых земель и реализации программы перевода кочевых племен на оседлый образ жизни. Афганистан и Иран в 1973 г. подписали договор о совместном использовании водных ресурсов, по которому Тегеран получал 820 млн м³ в год, но он не был ратифицирован [ист. 8]. В феврале 2021 г. еще при правительстве Ашрафа Гани стороны подписали дополнительное соглашение, основанное на договоре 1973 г., но и оно не разрешило имеющихся противоречий [ист. 9].

В последние годы обострению водной проблемы способствовала затяжная засуха, которая нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству Ирана и экосистеме озера Хамун. В этой связи Тегеран стал настаивать на получении своей водной доли, в то время как афганская сторона утверждала, что у нее просто недостаточно воды, чтобы обеспечить наращивание поставок в Иран [3]. Это вызвало подозрение иранской стороны в нежелании талибов предоставлять ей ее долю. В мае 2023 г. агентство *IRNA* опубликовало снимки реки Гильменд, сделанные иранским спутником “Хайям”, показавшие, что водохранилища за плотинами Каджаки и Камаль-Хан заполнены почти на 80%. Это опровергало заявления афганских властей о нехватке воды [ист. 10]. Тегеран также в мае 2023 г. попросил “Талибан” допустить техническую делегацию для измерения уровня воды в Гильменде, но получил отказ [ист. 11].

Все это в итоге привело к тому, что президент Ирана Ибрагим Раиси во время посещения провинции Систан и Белуджистан на границе с Афганистаном обвинил ИЭА в нежелании предоставить ИРИ ее долю воды Гильменда, хотя она

имеется в достаточном объеме. Он заявил, что афганские власти должны серьезно отнестись к его словам [3]. Возросшее напряжение в итоге стало причиной “словесной войны” и вооруженного столкновения на афгано-иранской границе 27–28 мая 2023 г., в результате которого были жертвы с обеих сторон. Однако это не приблизило разрешение спора, и, скорее всего, водная проблема между Ираном и “Талибаном” вокруг реки Гильменд останется точкой напряженности в обозримом будущем, осложняя геополитическую и экономическую ситуацию в регионе.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ В ОТНОШЕНИЯХ С ПАКИСТАНОМ

Целую систему вызовов порождают нынешние отношения движения “Талибан” и Пакистана, которые находятся на сложном этапе развития. Известно, что Пакистанская межведомственная разведка всегда имела тесные связи с “Талибаном” и оказывала движению обширную поддержку в его военном противостоянии с Северным альянсом. Пакистан был в числе трех государств мира, наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ, официально признавших ИЭА Муллы Омара. Разгромленные в 2001 г. талибы нашли убежище именно на пакистанской территории, где смогли восстановить свой потенциал и начать длившуюся почти два десятилетия партизанскую и диверсионную войну против афганской армии и поддерживавшего ее международного контингента. Вполне очевидно, что возрождение талибов и их победа в немалой степени стали следствием помощи со стороны Пакистана [4].

Последовательность, с которой Исламабад оказывал поддержку талибам, даже рискуя войти в противостояние с США, поднимает вопрос о ее причинах. Как представляется, эта поддержка была элементом более обширной национальной и региональной политики Пакистана с момента его основания. Она опирается на два взаимосвязанных и в то же время взаимоисключающих фактора — обеспечение стратегической глубины в противостоянии с экзистенциальным врагом в лице Индии и в предотвращении сепаратизма и национализма со стороны пакистанских пуштунов и белуджей, что делает Пакистан уязвимым перед лицом пуштунских националистов Афганистана и потенциально Дели.

Чтобы разрешить противоречие между целями обеспечения стратегической глубины и пре-

дотворачивания рисков участия афганских властей в поддержке пуштунского и белуджского сепаратизма в Пакистане, в том числе и в сотрудничестве с Индией, у Исламабада не оставалось иного выхода, кроме как активно участвовать во внутриафганских делах, а также работать с пакистанскими и афганскими пуштунами и белуджами по переориентации их идеологических приоритетов с идеи Великого Пуштунистана и Белуджистана на идеи джихада. Именно этим во многом обусловлен ярко выраженный крен Пакистана в сторону поддержки афганских религиозных группировок. Исламабад в 1970-е годы поддерживал афганскую фундаменталистскую организацию “Мусульманская молодежь”, а также группировки моджахедов, воевавших против Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в 1978–1993 гг. [5]. С 1994 по 2021 г. Пакистан оказывал массированную поддержку фундаменталистскому движению “Талибан”, ставившему своей целью построение исламского государства на территории Афганистана.

Все прошедшие десятилетия пакистанская политика по идеологическому сдерживанию пуштунского национализма была успешной. Однако возвращение “Талибана” к власти в 2021 г. поставило Исламабад перед сложнейшей дилеммой. Ее суть заключается в том, что пакистанское руководство пока не может с абсолютной точностью предсказать, как дальше будет развиваться идеологическая политика талибов — будут ли они строго придерживаться только исламской идеологии или добавят к ней элементы пуштунского национализма, если и не внутри страны, то в отношении Пакистана, что будет предполагать также сближение Кабула с Индией.

Нужно отметить, что многие пуштунские националисты в последние годы возлагали большие надежды на “Талибан”, считая его шансом на возвращение исторического доминирования пуштунов в Афганистане. Так, Анвар Уль-Хак Ахади, бывший министр финансов и торговли в правительстве Карзая и влиятельный пуштунский мыслитель, полагал, что падение правительства Наджибуллы в 1992 г. было не просто окончанием коммунистической эры в Афганистане, но и концом пуштунского доминирования в политике страны. Поэтому возвышение талибов породило оптимизм среди пуштунов в отношении возможности обратить вспять их упадок [6].

Если предположить, что современные талибы как единственная правящая сила в Афгани-

стане будут придерживаться в своей политике представлений о политическом реализме, то они должны будут наращивать свою мощь в отношениях с Пакистаном, тем более что они прекрасно знают особенности пакистанской политики на афганском направлении и активно стремятся избавиться от имиджа “пакистанской марионетки”. Это означает, что “Талибан” предположительно может использовать в качестве ресурса пуштунский национализм, а также свои связи с джихадистскими группировками внутри Пакистана. Позиция талибов по водному вопросу в отношениях с Ираном и Центральной Азией дает основание предполагать, что, как минимум, часть элиты талибов начинает следовать постулатам политического реализма, а это может иметь далеко идущие последствия для всех, включая Пакистан.

Первые признаки политического реализма в действиях “Талибана” показывает его позиция по линии Дюранда. Наиболее жесткие заявления пока звучали со стороны исполняющего обязанности министра обороны Мавлави Мохаммад Якуба Муджахида, сына основателя “Талибана” Муллы Омара. В феврале 2022 г., говоря о возведении Пакистаном в одностороннем порядке 2.600-километровой стены вдоль пакистано-афганской границы, он заявил, что Исламский Эмират Афганистан не позволит Исламабаду продолжать строительство ограждения вдоль линии Дюранда [ист. 12]. Более того, он назвал ее “воображаемой линией” [ист. 13].

Талибы в афгано-пакистанском приграничье уже воспринимаются как защитники пуштунов. Именно к ним направлены жалобы восточных пуштунов на действия Пакистана в приграничных районах, наносящие ущерб родственным и торговым связям, поскольку многие кланы и племена живут по обе стороны границы [7]. Реакция со стороны талибов зачастую приводит к вооруженным столкновениям между афганскими и пакистанскими пограничниками, как это было в декабре 2022 г., что в свою очередь создает предпосылки для усиления внутри “Талибана” пуштунских националистических настроений, тем более что ядро движения составляют этнические пуштуны.

Что касается ресурса джихадистских группировок, действующих против Пакистана, то есть основания полагать, что “Талибан” завуалированно уже может его использовать. Это показывает ситуация вокруг “Техрик-е Талибан Паки-

стан” (ТТП), террористической группировки, основанной в 2007 г. Байтуллою Мехсудом в граничащей с Афганистаном федерально управляемой территории племен Пакистана. Целью ТТП является борьба против “прозападного” правительства Пакистана и установление в этой стране формы правления на основе принципов шариата. ТТП идеологически близок к афганскому “Талибану”. Именно пакистанские талибы были первыми, кто официально отпраздновал захват талибами Кабула в 2021 г., объявив его “великой победой джихадистского проекта”. Эмир ТТП Муфтий Нур Вали Мехсуд публично подтвердил клятву своей группировки на верность эмиру “Талибана” Хайбатулле Ахундзаде и пообещал продолжать безоговорочную поддержку афганского движения [8].

Говоря о возможной связи властей ИЭА и ТТП, эксперты отмечают синхронизацию прихода талибов к власти и резкую активизацию подрывной и террористической деятельности ТТП в Пакистане. Подчеркивается, что после августа 2021 г. ТТП серьезно укрепила свою организационную структуру и военно-техническую оснащенность, а также расширила местную базу поддержки на афганской территории. Это позволило пакистанским талибам резко нарастить террористическую активность в западных приграничных районах Пакистана. Статистика показывает, что количество заявленных ТТП атак более чем утроилось в период с 2020 по 2022 г. по сравнению с предыдущими двумя годами [9].

В 2023 г. статистика нападений боевиков ТТП для Пакистана не улучшилась. Только в провинции Хайбер-Пахтунхва произошло более 300 нападений, ответственность за которые взяли на себя пакистанские талибы [10]. Кроме того, в 2023 г. погибло 500 мирных жителей и столько же сотрудников сил безопасности, что является самым высоким показателем смертности в стране за шесть лет [9].

За последние два года ТТП смог закрепить в таких стратегически важных регионах Пакистана, как Северный Вазиристан и известная своими сепаратистскими настроениями провинция Белуджистан, где к ним присоединились четыре белуджские группировки [8].

Росту потенциала ТТП способствует приток в его ряды боевиков из афганского “Талибана”, которые остаются верными идеям джихада, а также пакистанских граждан, ранее воевавших на стороне талибов против войск США и прави-

тельства Ашрафа Гани, несмотря на то, что публично новые афганские власти их отговаривают от войны против Пакистана. Попытки Исламабада запустить переговорный процесс с ТТП при посредничестве исполняющего обязанности министра внутренних дел Сираджуддина Хаккани не увенчались успехом. Примечательно, что в ответ на предложение пакистанских властей о всеобщей амнистии боевикам при условии, что они сложат оружие и вернуться к нормальной жизни, ТТП выступил с ответным требованием к правительству Пакистана об установлении шариата в стране [11]. Это говорит о том, что ТТП чувствует изменение правил игры после прихода к власти в Афганистане “Талибана” и это дает ему уникальную возможность использования фактора “стратегической глубины” [8].

По всей видимости, угроза со стороны ТТП становится долговременной для Исламабада, и сделать пока он ничего не может, так как ИЭА “отстраняется” от решения проблемы, считая, что она имеет внутриафганские причины. Диапазон ответных действий Исламабада не очень широк и может включать три ключевые меры воздействия на Кабул.

Первой мерой может стать оказание давления на Кабул по линии афганских беженцев, численность которых оценивалась до недавнего времени примерно в 3 млн человек. Исламабад в октябре 2023 г. показал, что готов использовать этот рычаг давления на “Талибан”. Пакистанские власти предписали до 1 ноября 2023 г. покинуть страну 1,7 млн нелегальных афганских беженцев [12]. Официальный Исламабад не стал скрывать причины. Как заявил на пресс-конференции исполняющий обязанности премьер-министра Пакистана Анвар Уль-Хак Какар, “после отказа от сотрудничества со стороны временного правительства Афганистана Пакистан решил взять дело в свои руки” [ист. 14].

Второй мерой воздействия является давление на осуществление торговых операций и транспортных перевозок с участием представителей афганского бизнеса. Значительная часть доходов населения приграничных районов зависит от торговли с восточным соседом, и Исламабад периодически использует этот инструмент давления.

Третьей мерой воздействия Пакистана на “Талибан” может стать сотрудничество с США в области безопасности. Исламабад стремится вовлечь США в свои проблемы с талибами

и ТТП, о чем говорит состоявшийся в декабре 2023 г. визит командующего пакистанской армии генерала Асима Мунира в Вашингтон, в ходе которого он встретился с высокопоставленными представителями американских ВС и спецслужб, а также министром обороны Ллойдом Остином [ист. 15]. Однако, судя по всему, США пока не готовы начинать новую большую “афганскую игру”, будучи занятыми на других направлениях противостояния с Россией, Ираном и Китаем. Тем не менее можно предположить, что Исламабад все же не прекратит попыток заручиться американской поддержкой для наращивания давления на Кабул.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Возвращение талибов к власти в Афганистане ознаменовало собой не только изменение военно-политического расклада сил в системе региональной безопасности, но и коренное изменение идеологической карты региона. Для Центральной Азии это означает, что все приграничное пространство к югу от нее превратилось в полноценный “фундаменталистский пояс”, состоящий из шиитского Ирана и суннитского Исламского Эмирата Афганистан.

Кроме того, для всех сторонников модернизации и ее очередного этапа в виде четвертой промышленной революции с ее новой волной созидательного разрушения и технологической сингулярностью фундаментализм талибов означает, что Афганистан в своем мировоззрении вновь откатывается назад в средневековье. Приход талибов также символизирует собой очередной провал попытки модернизации Афганистана, которых было несколько в XX и в первых десятилетиях XXI в.

Как известно, первая попытка модернизации была запущена эмиром Амануллой-ханом, который после обретения Афганистаном независимости в 1919 г. по итогам третьей англо-афганской войны попытался трансформировать глубоко традиционалистское общество этой страны. Его усилия потерпели неудачу. Восстание консервативных сил привело к свержению Амануллы-хана в 1929 г. и установлению кратковременной реакционной власти эмира Хабибуллы (Бачаи Сакао).

Вторая попытка модернизации была связана с именем короля Мухаммеда Захир-шаха и охватывала период с 1933 по 1973 г. В афганской

национальной памяти она получила название “Золотого века”. Однако именно в этот период закладываются основы для будущего кризиса. Их было три.

Во-первых, это амбиции родственника короля Мохаммеда Дауда, занимавшего пост премьер-министра в 1953–1964 гг. Он сверг Захир-шаха в 1973 г., но сам не принял титул короля, а стал президентом Афганистана, тем самым открыв ящик Пандоры через десакрализацию традиционной системы управления афганским обществом, во главе которой стоял шах как “тень Аллаха на земле”. Во-вторых, рост популярности левых идей, представленных сторонниками марксизма-ленинизма, сформировавшими Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА) и ее два крыла — Парчам и Халк, а также сторонниками маоизма. В-третьих, распространение исламских фундаменталистских идей как реакции на модернизацию и активность левых сил. Авангардом консерваторов стала “Мусульманская молодежь”.

Все три силы находились в идеологическом противостоянии друг с другом, что не могло не вылиться в силовое противостояние, из которого временным победителем вышла НДПА, совершившая в апреле 1978 г. военный переворот, известный как “Апрельская революция”. Это событие ознаменовало собой, с одной стороны, третью попытку модернизации с опорой на ресурсы Советского Союза, а с другой — начало гражданской войны, где противником модернистов выступили религиозные фундаменталисты и традиционалисты, тыловые базы которых находились в Пакистане и Иране. В итоге именно фундаменталисты вышли победителями, свергнув последнего президента НДПА Мохаммеда Наджибуллу в 1992 г.

Четвертая попытка модернизации была запущена в Афганистане после свержения “Талибана” в 2001 г. и проводилась в период президентства Хамида Карзая и Ашрафа Гани при масштабной финансовой и технической поддержке США и их союзников. Несмотря на критику афганской политической системы тех лет за коррупцию и неспособность справиться с индустрией производства наркотиков, все же нужно отметить, что в области образования, которая является ключевой для модернизации страны, Афганистан сумел достичь неплохих результатов.

В период с 2001 по 2021 г. уровень грамотности в стране вырос с 8 до примерно 43% [13].

До 2002 г. количество учеников в государственных школах оценивалось в 1 млн человек или меньше, при этом почти все были мальчиками. Но уже в 2019 г. в школу было зачислено более 9 млн детей, из которых более 3.5 млн составляли девочки [ист. 16]. По состоянию на май 2021 г. в Афганистане число учащихся выросло до 9.7 млн. Конечно, отмечались нехватка учителей (всего работало 220 тыс. учителей в 2021 г.) и недостаточно высокий уровень их квалификации, особенно в регионах, однако сам образовательный процесс в стране начался [ист. 17].

Была модернизирована система высшего образования на базе нескольких университетов, часть из которых появилась во времена короля Мухаммеда Нодир-шаха (Кабульский университет), короля Захир-шаха (Кабульский политехнический университет и Кундузский университет) и НДПА (Балхский, Гератский, Кандагарский и Бадахшанский университеты). Открылось несколько государственных и частных университетов во времена президентства Карзая и Гани. Однако возвращение талибов к власти поставило под угрозу эти хрупкие достижения. Одним из первых решений “Талибана” в 2021 г. стало введение запрета на получение девушками среднего образования, что мотивировалось разработкой талибами женского дресс-кода и новых учебных программ, соответствующих “исламским ценностям” в интерпретации “Талибана”.

Понимание идеологических подходов талибов к системе образования в Афганистане дает анализ высказываний некоторых высших должностных лиц. В августе 2021 г. Абдул Баки Хаккани, член сети Хаккани, который был министром высшего образования “Талибана” до 17 октября 2022 г., заявил, что народ Афганистана продолжит свое высшее образование в свете исламского права [14]. Согласно Мавлави Нурулле Муниру, занимавшему должность министра образования до 26 сентября 2022 г., «не доктор философии, или степень магистра ценны сегодня. Вы видите, что среди мулл и представителей “Талибана”, находящихся у власти, нет докторов наук, магистров или даже выпускников средней школы, но они величайшие из всех» [15].

В декабре 2022 г. исполняющий обязанности министра высшего образования Неда Мохаммад Надим, комментируя свое решение запретить женщинам посещать университеты, заявил, что “девочки изучали сельское хозяйство и инженерное дело, но это не соответствовало афган-

ской культуре. Девочки должны учиться, но не в тех областях, которые противоречат исламу и чести Афганистана” [ист. 18]. По вопросу равенства мужчин и женщин, одного из ключевых постулатов модерна, Неда Мохаммад Надим на митинге в Багланском университете прямо отметил, что они не равны. По его словам, “мужчина — правитель, у него есть власть, ему должны подчиняться, и женщина должна принять его мир. Женщина не равна мужчине; однако они (западные нации), поставили ее выше мужчины” [ист. 19].

Особенностью образовательной политики “Талибана” также становится расширение сети религиозных учебных заведений. Правительство ИЭА, в частности, сообщило о планах построить в каждой провинции по одному большому медресе и в каждом округе (*вулусвали*) от 3 до 10 джихадистских семинарий [16]. Кроме того, талибы создали религиозную полицию и специальные исламские комитеты в университетах для работы со студентами, одновременно объявив, что направят 15 тыс. мулл для борьбы с западными идеями, которая рассматривается как одна из важнейших целей их правления [17].

Антимодернизм талибов очевиден, и систему образования на данном этапе они рассматривают с точки зрения приоритета маскулинности и практичности, то есть подготовки кадров для решения текущих социально-экономических задач. Учитывая, что “джихадистское” поколение, вероятнее всего, будет еще довольно долго находиться у власти, можно предположить, что курс на приоритет религиозных знаний над светскими становится долговременным. Это, в свою очередь, ставит вопрос о влиянии идеологических процессов в Афганистане на Центральную Азию, где также идут сложные идентификационные трансформации, характеризующиеся усилением постсекулярных трендов.

Проблема состоит в том, что регион Центральной Азии сам не порождает идентификационных моделей на экспорт, а, наоборот, является объектом внешнего идентификационного воздействия. В настоящий момент в регионе активно действует несколько внешних идентификационных моделей — западные, дубайская и неоосманская, а также ближневосточные исламские консервативные и фундаменталистские. Идеологию талибов Афганистана в этом ансамбле можно считать одной из вариаций консервативных и фундаменталистских моделей, что, в свою оче-

редь, создает определенные предпосылки для ее возможного влияния на умы почитателей подобного типа мышления и ценностей в странах ЦА.

ВЫВОДЫ

Отсутствие у талибов в Афганистане серьезной оппозиции говорит о том, что их власть становится долговременным фактором формирования политических, экономических, торговых и идеологических процессов на обширных пространствах Центральной и Южной Азии, Ближнего Востока. Причем Исламский Эмират Афганистан пытается выработать свою модель встраивания в данные процессы в качестве полноценного субъекта, пытаясь нарастить свой совокупный потенциал посредством не только развития сотрудничества с другими акторами, но и приобретения инструментов воздействия на них.

Подобным инструментом становится контроль над водными ресурсами в отношениях с Ираном и странами ЦА, учитывая, что такие важные реки, как Гильменд, Герируд и Мургаб, полностью формируются на территории Афганистана, а Амударья — почти на 14.5% [18]. В от-

ношениях с Пакистаном потенциальным инструментом воздействия могут стать пуштунский и белуджский национализм, а также сложности Исламабада по противодействию ТТП. Очевидно, что странам Центральной Азии, Ирану и Пакистану на политический реализм талибов тоже есть чем ответить, тем более что Афганистан очень серьезно зависит от импорта промышленной продукции и транзитных транспортных коммуникаций своих соседей.

Принимая все это во внимание, можно сказать, что возможны только два направления развития отношений между странами региона и ИЭА — это или практическое сотрудничество, но с высоким уровнем как завуалированного, так и публично выражаемого взаимного недоверия, или выстраивание открытых, доверительных отношений, при которых стороны учитывают опасения и проблемы друг друга, стараясь их решать в форме дву- и многостороннего диалога. “Талибан” и регион спустя три года все еще стоят перед данной дилеммой, и от того, какой из двух вариантов в итоге возобладает, будет напрямую зависеть структура всей новой системы региональной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Sinno A. Afghans stave off starvation in the face of economic sanctions. *Relief Web*, 05.09.2023. Available at: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghans-stave-starvation-face-economic-sanctions> (accessed 12.01.2024).
2. Gupta K. Afghan farmers struggle to adapt to Taliban's opium ban by Kanika Gupta. *Nikkei*, 24.07.2023. Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Agriculture/Afghan-farmers-struggle-to-adapt-to-Taliban-s-opium-ban> (accessed 12.01.2024).
3. Mayar M.A., Shapour R. The long winding river: Unravelling the water dispute between Afghanistan and Iran. *Afghanistan Analysts Network*, 20.11.2023. Available at: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/11/Helmand-Water-FINAL.pdf> (accessed 12.01.2024).
4. Riedel B. Pakistan, Taliban and the Afghan Quagmire by Bruce Riedel. *Brookings*, 24.08.2013. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/pakistan-taliban-and-the-afghan-quagmire/> (accessed 14.01.2024).
5. Лалетин Ю.П. Афгано-пакистанские отношения и джирга мира. *Азия и Африка сегодня*, 2008, № 5, сс. 60-64. Laletin Yu.P. Afghan-Pakistani relations and the peace jirga. *Asia and Africa today*, 2008, no. 5, pp. 60-64. (In Russ.) Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/138813/> (accessed 14.01.2024).
6. Sarwar A.R. Ashraf Ghani and the Pashtun Dilemma by Ali Reza Sarwar. *The Diplomat*, 18.01.2015. Available at: <https://thediplomat.com/2015/01/ashraf-ghani-and-the-pashtun-dilemma/> (accessed 14.01.2024).
7. Mohmand R.S. The Durand Line: A British legacy that fuels new tensions between Pakistan and Afghanistan. *Arab News*, 07.07.2023. Available at: <https://www.arabnews.pk/node/2333766> (accessed 14.01.2024).
8. Saeyd A., Hamming T. The Tehrik-i-Taliban Pakistan after the Taliban's Afghanistan Takeover. *Combating Terrorism Center at West Point*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 1-12. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2023/05/CTC-SENTINEL-052023.pdf> (accessed 14.01.2024).
9. Shah S.S.H., Mahmood A., Kamran M. Resurrection of Tehrik-e-Taliban Pakistan Amidst Afghan Regime's Indifference: Threats to Intersectional Security Strands in the Region. *Social Inclusion*, 2024, vol. 12, art. 8598, pp. 1-20. Available at: <https://doi.org/10.17645/si.8598>
10. Hussain A. Taliban's ties with Pakistan fraying amid mounting security concerns. *Al-Jazeera*, 17.08.2023. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/8/17/talibans-ties-with-pakistan-fraying-amid-mounting-security-concerns> (accessed 14.01.2024).

11. Mehsud R. Pakistani Taliban reject amnesty offer unless Islamic law imposed by Rehmat Mehsud. *Arab News*, 19.09.2021. Available at: <https://www.arabnews.com/node/1931331/world> (accessed 14.01.2024).
12. Aamir A. Pakistan intends to deport 1.7 million Afghans. *Relief Web*, 09.10.2023. Available at: <https://reliefweb.int/report/pakistan/pakistan-intends-deport-17-million-afghans> (accessed 26.11.2024).
13. Debre I. Counting the costs of America's 20-year war in Afghanistan. *Associated Press News*, 30.04.2021. Available at: <https://apnews.com/article/asia-pacific-afghanistan-middle-east-business-5e850e5149ea0a3907cac2f282878dd5> (accessed 26.11.2024).
14. Rezai H. The Taliban Rule and the Radicalisation of Education in Afghanistan. *Global Campus of Human Rights*, 24.11.2022. Available at: <https://gchumanrights.org/preparedness-children/article-detail/the-taliban-rule-and-the-radicalisation-of-education-in-afghanistan-4945.html> (accessed 15.01.2024).
15. Chaturvedi A. Taliban's new education minister says PhD, Master's degrees 'not valuable'. *Hindustan Times*, 08.09.2021. Available at: <https://www.hindustantimes.com/world-news/talibans-new-education-minister-says-phd-master-s-degree-not-valuable-101631085275474.html> (accessed 15.01.2024).
16. Mohammadi G.H. Jihadi Seminaries Under the Taliban: A Looming Threat. *The Diplomat*, 05.01.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/01/jihadi-seminaries-under-the-taliban-a-looming-threat/> (accessed 26.11.2024).
17. ۱۰.۳.۱۴۰۱، صبح ۸. طالبان و مبارزه با تفکر غربی. *ابومسلم خراسانی*. Khorasani A.M. Taliban and the fight against Western thought. *8 AM Media*, 31.05.2022. (In Dari) Available at: <https://8am.media/the-taliban-and-the-fight-against-western-thought/> (accessed 17.01.2024).
18. Бояркина О.А. Афганистан в политике Центральной Азии на реке Амударья. *Международные отношения*, 2017, № 4, сс. 29-35.
Boyarkina O.A. Afghanistan in the politics of Central Asia on the river Amu Darya. *International Relations*, 2017, no. 4, pp. 29-35. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.19492

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Не было печали: станет ли строительство канала Куштепа катастрофой для Узбекистана? *Kun.uz*, 10.06.2023.
There was no sadness: will the construction of the Qoshtepa canal be a disaster for Uzbekistan? *Kun.uz*, 10.06.2023. (In Russ.) Available at: <https://kun.uz/ru/news/2023/06/10/ne-bylo-pechali-stanet-li-stroitelstvo-kanala-kushtepa-katastrofoy-dlya-uzbekistana> (accessed 12.01.2024).
2. В Афганистане завершено строительство первого участка канала Коштепа. *Gazeta.uz*, 12.10.2023.
In Afghanistan, construction of the first section of the Qoshtepa Canal has been completed. *Gazeta.uz*, 12.10.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/12/qoshtepa-canal/> (accessed 12.01.2024).
3. Узбекистан и Афганистан обсудили канал Коштепа, торговлю, транспорт и права женщин. *Gazeta.uz*, 23.03.2023.
Uzbekistan and Afghanistan discussed the Qoshtepa canal, trade, transport and women's rights. *Gazeta.uz*, 23.03.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/23/afghanistan/> (accessed 12.01.2024).
4. Мирзиёев: афганский канал Куштепа может кардинально изменить водный баланс в ЦА. *Sputnik News*, 15.09.2023.
Mirziyoyev: The Afghan Qoshtepa canal can radically change the water balance in Central Asia. *Sputnik News*, 15.09.2023. (In Russ.) Available at: <https://uz.sputniknews.ru/20230915/mirziyoyev-afganistan-kanal-koshtepa-sammit-38994333.html> (accessed 12.01.2024).
5. Taliban commission first section of major canal that could threaten water sufficiency of Central Asia neighbours. *IntelliNews*, 12.10.2023. Available at: <https://www.intellinews.com/taliban-commission-first-section-of-major-canal-that-could-threaten-water-sufficiency-of-central-asia-neighbours-296728/> (accessed 12.01.2024).
6. Turkmenistan. *Food and Agriculture Organization*. Available at: <https://www.fao.org/4/W6240E/w6240e18.htm#:~:text=The%20water%20loss%20from%20the,salinization%20of%20the%20surrounding%20land> (accessed 26.11.2024).
7. Президент объявил 2024 год периодом перехода на чрезвычайный режим работы по экономии воды в Узбекистане. *Gazeta.uz*, 30.11.2023.
The President declared 2024 a period of transition to an emergency mode of work to save water in Uzbekistan. *Gazeta.uz*, 30.11.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/11/30/water/> (accessed 12.01.2024).
8. *The Afghan-Iranian Hilmand-River Water Treaty*. International Water Law, 1973. Available at: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/1973_Helmand_River_Water_Treaty-Afghanistan-Iran.pdf (accessed 12.01.2024).
9. *Iran and Afghanistan Clash over Water Rights*. United States Institute of Peace, 30.05.2023. Available at: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/30/iran-and-afghanistan-clash-over-water-rights> (accessed 12.01.2024).

10. Спутниковые снимки опровергли заявление Афганистана о количестве воды за плотинами Каджаки и Камал Хан. *Pars Today*, 23.05.2023.
Satellite images have refuted Afghan claims about the amount of water behind the Kajaki and Kamal Khan dams. *Pars Today*, 23.05.2023. (In Russ.) Available at: https://parstoday.ir/ru/news/west_asia-i182472-Спутниковые_снимки_опровергли_заявление_Афганистана_о_количестве_воды_за_плотинами_Каджаки_и_Камал_Хан (accessed 12.01.2024).
11. Амир-Абдуллахиян: Талибы не позволили технической делегации Ирана измерить уровень воды Гильменд. *Pars Today*, 19.05.2023.
Amir-Abdullahian: The Taliban did not allow the Iranian technical delegation to measure the Helmand water level. *Pars Today*, 19.05.2023. (In Russ.) Available at: https://parstoday.ir/ru/news/iran-i182218-Амир_Абдуллахиян_Талибы_не_позволили_технической_делегации_Ирана_измерить_уровень_воды_Гильменд (accessed 12.01.2024).
12. Islamic Emirate: We Have Not Allowed More Fencing on Durand Line. *Tolo News*, 18.02.2022. Available at: <https://tolonews.com/afghanistan-176733> (accessed 14.01.2024).
13. The Durand line dispute between Afghanistan and Pakistan has remained a contentious issue for over a century. *Satyaagrah*, 19.06.2023. Available at: <https://satyaagrah.com/global/global-politics/2937-durand> (accessed 14.01.2024).
14. Pakistan PM says expulsion of Afghans a response to Taliban non-cooperation. *Reuters*, 08.11.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/pakistan-pm-says-expulsion-afghans-response-taliban-non-cooperation-2023-11-08/> (accessed 14.01.2024).
15. COAS meets US Defence Secretary in Washington. *The Express Tribune*, 14.12.2023. Available at: <https://tribune.com.pk/story/2450026/coas-meets-us-defence-secretary-in-washington> (accessed 14.12.2023).
16. *Afghanistan, Education. USAID/Afghanistan, 2017–2020*. Available at: <https://2017-2020.usaid.gov/afghanistan/education> (accessed 01.10.2024).
17. Ghani sees threat to Afghanistan's education system. *Pajhwok*, 05.05.2021. Available at: <https://pajhwok.com/2021/05/05/ghani-sees-threat-to-afghanistans-education-system/> (accessed 15.01.2024).
18. Taliban minister defends closing universities to women as global backlash grows. *The Guardian*, 23.12.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/23/taliban-minister-defends-closing-universities-to-women-as-global-backlash-grows> (accessed 17.01.2024).
19. 'Men and women are not equal': Taliban education minister. *Times of India*, 01.10.2023. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/south-asia/men-and-women-are-not-equal-taliban-education-minister/articleshow/104090692.cms?from=mdr> (accessed 17.01.2024).

**КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-76-84

EDN: WERNJZ

**СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ**

© 2025 г. С. Чжай, Ж. Жуман, Б. Ду

*ЧЖАЙ Сюань, докторант,
ORCID 0000-0003-1801-7583, zhaixuan381432601@gmail.com
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан, 050040 Алматы, пр-т Аль-Фараби, 71.*
*ЖУМАН Жаппар, профессор, доктор экономических наук,
ORCID 0000-0002-4494-7568, sad171@mail.ru
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан, 050040 Алматы, пр-т Аль-Фараби, 71.*
*ДУ Бинхан, докторант,
ORCID 0009-0004-6855-7881, 920360378@qq.com
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан, 050040 Алматы, пр-т Аль-Фараби, 71.*

Статья поступила 13.06.2024. После доработки 27.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Центральная Азия богата возобновляемыми источниками энергии. Китай и государства региона продвигают сотрудничество в этой области в рамках Инициативы “Один пояс, один путь”. При этом ввиду различий в экономическом развитии стран Центральной Азии наблюдается неравномерное распределение соответствующих проектов.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, Китай, Центральная Азия, “Один пояс, один путь”, углеродная нейтральность.

**COOPERATION OF CHINA AND CENTRAL ASIA
IN RENEWABLE ENERGY**

*Xuan ZHAI,
ORCID 0000-0003-1801-7583, zhaixuan381432601@gmail.com
Al-Farabi Kazakh National University, 71, Al-Farabi Prosp., Almaty, 050040, Kazakhstan.*
*Jappar JUMAN,
ORCID 0000-0002-4494-7568, sad171@mail.ru
Al-Farabi Kazakh National University, 71, Al-Farabi Prosp., Almaty, 050040, Kazakhstan.*
*Binghan DU,
ORCID 0009-0004-6855-7881, 920360378@qq.com
Al-Farabi Kazakh National University, 71, Al-Farabi Prosp., Almaty, 050040, Kazakhstan.*

Received 13.06.2024. Revised 27.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan) are rich in renewable energy sources such as wind, solar, and hydropower, but the differences in economic development among the five countries have led to uneven development of renewable energy projects. Energy transition, carbon neutrality targets, and geopolitical conflicts make renewable energy development in Central Asian countries full of challenges. Policies to provide tariff reductions, simplify procedures and strengthen international cooperation for renewable energy projects are specified in the legislation on the use of renewable energy. China is the fastest growing country in the field of renewable energy technologies and one of the major investors in the Central Asian renewable energy market. Under the guidance of the One Belt and One Road Initiative, China and Central Asia have launched multi-level and all-round cooperation in the renewable energy sector. China has advanced technology and relatively strong capital, while the advantage of Central Asia lies in its great potential for developing renewable energy (hydro, wind and solar). The two sides carry out renewable energy cooperation, which is complementary to a certain extent, and can achieve mutual benefits and meet the economic development interests of both parties. In recent years, energy cooperation between China and the Central Asian countries within the framework of the One Belt and One Road Initiative has achieved many positive results. Their cooperation had geopolitical, technological and economic advantages, and the One Belt and One Road Initiative provided the Central Asian countries with more opportunities for sustainable development. This study concludes that China and Central Asia are actively promoting renewable energy cooperation under the One Belt and One Road Initiative to expand investment and reduce risks.

Keywords: renewable energy, China, Central Asia, One Belt, One Road, carbon neutrality.

About authors:

Xuan ZHAI, Doctoral Candidate.
Jappar JUMAN, Dr. Sci. (Econ.), Professor.
Binghan DU, Doctoral Candidate.

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия (ЦА) не только богата различными ископаемыми ресурсами, но и обладает большим потенциалом для развития возобновляемой энергетики. Изменение структуры энергобаланса в ее пользу рассматривается государствами региона как магистральный путь для сокращения выбросов углекислого газа и решения проблем изменения климата. Страны ЦА активизируют сотрудничество в области возобновляемых источников энергии с Китаем в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” [1].

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

В последние годы развитие возобновляемой энергетики стало общемировой тенденцией и рассматривается как генеральное направление глобального энергоперехода. Доля энергии, получаемой за счет возобновляемых ресурсов (солнца, ветра, воды, биомассы, геотермальных и др.), в энергобалансах неуклонно растет. По данным недавнего Статистического обзора мировой энергетики, в 2023 г. потребление возобновляемой энергииросло в 6 раз быстрее, чем общее потребление первичной энергии. Доля возобновляемой энергии в мировом энергобалансе возросла на 0.4% по сравнению с 2022 г. и достигла 14.6%, а с учетом атомной энергетики — 18% [ист. 1, р. 4].

Регион ЦА географически весьма разнообразен, но в нем преобладают пустыни и степи (пустыня Кызылкум, Евразийская степь). Богатые ветровые ресурсы и интенсивное солнечное освещение — хорошие объективные предпосылки для развития соответствующих направлений возобновляемой энергетики. Кроме того, имеются значительные водные ресурсы, обеспечиваемые стоками с хребтов Тянь-Шаня, что обуславливает перспективность гидроэнергетики. Основные реки — Теджен и Мургаб, крупнейшие водоемы — Аральское море и озеро Балхаш, входящие в бассейн Каспийского моря.

ЦА включает в себя пять государств: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан. Масштабы их экономик сильно различаются. Самую большую экономику и наиболее высокие темпы роста ВВП имеет Казахстан. До настоящего времени в структуре энергопотребления стран ЦА преобладают традиционные энергоресурсы — уголь, нефть и газ, а в освоении возобновляемых источников

энергии наблюдается значительная неравномерность [2]. В 2022 г. они обеспечили всего 5.6% общего потребления энергии в регионе.

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА

Гидроэнергетика традиционно является наиболее широко используемым и технологически развитым источником возобновляемой энергии в ЦА. С 2018 г. рост установленных гидроэнергетических мощностей в ЦА обеспечивается главным образом за счет малых гидроэлектростанций (ГЭС). Наибольшими гидроэнергетическими ресурсами располагают Кыргызстан и Таджикистан, находящиеся в верхнем течении основных рек региона. На них приходится более 90% установленных гидроэнергетических мощностей региона. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане, располагающих значительными запасами углеводородного сырья, в электроснабжении по-прежнему преобладает тепловая генерация, а гидроэнергетика является лишь дополнением к ней [ист. 2].

Таджикистан выделяется как самым мощным гидроэнергетическим потенциалом, так и наибольшим объемом генерации на гидроэлектростанциях. В республике работает 13 ГЭС, прежде всего Нурекская, Байпазинская и Фархадская, расположенные на реках Вахш и Сырдарья. На Рогунской ГЭС на реке Вахш в южном Таджикистане, которая все еще находится в стадии строительства, возводится самая высокая плотина в мире.

Гидроэнергетика является основным источником энергии и в Кыргызстане. Система ГЭС республики состоит из нескольких крупных (Токтогульская, Курпсайская, Шамалды-Сайская) и цепочки малых станций, находящихся на реке Нарын и на Большом Чуйском канале. Кыргызские ГЭС в основном сосредоточены в южных и центральных регионах страны.

В Казахстане насчитывается около 36 гидроэлектростанций, большинство из которых расположено на юге и востоке. На данный момент масштаб освоения гидроресурсов в стране не соответствует имеющемуся потенциалу. В энергосистеме Казахстана наблюдается дефицит установленных гидроэнергетических мощностей.

В Узбекистане в последнее время наблюдались положительные тенденции в развитии гидроэнергетики, в стадии строительства находилось 13 ГЭС. По данным АО “Узбекгидро-

энерго”, к концу 2023 г. общее количество ГЭС в республике должно было достичь 58. В Узбекистане имеются три крупных ГЭС (Тупалангская, Шардаринская и Камбаратинская), остальные относятся к категории малых (Испасойская, Ханабадская и др.). Их общая установленная мощность составляет 190 МВт.

В Туркменистане гидроэнергетика развита намного слабее, чем в других странах ЦА, национальная энергосистема всецело зависит от тепловой генерации. Гиндукушская ГЭС на реке Мургаб была построена еще в 1913 г. и имеет установленную мощность всего 1.2 МВт. С 2011 г. в стране рассматривались планы по строительству ГЭС, но до их реализации дело так и не дошло.

Все страны ЦА сталкиваются в значительной мере со сходными проблемами в сфере гидроэнергетики, прежде всего со старением имеющейся инфраструктуры. Упор на строительство малых ГЭС оборачивается более высокими затратами на выработку 1 КВт·ч по сравнению с крупными станциями. Казахстан и Узбекистан сталкиваются с недостаточной изученностью потенциала местных гидроэнергетических ресурсов, отсутствием проектов по реконструкции старых ГЭС. Определенная стагнация в развитии гидроэнергетики в этих государствах, как и Туркменистане, объясняется наличием значительных собственных запасов углеводородов, которые используются как для поставок на экспорт, так и для внутренней электрогенерации. Развитию гидроэнергетики в Кыргызстане и Таджикистане препятствуют недостаток государственного финансирования, экономическая нестабильность, экстремальные погодные условия и наводнения [3].

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГИЯ

Благодаря географическому положению страны ЦА имеют огромный потенциал для раз-

вития гелиоэнергетики. Среднегодовая продолжительность солнечного света в Казахстане составляет 2000–3000 часов в год, даже на севере республики она может достигать 2132 часов в год. В Узбекистане количество солнечных дней в году составляет более 320, общее количество солнечных часов – 2500–3000 в год. В Туркменистане с его засушливым пустынным климатом и долгим, сухим и жарким летом среднее количество солнечных часов составляет 2540 в год. Климат в Кыргызстане в целом солнечный, в некоторых областях количество солнечных часов в году превышает 2900. В Таджикистане климат разнообразный, есть пустынные районы, среднегодовая продолжительность солнечного освещения находится в пределах 2097–3166 часов. Текущая ситуация с солнечной энергетикой в странах ЦА представлена в табл. 1.

Наибольшим потенциалом в сфере гелиоэнергетики обладает Казахстан – по оценкам, 6684.3 ТВт·ч/год. Фактическое производство солнечной энергии в республике в 2023 г. составило 472.2 ТВт·ч [ист. 1]. В Алматинской области уже введен в эксплуатацию ряд крупных солнечных электростанций (СЭС) – Капшагайская (100 МВт), Каскеленская (50 МВт), Самрук-Грин Энерджи. Много проектов солнечных электростанций должно быть реализовано в Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Жамбылской областях. Несмотря на некоторые успехи, республика все еще далека от освоения всего имеющегося у нее потенциала гелиоэнергетики.

Узбекистан также обладает немалым потенциалом по использованию солнечной энергии. В настоящее время в Каттакурганской, Самаркандской и Навоийской областях строится несколько крупных гелиостанций. Масдарская фотоэлектрическая станция (установленная мощность 100 МВт) в Навоийской области обеспечивает электроэнергией 31 тыс. домов и снижает выбросы CO_2 на 15 тыс. т/год. Нурабадская

Таблица 1. Солнечная энергетика Центральной Азии

Страна	Потенциальная выработка, ТВт·ч/год	Фактическая выработка, ТВт·ч/год	Действующие СЭС
Казахстан	6684.3	472.2	Капшагайская, Каскеленская, Самрук-Грин Энерджи
Узбекистан	1195.0	Незначительная	Бухарская, Кашкадарьинская, Наманганская
Туркменистан	1483.7	Незначительная	Солнечные опреснители воды
Таджикистан	410.1	Незначительная	
Кыргызстан	537.3	Незначительная	Солнечные тепловые коллекторы в Бишкеке

Источник: [4].

станция (100 МВт) в Самаркандской области вырабатывает 260 млн кВт·ч электроэнергии в год для более чем 80 тыс. домовладений. Эксплуатируется ряд небольших СЭС: Бухаро-Кандымская (1.2 МВт), Наманганская пилотная (0.4 МВт) и гелиоустановка в Ташкентском международном институте солнечной энергии (0.2 МВт).

В Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане крупномасштабные проекты в сфере солнечной энергетики пока отсутствуют. Имеются только бытовые гелиоустановки, в некоторых отдаленных районах реализуются мини-проекты типа “Солнечная деревня”. Развитие гелиоэнергетики в этих странах зависит не столько от провозглашенной национальной политики, сколько от реальных инвестиций.

ВЕТРОЭНЕРГЕТИКА

С точки зрения ветроэнергетики ЦА также обладает огромным потенциалом. Ветрогенераторы способны производить больше электроэнергии на единицу занимаемой на земле площади, нежели солнечные панели, что делает их очень подходящими для отдаленных и малонаселенных районов региона. При этом 70% ветроэнергетических ресурсов региона приходится на Казахстан [4]. Предполагается, что в Туркменистане и Узбекистане со временем мощность ветрогенерации будет выше, чем гелио- и гидроэнергетики (табл. 2).

Рельеф и климат Казахстана весьма пригодны для строительства ветроэнергетических установок, особенно на побережье Каспийского моря, в центральном и северном, а также южном и юго-восточном районах. В республике уже построено около 30 ветроэлектростанций (ВЭС), имеется более 20 планов строительства крупных и малых ВЭС в Восточном и Северном Казах-

стане, в Жамбылской и Алматинской областях. Ветроэлектростанция, построенная совместным китайско-казахстанским предприятием в Жамбылской области (установленная мощность 100 МВт, подключена к национальной энергосистеме в 2021 г.), стала крупнейшим проектом такого рода в ЦА.

Многие регионы Узбекистана характеризуются ветреной погодой. Например, по некоторым оценкам, ветровые ресурсы Бекабадской области и зоны Кокандского коридора позволяют построить около 400 ВЭС, которые смогут вырабатывать порядка 240 МВт электроэнергии [6]. В 2023 г. в рамках строительства ветроэлектростанции мощностью 500 МВт в Навоийской области предполагалось установить первую особо крупную турбину мощностью 4.7 МВт китайской компании *Goldwind*.

Туркменистан строит первую гибридную солнечно-ветровую электростанцию мощностью 10 МВт на территории искусственного озера Алтын Асыр. Таджикистан и Кыргызстан пока не объявляли о планах по развитию ветроэнергетики.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Богатые гидро-, ветро- и гелиоресурсы обеспечивают основу и гарантию для осуществления перехода к экологически чистой энергетике в ЦА. Политика развития возобновляемой энергетики позволит смягчить существующие между государствами региона противоречия по поводу распределения имеющихся водных ресурсов, улучшит перспективы осуществления взаимовыгодных совместных проектов в энергетической сфере. Правительства стран ЦА принимают усилия по созданию благоприятных

Таблица 2. Ветроэнергетика Центральной Азии

Страна	Потенциальная мощность, ГВт	Годовая выработка, ТВт·ч	Действующие ВЭС
Казахстан	11 387.7	694	Кордайская, Жанатас, Абай-1, Ыбырай
Узбекистан	1685.2	Незначительная	Пилотные установки в Навоийской и Ташкентской областях
Туркменистан	1991.8	Незначительная	Ветрогенераторы для местных школ
Таджикистан	146.1	Незначительная	10 малых ветроустановок мощностью по 10 МВт в центральных районах страны
Кыргызстан	255.6	Незначительная	Ветроустановки в Иссык-Кульской области

Источник: [5].

условий для ускоренной реализации крупномасштабных проектов и привлечения иностранных инвестиций в поддержку развития возобновляемой энергетики.

В 2009 г. в Казахстане было принято специальное законодательство о поддержке использования возобновляемых источников энергии. В частности, имелось в виду создание финансового центра для поддержки аукционов по продаже электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников энергии, с учетом местоположения объектов возобновляемой энергетики для определения аукционной цены на строительство проекта и продажи. В 2020 г. было объявлено о цели увеличить долю возобновляемых источников энергии в энергобалансе республики до 15% к 2030 г. и 50% — к 2050 г., а к 2060 г. — добиться углеродной нейтральности [7; ист. 3].

Правительство страны предприняло ряд мер по поддержке развития возобновляемой энергетики и повышению инвестиционной привлекательности рынка. Для достижения этой цели в Казахстане были введены аукционы по возобновляемой энергетике, чтобы сделать спрос на рынке более предсказуемым для потенциальных инвесторов. В результате установленная мощность возобновляемых источников энергии в Казахстане увеличилась со 180 до 1650 МВт.

Использование возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности являются одними из основных вопросов экономических реформ в Узбекистане. Учитывая стремительное развитие национальной промышленности, предусмотрен ряд мер по поддержке проектов в области возобновляемых источников энергии. Согласно указу Президента РУ “О мерах по дальнейшему развитию альтернативных источников энергии” от 2013 г. и указу “О Программе мероприятий по снижению энергоемкости, внедрению энергосберегающих технологий в отраслях экономики и социальной сферы на 2015–2019 годы” от 2015 г. намечены планы по развитию ветровой и солнечной энергетики в сотрудничестве с такими международными организациями, как Азиатский банк развития и Всемирный банк [ист-ки 4, 5]. Для проектов в области возобновляемой энергетики предусмотрены льготы по земельному и корпоративному подоходному налогам. Для внедрения энергосберегающих технологий и импорта соответствующего оборудования применяются тарифные льготы [6].

Правительство Кыргызстана проводит политику поддержки развития возобновляемой энергетики. Согласно объявленному национальному плану, к 2030 г. совокупные мощности по производству электроэнергии должны быть увеличены до 29.3 ГВт. В Законе № 49 от 30 июля 2022 г. “О возобновляемых источниках энергии Кыргызской Республики” подчеркивается важность использования потенциала возобновляемой энергетики и привлечения инвестиций в эту сферу. Предусматривается снижение налогов для производителей возобновляемой энергии, поощрение строительства независимых систем возобновляемой энергетики для обеспечения местного производства и потребностей местных жителей [ист. 6].

В Туркменистане утверждена Государственная программа по энергосбережению на 2018–2024 гг., в которой в качестве приоритета определена диверсификация энергоснабжения. В 2020 г. указом Президента была утверждена “Национальная стратегия развития возобновляемой энергетики в Туркменистане до 2030 года”. В Законе № 337-VI от 31 марта 2021 г. “О возобновляемых источниках энергии” отмечается, что целью Туркменистана является улучшение структуры энергетики, охрана окружающей среды и достижение устойчивого экономического развития за счет использования возобновляемых источников энергии. Страна намерена активно участвовать в международном сотрудничестве в области возобновляемой энергетики, сделав информацию об имеющихся в ней возобновляемых источниках энергии общедоступной [ист. 7].

В январе 2010 г. в Таджикистане был издан Закон № 587 “Об использовании возобновляемых источников энергии”. Он предусматривает субсидирование тарифов на электроэнергию, произведенную из возобновляемых источников, упрощение процедур одобрения проектов использования возобновляемых источников энергии, стимулирование инвестиций в объекты возобновляемой энергетики и внедрение там наиболее современных технологий [ист. 8]. В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (2016 г.) запланированы также реформы в гидроэнергетическом секторе, включая строительство новых ГЭС и повышение их эффективности [ист. 9].

СОТРУДНИЧЕСТВО С КИТАЕМ

В рамках Инициативы “Один пояс, один путь” Китай активно развивает связи с Африкой,

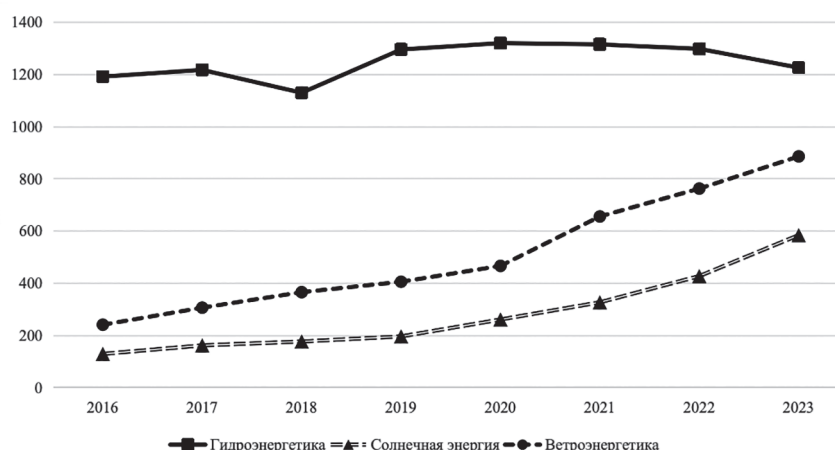

Рисунок. Динамика использования возобновляемых источников энергии в Китае, 2016–2023 гг., ТВт·ч

Источник: [ист. 1].

Юго-Восточной Азией, Латинской Америкой и Центральной Азией. Основными направлениями сотрудничества являются энергетика, транспорт, химическая промышленность и инфраструктура. Такие крупномасштабные проекты, как газопровод “Сила Сибири” между Россией и Китаем, нефтегазопровод “Мьянма–Китай”, нефтепровод “Казахстан–Китай” и система газопроводов “Центральная Азия – Китай”, демонстрируют успехи энергетического сотрудничества между КНР и участниками Инициативы “Один пояс, один путь” [8].

В области возобновляемых источников энергии Китай обладает зрелыми технологиями и передовым опытом. В 2023 г. производство солнечной энергии составило 584.2 ТВт·ч, ветровой энергии – 885.9 ТВт·ч, гидроэнергии – 1226 ТВт·ч, что обеспечило стране первое место в мире по объему выработки возобновляемой энергии (рисунок). Успехи Пекина в области возобновляемой энергетики вызывают интерес других стран к сотрудничеству с ним [9].

Придавая все большее значение возобновляемой энергетике, страны ЦА делают упор на развитие международного сотрудничества в этой области. В последние годы растет взаимодействие между Китаем и Центральной Азией, главным образом в рамках Инициативы “Один пояс, один путь”. Оно охватывает широкий спектр областей, прежде всего таких как гидро-, ветро- и гелиоэнергетика. Масштаб проектов и объем инвестиций растут с каждым годом.

С 2013 г. китайские компании завершили строительство шести электростанций на воз-

обновляемых источниках энергии и другие проекты в Казахстане в рамках Инициативы “Один пояс, один путь”, таких как солнечные и ветровые электростанции общей мощностью 460 МВт. Пример одного из наиболее успешных проектов – Тургусунская ГЭС в Восточно-Казахстанской области, инвестиции в проект составили 50 млн долл. Ее запуск позволит решить проблему дефицита электроэнергии в данном регионе страны и сократить выбросы CO_2 в атмосферу на 680 т в год. Китайский Банк развития предоставляет кредит в размере 200 млн долл. на строительство Мойнакской ГЭС мощностью 300 МВт. Китайско-казахстанское сотрудничество в области ветроэнергетических проектов предусматривает ВЭС “Жанатас” в Жамбылской области, а также ВЭС в так называемом Шелекском коридоре¹.

Что касается Узбекистана, правительство КНР выделило в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” грант в размере 28 млн долл. на строительство Чарвакской ветроэлектростанции (20 МВт) в Ташкентской области. Китайская компания *Universal Energy* планирует построить две ветроэлектростанции общей мощностью 500 МВт в Самаркандской и Джизакской областях. Общий объем инвестиций в эти проекты составит около 250 млн долл. [10].

Как отмечалось выше, ситуация в энергосистемах стран ЦА характеризуется устареванием инфраструктуры, высоким энергопотреблени-

¹ Уникальная местность в Алматинской области, отличающаяся постоянством и высокой плотностью дующих здесь ветров.

ем, относительной дешевизной традиционных энергоресурсов. Для реального развития проектов в области возобновляемой энергетики в ЦА недостаточно политической поддержки, прежде всего требуются значительные инвестиции. Чтобы привлечь существенные иностранные инвестиции в эту сферу, правительствам стран Центральной Азии крайне важно разрешить существующие межгосударственные споры, касающиеся использования природных ресурсов региона, прежде всего водных [11].

Эпохальная задача достижения углеродной нейтральности, будучи общей для всех стран мира, предоставляет странам ЦА новые возможности для поиска и нахождения компромиссов в этой сфере, стимулирует расширение торгово-экономических отношений. Развитие возобновляемой энергетики и движение в сторону построения низкоуглеродной экономики будут подталкивать страны ЦА к снижению доли ископаемого топлива в структуре энергобалансов, а также к обеспечению большей энергетической связности в рамках региона [12].

Энергетическое сотрудничество между КНР и странами ЦА в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” сулит его участникам значительные выгоды не только технологического и экономического, но и геополитического характера. Оно открывает перед странами региона широкие возможности для перехода на траекторию устойчивого развития. Правда, пока оно все еще в основном сосредоточено на ископаемых источниках энергии, а взаимодействие в области возобновляемых источников энергии сталкивается со многими проблемами. В их числе — чрезмерная зависимость экономики крупных стран ЦА от нефтегазовой отрасли, коррупция в правительстве, дефицит финансов, а также последствия глобального экономического спада и геополитической турбулентности.

Учитывая сохраняющуюся зависимость основных экономик стран региона от нефтегазовой отрасли, энергетическое сотрудничество в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” требует активной и целенаправленной политики, адаптированной к ситуации в ЦА. Правительствам стран Центральной Азии предстоит вывести на качественно новый уровень международное сотрудничество в области строительства комплексной энергетической инфраструктуры и практического внедрения различных технологических инноваций, отвечающих требованиям энергопе-

рехода. Вместе с тем придется сохранять многие проекты по добыче ископаемых ресурсов, чтобы обеспечивать финансово-экономическую стабильность.

Постепенная интеграция Инициативы “Один пояс, один путь” в планы экономического развития стран ЦА обеспечивает им финансовую поддержку в таких важнейших областях, как строительство энергетической инфраструктуры и развитие возобновляемой энергетики. Важно, что к реализации соответствующих проектов подключаются международные инвестиционные институты. Например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (*АИИВ*) расширяет поддержку проектов в области возобновляемых источников энергии в Казахстане, в частности строительства крупной ветроэлектростанции “Жанатас”, которая была введена в строй в 2021 г. В 2023 г. *АИИВ* объявил о предоставлении кредита в размере 36 млн долл. на проработку проекта Шокпарской ВЭС мощностью 10 МВт. Китайский “Фонд Шелкового пути” заявил о возможности поддержки казахстанских проектов с участием китайских компаний, в том числе в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” [13, 14].

Проекты в области возобновляемой энергетики, как правило, масштабны, трудоемки и технически сложны, что делает необходимым создание механизма оценки инвестиционных рисков. Предстоит значительная работа по оценке реальной ситуации и разработке программ управления рисками для стран ЦА, предусматривающих оптимальное размещение соответствующих проектов с учетом текущей экономической ситуации, проблем внешней задолженности, уровня коррупции, охраны окружающей среды и правовой политики, а также других факторов. Создание базовых институциональных условий для взаимодействия будет способствовать не только решению извечной проблемы нехватки финансовых средств у правительств стран ЦА, но и, главное, откроет путь для долгосрочного сотрудничества с КНР в области возобновляемой энергетики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Сотрудничество между Китаем и странами ЦА в области возобновляемой энергетики в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” имеет хорошие перспективы. По мере того как в мире происходит энергетический переход, фо-

кус международных инвестиций в возобновляемую энергетику постепенно перемещается на рынки развивающихся стран. Китай является самой быстрорастущей страной в мире в области соответствующих технологий и становится основным инвестором в возобновляемую энергетику ЦА.

Реализация проектов в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” может стать немаловажным способом повышения устойчивости хозяйственного развития всех ее участников. У государств ЦА, обладающих богатым потенциалом

в области возобновляемой энергетики, появляется возможность получить столь необходимое им финансирование для ее ускоренного развития и в конечном счете существенного улучшения национальной энергетической инфраструктуры. Для Китая сотрудничество с ЦА в области возобновляемой энергетики привлекательно в плане продвижения и практической реализации идей “зеленой” экономики, а также дальнейшего закрепления Центрально-Азиатского региона в орбите своего геополитического и геоэкономического влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pang G., Wang S., Wang Y. Energy Transition and Renewable Energy Investment Cooperation in Central Asia. *International Petroleum Economics*, 2022, vol. 30, no. 2, pp. 76-83.
2. Duan F., Ji Q., Liu B., Fan Y. Energy Investment Risk Assessment for Nations along China's Belt & Road Initiative. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 170, pp. 535-547. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.09.152>
3. Laldjebaev M., Isaev R., Saukhimov A. Renewable Energy in Central Asia: An Overview of Potentials, Deployment, Outlook, and Barriers. *Energy Reports*, 2021, vol. 7, pp. 3125-3136. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.egy.2021.05.014>
4. Eshchanov B., Abylkasymova A. Solar Power Potential of the Central Asian Countries. *Central Asia Regional Data Review*, 2019, no. 18, pp. 1-7. Available at: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.33174.60480>
5. Eshchanov B., Abylkasymova A. Wind Power Potential of the Central Asian Countries. *Central Asia Regional Data Review*, 2019, no. 17, pp. 1-7. Available at: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.10315.64808>
6. Ye X., Qiao J. Current Situation of Renewable Energy in Uzbekistan and Suggestions on China-Uzbekistan Cooperation. *Arid Land Geography*, 2022, vol. 45, no. 4, pp. 1313-1319. Available at: <https://doi.org/10.12118/j.issn.1000-6060.2021.498>
7. Zou Y. Legislation and International Cooperation of Kazakhstan under Renewable Energy Strategy. *Journal of North China Electric Power University*, 2022, vol. 1, pp. 35-42.
8. Gelvig S. China-Kazakhstan Economic Cooperation and One Belt One Road Construction. *RS Global Science Review*, 2020, vol. 3, no. 30, pp. 42-49. Available at: https://doi.org/10.31435/rsglobal_sr/31032020/6998
9. Liu H., Wang Y., Jiang J. How Green Is the “Belt and Road Initiative”? Evidence from Chinese OFDI in the Energy Sector. *Energy Policy*, 2020, vol. 145, pp. 1-12. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111709>
10. Geng Q. The Belt and Road Initiative and Its Implications for Global Renewable Energy Development. *Current Sustainable Renewable Energy Reports*, 2021, vol. 8, pp. 40-49. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40518-020-00172-2>
11. Hashemizadeh A., Ju Y., Bamakan M., Le H. Renewable Energy Investment Risk Assessment in Belt and Road Initiative Countries under Uncertainty Conditions. *Energy*, 2021, vol. 214, pp. 1-18. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.118923>
12. Karatayev M., Clarke M.L. A Review of Current Energy Systems and Green Energy Potential in Kazakhstan. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2016, vol. 55, pp. 491-504. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2015.10.078>
13. Zhao Y., Liu X., Wang S., Ge Y. Energy Relations between China and the Countries along the Belt and Road: An Analysis of the Distribution of Energy Resources and Interdependence Relationships. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2019, vol. 107, pp. 133-144. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2019.03.007>
14. Zhou Y. Greener Pastures: China's Clean Energy Engagement in Central Asia. *Policy Memo*, 2023, pp. 1-11.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Statistical Review of World Energy 2024*. London, Energy Institute, 2024. 76 p.
2. *World Small Hydropower Development Report 2022*. Vienna, United Nations Industrial Development Organization, 2022. Available at: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2023-08/CENTRAL%20Asia-2022.pdf>
3. *Закон Республики Казахстан. О поддержке использования возобновляемых источников энергии*. Астана, Министерство энергетики Республики Казахстан, 2018.

- The Law of the Republic of Kazakhstan. "On supporting the Use of Renewable Energy Sources".* Astana, Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan, 2018. (In Russ.) Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/documents/details/18314?lang=ru&ysclid=lxwconfjta421027888> (accessed 20.11.2024).
4. *Указ Президента Республики Узбекистан от 01.03.2013 № УП-4512 "О мерах по дальнейшему развитию альтернативных источников энергии"*. Ташкент, 2013.
Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated 01.03.2013 No. UP-4512 "On Measures for the Further Development of Alternative Energy Sources". Tashkent, 2013. (In Russ.) Available at: <https://lex.uz/docs/2138641> (accessed 20.11.2024).
 5. *Указ Президента Республики Узбекистан от 05.05.2015 № ПП-2343 "О Программе мер по сокращению энергоемкости, внедрению энергосберегающих технологий в отраслях экономики и социальной сфере на 2015–2019 годы"*.
Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated 05.05.2015 No. PP-2343 "On the Program of Measures to Reduce Energy Intensity, Introduce Energy-Saving Technologies in Economic Sectors and Social Sphere for 2015–2019". (In Russ.) Available at: https://nrm.uz/contentf?doc=405246_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lxctywhkhf870349340 (accessed 20.11.2024).
 6. *Кыргызская Республика. Закон о возобновляемых источниках энергии от 30.06.2022 № 49.*
The Kyrgyz Republic. The Law of the Kyrgyz Republic dated 30.06.2022 No. 49 "On Renewable Energy Sources". (In Russ.) Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/112382/edition/1279296/ru?ysclid=lwyf48zany212877612> (accessed 20.11.2024).
 7. *Закон о возобновляемых источниках энергии от 25.11.2023.* Меджлис Туркменистана.
The Law of Turkmenistan about Renewable Energy Sources dated 25.11.2023. The Majlis of Turkmenistan. (In Russ.) Available at: <https://mejlis.gov.tm/single-law/353?lang=ru> (accessed 20.11.2024).
 8. *Закон Республики Таджикистан об использовании возобновляемых источников энергии № 587, 2010.*
The Law of the Republic of Tajikistan on the Use of Renewable Energy Sources No. 587, 2010. (In Russ.) Available at: https://namsb.tj/wp-content/uploads/2014/07/law_zakon_obistochnik_energy.pdf (accessed 20.11.2024).
 9. *Республика Таджикистан. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.* Душанбе, 2016.
The Republic of Tajikistan. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period until 2030. Dushanbe, 2016. (In Russ.) Available at: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (accessed 20.11.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-85-96

EDN: YKMQBS

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС КАК НЕОКОЛОНИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

© 2025 г. Н.В. Литвак, Н.Б. Помозова

ЛИТВАК Николай Витальевич, доктор социологических наук,
ORCID 0000-0003-1621-0005, koloc1918@mail.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

ПОМОЗОВА Наталья Борисовна, доктор социологических наук,
ORCID 0000-0002-9981-0593, npomozova@mail.ru
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, РФ, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17.

Статья поступила 16.01.2023. После доработки 01.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Содержание внешнеполитических документов США дает основания для заключения о неокOLONIALISTском характере их политики в отношении Тайваня, в рамках которой он выполняет функции геополитического сателлита и важного источника стратегических товаров для неометрополии. Эта политика исторически отличалась рационалистичным и ситуативным характером, неизменно основывалась на определенном понимании национальных интересов Соединенных Штатов, но далеко не всегда учитывала ожидания тайваньского режима. Данное обстоятельство, а также положение, сложившееся на Украине, получающей помощь от США, могут стать серьезными отрезвляющими и сдерживающими факторами для той части общества и элиты Тайваня, которая разделяет идею независимости острова, что дает надежду на перспективу его мирного воссоединения с Китаем.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, тайваньский вопрос, неокOLONIALISM.

THE TAIWAN QUESTION AS A NEOCOLONIAL PROBLEM

Nikolay V. LITVAK,
ORCID 0000-0003-1621-0005, koloc1918@mail.ru
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Natalia B. POMOZOVA,
ORCID 0000-0002-9981-0593, npomozova@mail.ru
Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University "Higher School of Economics", 17, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

Received 16.01.2023. Revised 01.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. The aggravation of the situation around the unrecognized state in Taiwan is interpreted by Western experts and politicians mainly in a simplified way: the United States is defending the island democracy from mainland authoritarian China. Their forecast boils down to determining the beginning of a supposedly inevitable military clash with one or another set of participants. Despite the fact that Western experts often characterize Chinese policy (in particular, economic policy) as neocolonial, the content of a number of US foreign policy documents gives grounds to conclude that their policy towards Taiwan is neo-colonialist, within the framework of which it serves as a geopolitical satellite and an important source of strategic goods for the neo-metropolis. Washington is seeking to build a stable system of political and economic relations, using not only direct pressure, but also privileges provided to partners that ensure both the military-political dominance of the United States and the uninterrupted supply of strategically important goods. In this context Taiwan can be described as one of the strongholds of US neocolonial policy. This policy has historically been rationalistic and situational in nature, invariably based on a certain understanding of the national interests of the United States, but does not always take into account the expectations of the Taiwanese regime. The results of the 2022 municipal elections, and then the 2024 presidential elections, demonstrated a split in Taiwanese society, which may have resulted in some way from contemplation of the consequences of a potential military conflict with the mainland. This circumstance, as well as the situation in Ukraine, which receives assistance from the United States, can become serious sobering and restraining factors for that part of society and the elite of Taiwan that shares the idea of independence of the island, which gives hope for the prospect of its peaceful reunification with China.

Keywords: Taiwan, China, USA, Taiwan question, neocolonialism.

About authors:

Nikolay V. LITVAK, Dr. Sci. (Sociol.), Professor.
Natalia B. POMOZOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher.

ВВЕДЕНИЕ

Поездка спикера палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань 2–3 августа 2022 г. стала кульминацией нового обострения проблемы этой территории. Оно стало результатом развития внутривосточной ситуации на острове, а также существенного изменения американской политики после избрания президентом Д. Трампа в 2016 г. Под его руководством был взят курс на экономическое и политическое противостояние с КНР, в котором Тайвань использовался как один из факторов давления на Пекин, прежде всего с целью добиться уступок в торговой войне [1, pp. 100–107]. В рамках того же курса был принят Закон о взаимных визитах тайваньских и американских чиновников всех уровней 2018 г. [ист. 1], ускоривший и резко расширивший двустороннее военно-техническое сотрудничество, кульминацией которого и стала поездка третьего по рангу официального должностного лица США. Все это привело к росту военной активности ВВС и ВМС КНР в Тайваньском проливе. Накануне визита Н. Пелоси вооруженные силы КНР объявили о проведении учений с боевыми стрельбами в шести зонах акватории острова по его периметру; в примыкающую к акватории Тайваня зону Филиппинского моря к началу визита были стянуты силы 5-й авианосной ударной группы американского флота. В рамках азиатского турне, уже побывав в Сингапуре и Малайзии и перед посещением Республики Корея и Японии, спикер сделала 20-часовую остановку на Тайване. На встречах с руководителями острова она объявила целью поездки поддержку “динамично развивающейся тайваньской демократии” [ист. 2]. Визит ожидаемо оказался резонансным, и на несколько дней внимание американского общественного мнения переключилось на обсуждение возможности прямого военного столкновения Пекина и Вашингтона. Тем не менее, на наш взгляд, основным мотивом этой акции было все же косвенное предостережение Китая от использования сценария, подобного российской специальной операции на Украине. С одной стороны, об этом, в частности, прямо заявил координатор по делам регионов Индийского и Тихого океанов в Совете национальной безопасности К. Кэмпбелл: “Мы считаем крайне важным, чтобы другие страны публично и в частном порядке подчеркивали, что то, что произошло на Украине, никогда не должно произойти в Азии” (цит. по:

[ист. 3]). С другой стороны, выждав некоторое время и убедившись, что КНР заняла позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Москве в контексте российско-украинского конфликта, США уже с апреля начали обсуждение планов этой поездки, наблюдая за динамикой китайской реакции и отложив визит до августа под предлогом болезни Пелоси.

Возникшая после американской дипломатической демонстрации ситуация вокруг Тайваня привела к значительному возрастанию военной активности КНР, США и Тайваня, а также ужесточению соответствующей политической риторики (см. [2, сс. 192–200]). Еще одним шагом в эскалации стал принятый американцами Закон о политике в отношении Тайваня (*Taiwan Policy Act of 2022*) [ист. 4], предусматривающий многомиллиардную военно-техническую помощь острову и другие направления сотрудничества.

Несмотря на возникновение подобных упомянутому визиту конъюнктурных поводов и наличие указанных выше тенденций, способствующих эскалации в Тайваньском проливе, ситуация в целом определяется иными факторами средне- и долгосрочного характера, которые рассматриваются ниже.

ГЛОБАЛЬНЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Высокая заинтересованность США в удержании Тайваня вне китайской юрисдикции имеет причины, которые не только не являются секретом, а напротив, всячески подчеркиваются, в том числе на самом высоком официальном уровне. В первую очередь речь идет о национальных интересах США, четкой артикуляцией которых американский истеблишмент озаботился после окончания холодной войны и последовавшего за этим радикального изменения ситуации в мире. Симптоматично, что такой авторитетный эксперт, как Дж. Най, считает, что политическая необходимость определения американских национальных интересов была порождена кризисом вокруг Косово [3, pp. 22–35], то есть в той или иной степени связана с масштабной, затрагивающей подавляющее большинство стран и народов мира проблемой самоопределения, сама возможность которого чревата в том числе сепаратизмом.

Как бы то ни было, специальная двухпартийная комиссия с участием сенаторов и ведущих

экспертов из Массачусетского технологического института, Гарвардского и Стенфордского университетов, *RAND*¹ и других вузов и исследовательских организаций в 1996 г. подготовила первый доклад, который, как и последовавшие за ним, использовался для разработки внешнеполитических планов США. В этом докладе Комиссия установила иерархию интересов государства и определила, что жизненно важные национальные интересы — это условия, которые строго необходимы для защиты и повышения благосостояния американцев в свободной и безопасной стране [4]. Было сформулировано пять таких условий и, соответственно, направлений деятельности: предотвращать, сдерживать и уменьшать угрозу ядерного, биологического и химического нападения на Соединенные Штаты; предотвращать появление враждебной державы (гегемона) в Европе или Азии; предотвращать появление враждебной державы на границах США или контролирующей моря; предотвращать катастрофический коллапс основных глобальных систем (торговли, финансовых рынков, поставок энергии и окружающей среды); обеспечивать выживание союзников США. На этой основе для следующего президента США было определено пять основных задач: справиться с ситуацией, складывающейся вследствие выхода Китая на мировую арену; предотвратить потерю контроля над ядерным оружием и материалами, пригодными для использования в ядерном оружии, и сдерживать распространение биологического и химического оружия; поддерживать прочные стратегические партнерские отношения с Японией и европейскими союзниками; избежать сползания России в гражданскую войну или возврата к авторитаризму; сохранить единоличное лидерство США, военный потенциал и международный авторитет [4].

В редакции 2000 г. эти пять жизненно важных национальных интересов США были определены следующим образом: предотвращение, сдерживание и снижение угрозы ядерного, биологического и химического нападения на Соединенные Штаты или их вооруженные силы за рубежом; обеспечение выживания союзников США и их активное сотрудничество с США в формировании международной системы, “в которой мы можем процветать”; предотвращение появления враждебных крупных держав или несостоявших-

ся государств на границах США; обеспечение жизнеспособности и стабильности основных глобальных систем (торговли, финансовых рынков, поставок энергии и окружающей среды); установление продуктивных отношений, соответствующих американским национальным интересам, со странами, которые могут стать стратегическими противниками, Китаем и Россией [5]. Также был усилен акцент на “практическое” понимание реализации этих жизненно важных интересов “путем продвижения исключительного лидерства США, военного и разведывательного потенциала, авторитета (включая репутацию приверженцев четких обязательств США и беспристрастности в отношениях с другими государствами) и укрепления важнейших международных институтов, в частности системы альянсов США по всему миру” [5].

Новейшая (2022 г.) версия Стратегии национальной безопасности США все так же объявляет основной задачей превосходство над стратегическими конкурентами, стимулирование коллективных действий по решению глобальных проблем и формирование правил поведения в области технологий, кибербезопасности, торговли и экономики. Согласно документу, такой подход охватывает все элементы национальной мощи — дипломатию, сотрудничество в целях развития, промышленную стратегию, управление экономикой, разведку и оборону — и строится на нескольких ключевых столпах [ист. 5]. Главным из них является активная и всеобъемлющая государственная политика, которая предусматривает необходимость формировать международный порядок в соответствии с национальными интересами и ценностями. Подчеркивается необходимость дополнить инновационную мощь частного сектора современной промышленной стратегией, которая делает стратегические государственные инвестиции в рабочую силу США, а также в стратегические секторы и цепочки поставок, особенно в критические и новые технологии, такие как микроэлектроника, передовые вычисления, биотехнологии, технологии экологически чистой энергии и передовые телекоммуникации [ист. 5].

Таким образом, во-первых, официально главной целью объявлено доминирование, причем прежде всего военное. Во-вторых, это военное доминирование не только связано с экономическим, обеспечивает, страхует его в случае коммерческого или технологического проигры-

¹ Организация признана Минюстом РФ нежелательной в России.

ша в конкуренции, но и составляет с ним симбиоз. Речь в том числе идет и о прямом вкладе военного сектора в благосостояние американцев. Но выгоды от такого комплексного доминирования не сводятся только к прямому коммерческому профиту. Они проистекают из возможности выстроить достаточно устойчивую систему политических и экономических отношений, опирающихся не только на прямое давление, но и на сеть опорных пунктов, представленную привилегированными партнерами — государствами и территориями, которые обеспечивают как военно-политическое доминирование Соединенных Штатов, так и бесперебойные поставки им стратегически важных сырьевых и промышленных товаров. Хотя в случае со странами Персидского залива имеются в виду прежде всего нефть, с Западной Европой — высокотехнологичные потребительские товары и оборудование, а с Тайванем — микросхемы², в целом американцы действуют одинаково — продают своим стратегическим союзникам оружие на десятки миллиардов долларов под предлогом противодействия военным угрозам.

Методологически стремление к военно-экономическому доминированию восходит к пессимистическому (как его определяет Ж.-Л. Самаан [6, pp. 103-122]) течению реалистического направления теории международных отношений. По поводу американско-китайского противостояния его сторонники полагают, что динамика международных отношений представляет собой игру с нулевой суммой. И поскольку любое изменение баланса сил порождает конфликты, усиление Китая неминуемо ведет к ослаблению США и, как следствие, к столкновению между двумя державами [6, pp. 115-120]. Дж. Миршаймер пытается доказать, что наиболее сильные государства стремятся и к региональному доминированию и это якобы неизбежно будет определять политику Китая в отношении не только США, но и стран Азии [7; 8, pp. 46-51]. Концептуально такой подход оформился в различных версиях стратегии контроля за “цепями островов” вдоль побережья материкового Китая, контролируемых США и их союзниками с целью сдерживания “гегемонистских устремлений” Пекина. На сегодняшний день таких “цепей” насчитывают уже три. Тайвань неизменно рас-

сматривается как ключевое звено первой, самой ближней к КНР “цепи”, состав которой определил еще Дж.Ф. Даллес в 1951 г. [9].

В то же время диапазон практической реализации этих подходов и концепций менялся — от использования ВМС США (в 1954 и 1958 гг.) в Тайваньском проливе для недопущения силового воссоединения острова с КНР (в соответствии с американско-китайским Договором о взаимной обороне от 2 декабря 1954 г.) и запрета каботажного судоходства между северным и южным Китаем через пролив (до 1968 г.) до поставок Тайваню самого современного оружия. Ожидаемым и вполне прагматичным актом в русле концепции “цепи островов” стало признание с 1954 г. Китайской Республики (КР) единственным законным представителем китайского народа. Однако в 1979 г. США поступили ровно наоборот, признав таким представителем Китайскую Народную Республику, — и вновь из самых прагматических соображений, не слишком считаясь с мнением властей острова. И при этом не преминули закрепить свой контроль над ним, предусмотрев возможность поставок ему оружия Законом об отношениях с Тайванем (*Taiwan Relations Act*) от 10 апреля 1979 г. [ист. 6]. Данной возможностью Соединенные Штаты все шире пользовались со второй половины 1990-х годов по мере усиления КНР.

Все это в совокупности позволяет поставить вопрос об определении нынешней американской политики как неокOLONиальной. Несмотря на то что вклад в деколонизацию вносил не только СССР, но и на определенном этапе Соединенные Штаты, данный процесс, не в последнюю очередь усилиями последних, до сих пор не завершен. Согласно Перечню самоуправляющихся³ территорий ООН, где по количеству и географии подконтрольных земель уверенно лидирует Великобритания, у США в Тихоокеанском регионе остаются шесть таких островных территорий (разумеется, с местным населением) [ист. 7]. Вместе с многочисленными другими владениями и арендованными районами на чужих территориях они составляют систему новых “опорных пунктов колониализма” — “рассеянных по всему миру военных баз, в частности, удаленных и контролирующих мировые транспортные пути, пункты логистики,

² Прекращение поставок чипов тайваньского производства может привести к сокращению ВВП США на 5–10%. См.: США и Тайвань: партнерство в цепочке поставок полупроводников. *The Diplomat*, 07.08.2023.

³ *Non-self-governing territories* — термин, которым ООН удалось заменить оборот “колонии и протектораты” (*colonies and protectorates*).

обеспечения, радиоперехвата и сопровождения и т. п.” — “главный геостратегический козырь”, который находится в руках прежде всего США [10, pp. 5-17].

КИТАЙСКИЕ “БЕЛЫЕ КНИГИ”

В сравнительном анализе ориентированного на международную аудиторию дискурса США и Китая [11, pp. 43-63] мы уже описывали принципиальные различия внешнеполитических концепций двух держав, которые можно свести к формуле “гегемония vs сотрудничество”. В отношении непосредственно “тайваньского вопроса” важным источником для исследования являются соответствующие “белые книги”, изданные в КНР. Согласно Белой книге “Мирное развитие Китая 2011”, “коренные интересы” страны включают: 1) государственный суверенитет; 2) обеспечение национальной безопасности; 3) обеспечение территориальной целостности; 4) национальное воссоединение; 5) поддержание установленного Конституцией политического строя и общей социальной стабильности; 6) основные гарантии обеспечения устойчивого экономического и социального развития [ист. 8]. Таким образом, “тайваньский вопрос” не только непосредственно затрагивает “коренные интересы” китайского государства, но и представляет собой один из главных вызовов для руководства страны. Си Цзиньпин неоднократно заявлял, что мирное воссоединение с Тайванем должно произойти не позже 2049 г., к 100-летию со дня основания Китайской Народной Республики. А по результатам XX съезда Компартии Китая в Уставе КПК было закреплено намерение «решительно пресекать и сдерживать сепаратистские силы, выступающие за так называемую “независимость Тайваня”» [ист. 9].

Из датировки “белых книг”, выпущенных в КНР Управлением по делам Тайваня и Информационным бюро Госсовета в 1993, 2000 и 2022 гг., следует, что они всякий раз представляли собой реакцию на очередное изменение международной ситуации вокруг острова и прежде всего американской позиции. Первая Белая книга “Тайваньский вопрос и воссоединение Китая” вышла на фоне изменений в политике США, осуществленных администрацией Б. Клинтона, пришедшей к власти в США в начале 1993 г. В ней содержится отсылка к Декларации о принципах международного права [ист. 10], касающихся отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в котором говорится о том, что ООН и ее члены воздерживаются от любых действий против территориальной целостности или политической независимости любого из ее членов или любого государства и не вмешиваются в дела, которые, по существу, относятся к внутренней юрисдикции любого государства. В описании китайского видения истории возникновения тайваньской проблемы США в Белой книге 1993 г. упоминаются 49 раз; хотя при этом и подчеркивается прямая связь Соединенных Штатов с историческими событиями отделения Тайваня от материковой части Китая, за которую они несут ответственность, прямые обвинения в адрес Вашингтона в намеренных действиях по препятствованию “мирному воссоединению” отсутствуют. В документе слова “мир” и “мирный” употребляются 33 раза, 16 из них — в словосочетании “мирное воссоединение”⁴ [ист. 11].

Вторая Белая книга “Принцип одного Китая и тайваньский вопрос”, вышедшая в свет в феврале 2000 г. накануне президентских выборов на острове, повторяла структуру предыдущего документа, но ее содержание было дополнено осуждением сепаратизма (“сепаратистские силы на Тайване стремятся нарушить принцип одного Китая”, «попытка тайваньских сепаратистов изменить статус Тайваня как части Китая путем референдума под предлогом того, что “суверенитет принадлежит народу”»). Однако эти силы в итоге и пришли к власти в результате победы кандидата от Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбяня в том же году. Еще одним важным отличием от предыдущего документа на фоне деклараций о приверженности “мирному воссоединению Китая” стало упоминание возможности “принять все решительные меры, включая применение силы” в трех случаях: если произойдет серьезный поворот, ведущий к отделению Тайваня от Китая (вероятно, имелся в виду референдум, последствиями которого станет изменение статус-кво), вторжение или оккупация острова иностранными силами и отказ тайваньских властей от мирного воссоединения с материком на неопределенный срок. США упоминаются в документе 30 раз, однако, в отличие от Белой книги 1993 г., сделано прямое заявление о неоднократных нарушениях их тор-

⁴ Здесь и далее приведены данные, полученные в результате подсчета, произведенного авторами статьи.

жественных обязательств перед Китаем, зафиксированных в коммюнике от 17 августа (1982 г.), и продолжении продажи Тайваню современного вооружения и военной техники [ист. 12].

Третья Белая книга “Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эру”, первая в XXI в. и в период легислатуры Си Цзиньпина, вышла 10 августа 2022 г. после визита Н. Пелоси на Тайвань. Слова “мир” и “мирный” употребляются в ней значительно чаще (60 раз), как и формула “одна страна — две системы” (21 раз против 7 в двух более ранних документах). При этом подчеркивается, что Китай, став второй экономикой мира, при значительном росте своей политической, экономической, культурной, технологической и военной мощи, не позволит Тайваню снова отделиться. Сохраняется приверженность мирному пути воссоединения, но, как и во второй книге, не исключается силовой метод решения вопроса в качестве крайней меры. В Белой книге подчеркивается готовность ответить применением силы или других необходимых средств на вмешательство внешних сил или радикальные действия сепаратистских элементов. США упоминаются в новой Белой книге реже, 16 раз, но как внешняя сила, препятствующая полному воссоединению Китая. При этом во втором разделе документа подчеркивается необходимость “иметь мужество и умение бороться против любой силы, которая пытается подорвать суверенитет и территориальную целостность Китая или стоит на пути его воссоединения” [ист. 13]. В этой Белой книге впервые пять раз фигурирует Демократическая прогрессивная партия Тайваня, которая, согласно документу, заняла сепаратистскую позицию и вступила в сговор с внешними силами в последовательных провокационных действиях, направленных на раскол страны. Также отмечены основные современные внешнеполитические концепции (“мирное развитие” — 8 раз, “возрождение китайской нации” — 12, “новая эра” — 6, “сообщество единой судьбы” и Инициатива “Один пояс, один путь” — по 1 разу). Появляется упоминание о “теории национального объединения”, дополненной Компартией Китая под руководством Си Цзиньпина после XVIII съезда КПК в 2012 г. [ист. 13]. В контексте неокOLONиального аспекта проблемы показательно, что в этой книге упоминания колониального и полукOLONиального прошлого Китая нарративно идут в связке с терминами “оккупация”, “агрессия западных держав” и т. п., которым противопоставляются

“национальное воссоединение”, “освобождение всего народа, в том числе тайваньских соотечественников”, и проч.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИЛИ ВОССОЕДИНЕНИЕ?

В последние годы стала заметна консолидация западного дискурса о якобы отсутствии правовых и/или исторических аргументов, которые могли бы легитимизировать курс КНР на воссоединение с Тайванем. За американскими заявлениями о “железной” поддержке демократии скрывается ряд псевдоисторических и идеологических конструкций, воздвигнутых политиками и политологами с целью не допустить практического осуществления данной задачи. Центральным аргументом этой западной казуистики является тезис о том, что Тайвань будто бы никогда не являлся частью Китая, даже и не контролировался им и что КНР безосновательно претендует на присоединение его к себе. И если это объяснимо в случае с пропагандистами с канала *CNN* [ист. 14], то выглядит весьма странно в текстах аналитиков и экспертов.

Среди характерных примеров — мнение бывшего голландского дипломата, ныне преподавателя и эксперта Ван дер Вееса о том, что с 1683 по 1895 г. Формоза только формально находилась под управлением властей провинции Фуцзянь, а «на самом деле там была дикая и открытая граница... Жители считали династию Цин колониальным режимом и никоим образом не считали себя “частью Китая”. Лишь в 1887 г. Тайвань был официально повышен до статуса “провинции Китая”, но это продолжалось всего восемь лет — неудобная правда для Пекина» [12]. Еще один, французский, политолог и китаист объявляет китайские доводы о единстве материка и острова “большой ложью”, объясняя, что Компартии в 1930-е годы не было дела до Тайваня. Правда, он упоминает и об историческом контексте ситуации, когда шла речь о выживании партии и ее первостепенной задаче — освобождении Китая от японской оккупации. Но именно в этом контексте только и следует понимать тиражируемое на Западе высказывание Мао Цзэдуна о возможности независимости не только Кореи, но и Тайваня, находившихся тогда под японским господством [13]. К тому же единичный факт проявления готовности к уступкам, обусловленный чрезвычайными обстоятельствами, никак не может опровергнуть законность требований

Китая о возвращении насильственно отторгнутой от него территории, на которой китайская администрация присутствовала по крайней мере с конца XVII до конца XIX в., а подавляющее большинство населения говорило на диалектах китайского языка. В современном духе культурного плюрализма французский эксперт трактует многообразие “тайваньских национализмов”: есть “китайский, тайваньский и аборигенный национализм. Все заявляют о своем праве быть нацией, как (другие) коренные народы, индейцы в США. В либеральном контексте с системой сдержек и противовесов, со свободными СМИ и интеллектуальной традицией этнический национализм остается умеренным” [13]. Здесь за культурной толерантностью плохо скрыта поддержка усилий тайваньских сепаратистов противопоставить идее “одного Китая” самобытность местного населения.

На этом противопоставлении строится проводимая властями современного Тайваня политика “декитаизации”. В ее рамках, в частности, прилагаются усилия по “восстановлению престижа” наиболее распространенных на острове диалектов китайского языка (прежде всего тайваньского *хоккиена* — местных форм группы южнофуцзяньских диалектов, на которых говорит около 70% населения), якобы подвергавшихся при Гоминьдане дискриминации и низведенных до статуса “низкой речи”⁵.

На самом деле и до Гоминьдана, в период японского колониального господства (1895—1945 гг.), диалекты китайского, в том числе преобладающий на острове *хоккиен*, не были “престижными”, этот статус был закреплен за японским — основным языком системы образования. В имперском Китае таким языком был литературный *вэньянь*, на котором можно было только писать, но не говорить — он объединял общим письменным наследием носителей разных диалектов, служивших локальными средствами бытовой коммуникации. Знание столичного диалекта по определению повышало шансы на карьере, но столицы в разные эпохи находились в разных районах. Лишь в начале XX в. в Китае были определены произносительные нормы разговорного языка *гоюй* (国语,

букв. “государственный язык”⁶) на базе пекинского диалекта. В республиканский период он стал языком официального образования по всей стране, и Тайваню, как и другим регионам, было суждено приобщиться к этой тенденции после изгнания японцев.

В настоящее время *гоюй* является акролектной (наиболее престижной) разновидностью языка на Тайване, и им владеют практически все жители острова. Используются и базилектные (бытовые) формы “государственного языка”, смешанные с диалектными. С начала 2000-х годов началось преподавание в школе тайваньских языков — как диалектов китайского, так и аборигенных. Эта практика развивалась в русле формировавшейся на Тайване концепции отдельной “тайваньской нации” [14, pp. 118-133]. Приверженцы данной идеи спекулируют на особенностях исторического развития острова, в том числе языковой среды, и полагают, что там складывалась самобытная “тайваньская нация”, кардинально отличающаяся от населения материкового Китая и культурой, и даже системой ценностей, в основе которой лежит демократия.

После проигрыша Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. его помощник по национальной безопасности Дж. Болтон выступил с целым рядом “напутствий” новой администрации — тогда считалось, что демократы настроены более мягко по отношению к Пекину, чем уходящие республиканцы. В частности, он заявил, что “Китай — самая серьезная международная угроза, с которой сейчас сталкивается Америка и глобальный Запад в целом” [15]. Самый важный шаг, к которому призывал Болтон, — это полное дипломатическое признание Тайваня, поскольку “по всем критериям обычного международного права (определенная территория и население, столица и правительство, выполняющее обычные правительственные функции) Тайвань является суверенным государством и вдобавок демократическим” [15]. В разгар эскалации, перед самым визитом Н. Пелоси, он вновь высказался за признание Вашингтоном Тайбэя, поскольку Тайвань якобы является независимой страной “по любому обычному международному праву и определению” и “процветающей демократией” (цит. по: [16]).

Риторика Дж. Болтона вполне укладывается в практику глобального неокOLONИализма,

⁵ См. об этой проблеме: 邓小冬. 台湾当局“去中国化”政策变迁研究. 台湾研究, 2020 年, 第4 期, 第47-56 页. Deng Xiaodong. A study of changes in the policy of the Taiwan authorities on “desinization”. *Taiwan studies*, 2020, no. 4, pp. 47-56. (In Chin.)

⁶ В КНР его современную форму называют *путунхуа* (普通话, “общераспространенный язык”).

который определяется А.А. Гореловым как “система неравноправных (экономических и политических) отношений, навязанная западными странами остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК”. Главной же особенностью, отличающей современный неокOLONиализм от собственно колониализма, является то, что “управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту неокOLONиий, но в интересах метрополии” [17, р. 60]. С этой целью американцы ведут соответствующую работу по подчинению себе местных элит. Такие страны становятся привилегированными форпостами американского неокOLONиального влияния и служат целям облегчения эксплуатации (необязательно экономической) непривилегированных государств.

Ф. Ардан отмечал, что неокOLONиальные отношения, то есть эксплуатация стран, получивших формальную независимость, может осуществляться не только их бывшими метрополиями, в связи с чем к числу государств-неокOLONизаторов причисляются и США [18, pp. 837-855]. Н. Хомский сформулировал американские системные внешнеполитические принципы, которые вполне соответствуют приведенным выше критериям неокOLONиалистской политики. Первый из них «заключается в том, что внешняя политика США направлена на создание и поддержание международного порядка, при котором американский бизнес может процветать, мира “открытых обществ”, то есть обществ, открытых для прибыльных инвестиций, расширения экспортных рынков и движения капитала, а также для эксплуатации материальных и человеческих ресурсов со стороны американских корпораций и их местных филиалов. “Открытые общества” в истинном значении этого термина — это общества, открытые для американского экономического проникновения и политического контроля. Желательно, чтобы эти “открытые общества” имели парламентские демократические формы, но это явно второстепенное обстоятельство» [19, р. 2].

При этом современный неокOLONиализм допускает опережающее развитие отдельных привилегированных стран и территорий, чтобы получить союзников, подкрепляющих позиции неокOLONизаторов в геополитически важных для них районах. И хотя Тайвань занимает высокие строчки в международных рейтингах социально-

экономического развития, особенности его отношений с Соединенными Штатами позволяют рассматривать проблему, сложившуюся вокруг этой территории, в контексте неокOLONиальной политики, проводимой США.

Но, несмотря на поощрение определенными кругами в Вашингтоне стремления части тайваньской политической элиты к провозглашению независимости, выборы в местные органы власти в конце ноября 2022 г. проиграла именно сепаратистски настроенная правящая Демократическая прогрессивная партия, и глава администрации Тайваня Цай Инвэнь покинула пост ее лидера. Правда, на президентских выборах 13 января 2024 г. высший пост на Тайване занял новый лидер ДПП Лай Циндэ. Однако при этом партия Гоминьдан, известная умеренной риторикой в отношении Китая и его политики, усилила свои позиции в парламенте и превзошла ДПП, получив там 52 депутатских места против 51. Кроме того, третья крупная политическая сила — Тайваньская народная партия, хотя и получила вследствие особенностей избирательной системы только восемь мест в парламенте, но собрала более 3 млн голосов (при 4.9 млн у ДПП и 4.7 млн у Гоминьдана). Таким образом, администрация ДПП вовсе не обладает мандатом на такие радикальные изменения, как провозглашение независимости (тем более что это требует проведения референдума). Такое положение дел может свидетельствовать о нежелании значительного числа жителей Тайваня обострять отношения с КНР.

Парадоксальным образом объяснения таких социальных настроений, как и предпосылки сохранения статус-кво, а возможно, и нежелательного для Вашингтона мирного сценария воссоединения материкового Китая и острова Тайвань, коренятся в “прагматичной” политике Соединенных Штатов.

УРОКИ РЕАЛИЗМА ДЛЯ ТАЙВАНЯ

Существенным фактором, оказывающим влияние на политический процесс на Тайване, представляются уже совершенные Вашингтоном практические действия, причем предпринятые в точном соответствии с официально объявленными намерениями и целями, а также его текущая политика.

Еще в ходе Второй мировой войны на Каирской конференции 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Чер-

чилль и Чан Кайши опубликовали совместное заявление, в котором шла речь в том числе о том, что “три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии... Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике” [ист. 15, с. 508].

Относительная слабость КНР фактически до конца XX в., удаленность Тайваня на 130 км от материка и его военная поддержка со стороны США не позволили Пекину разрешить конфликт силовыми методами, и проблема статуса острова перешла в хроническую фазу. Позиции Пекина и Тайбэя по поводу исторической судьбы и правового положения Тайваня по отношению к Китаю трудно сопоставить уже по той причине, что администрации, создаваемые на острове конкурирующими партиями, далеки от консолидированного мнения по данному вопросу. Если Гоминьдан сближает с Пекином “консенсус 1992 г.” – принятая этой партией (в то время правящей на Тайване) и властями КНР договоренность о признании принципа “одного Китая”, хотя и по-разному толкуемого сторонами⁷, то Демократическая прогрессивная партия, вынужденная действовать в рамках “конституции Китайской Республики”, принимавшейся еще при Гоминьдане, тем не менее в противоположность ему отвергает “консенсус”, не принимает перспективу воссоединения ни в какой версии, лелеет планы достижения независимости Тайваня в будущем и делает упор в политической риторике на легитимность статуса “свободных территорий” (то есть Тайваня и управляемых его администрацией островов) как отдельного государства, которое должно договариваться с КНР на равных.

Хотя по упоминавшемуся выше двустороннему договору 1954 г. США признавали в качестве единственного законного представителя китайского народа (то есть включая и население материковой части страны) Китайскую Республику, в результате смены внешнеполитических задач Вашингтон прагматично способствовал

замене в ООН Тайбэя на Пекин. В 1971 г. место КР в этой организации и ее Совете безопасности было передано КНР (при этом последняя была поддержана также Советским Союзом, несмотря на резкое ухудшение его отношений с Пекином) [ист. 16]. В 1979 г. Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Тайбэем и стал признавать КНР единственным законным представителем китайского народа, заняв официальную позицию поддержки концепции “одного Китая”. Таким образом, несмотря на противоречивую риторiku, США официально со времен Второй мировой войны признают народ и территорию материкового Китая и острова Тайвань единым субъектом международных отношений и международного права (хотя и подстраховали себя в упоминавшемся выше Законе об отношениях с Тайванем, обозначив в этом документе “тайваньские власти” – *governing authorities* – в качестве своего легального контрагента) [ист. 6].

В настоящий момент на ситуацию вокруг Тайваня значительное воздействие оказывает позиция США по отношению к событиям на Украине. Американские политики и политологи заявляют о необходимости поддержки Тайваня, оправдывая ее намерением “избежать повторения украинского сценария”, а администрация США под тем же предлогом фактически потворствует усилению в тайваньском истеблишменте сепаратистских настроений, провоцирующих КНР. Но парламентские выборы 2024 г. на острове показали, что подавляющее большинство тайваньцев отдадут себе отчет в неизбежности катастрофических потерь и разрушений в случае реального военного столкновения с соседом, какую бы поддержку Тайваню ни оказали США. Возможно, голосование за кандидатов Гоминьдана, придерживающегося курса на умиротворение Пекина, представляет собой рациональный выбор меньшего из зол. Не исключено, что этот выбор обусловлен “уроком реализма”, который жители Тайваня смогли извлечь из украинского кризиса, в разрешении которого несколько не помогает американская помощь Украине. Растущее чувство тревоги, ощущение приближающейся войны на своей территории, навешанные фото- и видеоматериалами медиа пока еще из далеких от Тайваня мест, способствовали нежеланию избирателей ухудшать отношения с Пекином, что подтверждается фактом победы Гоминьдана на муниципальных выборах 2022 г., ставших важным индикатором социальных настроений.

⁷ Гоминьдановская трактовка подразумевает, что воссоединение должно состояться на основе Китайской Республики, КНР считает единственным репрезентатом Китая себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Толкования понятия “неоколониализм”, появившегося на волне массовой деколонизации второй половины XX в., чаще подчеркивают экономический аспект новых форм зависимости политически освобождавшихся народов и государств от своих бывших метрополий и других сильных международных игроков. Однако на тех или иных исторических этапах на первый план могут выходить и другие стороны неоколониального доминирования, у его акторов появляются новые задачи, для решения которых требуются не применявшиеся ранее комбинации способов и форм воздействия как на объекты непосредственной эксплуатации, так и на противников и союзников. Отношения с бывшими колониями и полуколониями переформируются в целый спектр новых связей неометрополий с зависимыми территориями и государствами. Тайвань оказался в числе наиболее близких сателлитов Вашингтона, которые удерживаются под контролем косвенными — финансово-экономическими и дискурсивными — средствами, а также созданием или провоцированием внешних угроз, под предлогом которых США усиливают свое военное присутствие и увеличивают продажи оружия. Комментируя упомянутый выше визит спикера Палаты предста-

вителей Конгресса США на Тайвань, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что “США привыкли сначала создавать проблему, а затем использовать эту проблему для реализации собственных стратегических планов. Есть признаки того, что США пытаются повторить свои старые уловки в планировании визита Пелоси и пользуются случаем для увеличения военного присутствия в регионе...” [ист. 17].

Динамика ситуации вокруг Тайваня демонстрирует последовательность внешней политики США, выстраиваемой в соответствии с их стратегией национальных интересов и имеющей неоколониалистский характер. Но ее арсенал не всегда гарантирует успех. Примеры разрушительных последствий “последовательного и прагматичного” американского курса для “демократизируемых” государств и народов, в том числе текущий конфликт на Украине, осознание пагубности этой политики способны изменить настроения даже той части тайваньского общества, которая до сих пор придерживалась идеи достижения независимости любой ценой. В результате такой рефлексии могут сформироваться возможности для того исхода, который всеми силами стремятся предотвратить США, — мирного воссоединения этой территории с КНР, хотя бы и в долгосрочной исторической перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Труш С.М. Обострение вокруг Тайваня: грани конфликта. *Международная жизнь*, 2021, № 12, сс. 100-107. Trush S.M. Escalation around Taiwan: the brink of conflict. *International Affairs*, 2021, no. 12, pp. 100-107. (In Russ.) Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2596> (accessed 18.02.2023).
2. Кашин В.Б. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: Причины и перспективы развития. *Пути к миру и безопасности*, 2022, № 2 (63), сс. 188-203. Kashin V.B. Aggravation of the military-political situation around Taiwan in 2022: Causes and development prospects. *Paths to Peace and Security*, 2022, no. 2 (63), pp. 188-203. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-188-203>
3. Nye J.S. Redefining the National Interest. *Foreign Affairs*, 1999, no. 78 (4), pp. 22-35. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/20049361> (accessed 18.02.2023).
4. Ellsworth R., Goodpaster A., Hauser R. *America's National Interests: A Report from The Commission on America's National Interests*, 1996. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 1996. 68 p. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/americas-national-interests-report-commission-americas-national-interests-1996> (accessed 18.02.2023).
5. Ellsworth R., Goodpaster A., Hauser R. *America's National Interests: A Report from The Commission on America's National Interests*, 2000. Commission on America's National Interests, July 2000. 62 p. Available at: <https://www.7гу.com/wp-content/uploads/2014/05/the-commission-on-americas-national-interests-2000.pdf> (accessed 18.02.2023).
6. Samaan J.-L. Une géographie américaine de la menace chinoise. *Hérodote*, 2011, pp. 103-122. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3600019> (accessed 18.02.2023).
7. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London, W.W. Norton & Co, 2001. 160 p. Available at: <https://djvu.online/file/Yy5vIJE19YwX4> (accessed 18.02.2023).
8. Brzezinski Z., Mearsheimer J. Clash of the Titans. *Foreign Policy*, 00157228, Jan/Feb 2005, iss. 146, pp. 46-51. Available at: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0034.pdf> (accessed 18.02.2023).

9. Wilson V. China's reach has grown; so should the island chains. *Asia Marytime Transparency Initiative*, 22.10.2018. Available at: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/> (accessed 18.02.2023).
10. Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! *Ученые записки Института Африки РАН*, 2020, № 4 (53), сс. 5-17.
Fituni L.L. Bring the process of decolonization to an end! *Scientific notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 4 (53), pp. 5-17. (In Russ.) DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-5-17
11. Litvak N., Pomozova N. Evolution of China's Global Foreign Policy Conception in the 21st Century. *Russia in Global Affairs*, 2022, no. 4 (20), pp. 43-63. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-43-63 Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/evolution-of-chinas-global-policy/> (accessed 18.02.2023).
12. Van der Wees G. When the CCP Thought Taiwan Should Be Independent. *The Diplomat*, 03.05.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/05/when-the-ccp-thought-taiwan-should-be-independent/> (accessed 07.12.2022).
13. Corcuff S. La nation taïwanaise se construit sans la Chine. *Liberation*, 26.01.2016. Available at: https://www.liberation.fr/debats/2016/01/26/stephane-corcuff-la-nation-taiwanaise-se-construit-sans-la-chine_1429066/ (accessed 07.12.2022).
14. Дикарев А.Д., Лукин А.В. "Тайваньская нация": от мифа к реальности? *Сравнительная политика*, 2021, № 1, сс. 118-133.
Dikarev A.D., Lukin A.V. "Taiwan Nation": From Myth to Reality? *Comparative Politics Russia*, 2021, no. 1, pp. 118-133. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10009>
15. Bolton J. "The China Nightmare" Review: Beijing Never Got the Memo. *Wall Street Journal*, 15.11.2020. Available at: https://www.wsj.com/articles/the-china-nightmare-review-beijing-never-got-the-memo-11605476188?mod=article_inline (accessed 07.12.2022).
16. Liu Tzu-hsuan. Include Taipei in regional security talks: John Bolton. *Taipei Times*, 02.07.2022. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2022/07/02/2003780984> (accessed 18.02.2023).
17. Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONИализма. *Век глобализации*, 2014, № 2, сс. 52-64.
Gorelov A.A. From the world colonial system to global neo-colonialism. *Century of globalization*, 2014, no. 2, pp. 52-64. (In Russ.) Available at: <https://rucont.ru/efd/404860> (accessed 26.11.2024).
18. Ardant Ph. Le néo-colonialisme: thème, mythe et réalité. *Revue française de science politique*, 1965, no. 5, pp. 837-855.
19. Chomsky N. *On Power and Ideology: The Managua Lectures*. Pluto Press, 2015. 202 p. Available at: <https://chomsky.info/on-power-and-ideology/> (accessed 07.12.2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *An act to encourage visits between the United States and Taiwan at all levels, and for other purpose*. Congress.gov, 03.16.2018. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535> (accessed 25.11.2024).
2. US House Speaker Nancy Pelosi lands in Taiwan amid threats of Chinese retaliation. *CNN*, 02.08.2022. Available at: <https://us.cnn.com/2022/08/02/politics/nancy-pelosi-visit-taipei-taiwan-trip/index.html> (accessed 25.11.2024).
3. В США заявили, что не выступают за независимость Тайваня. *ТАСС*, 11.05.2022.
In the USA said that they are not in favor of the independence of Taiwan. *TASS*, 11.05. 2022. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14599327> (accessed 18.02.2023).
4. *Taiwan Policy Act of 2022*. Congress.gov, 15.09.2022. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4428/text/is> (accessed 18.02.2023).
5. *National Security Strategy*. White House, Washigtone, 12.10.2022. 46 p. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 18.02.2023).
6. *Taiwan Relations Act*. Congress.gov, 04.10.1979. Available at: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479#:~:text=Taiwan%20Relations%20Act%20%2D%20Declares%20it,other%20people%20of%20the%20Western> (accessed 18.02.2023).
7. *Перечень несамоуправляющихся территорий в разбивке по регионам*. ООН, 22.09.2020.
List of Non-Self-Governing Territories by region. UN, 22.09.2020. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/dppa/decolonization/ru/nsqt> (accessed 18.02.2023).
8. *《中国的和平发展》白皮书*. 国务院新闻办公室, 2011. 外交部, 06.09.2011.
China's Peaceful Development. White Paper, 2011. Ministry of Foreign Affairs. The People's Republic of China, 06.09.2011. (In Chin.) Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zl_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zg-dhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (accessed 25.11.2024).

9. 中国共产党章程. 共产党员网, 22. 10. 2022.
Constitution of the Communist Party of China. Communist Party Network, 22.10.2022. (In Chin.) Available at: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw> (accessed 25.11.2024).
10. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970. ООН. Декларации.
Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, 1970. UN. Declarations. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed 25.11.2024).
11. The Taiwan Question and Reunification of China in New Era. Taiwan Affairs Office & Information Office of the State Council, The People's Republic of China, Beijing, August 1993. *Taiwan Info, Speeches and Documents*. Available at: <http://www.china.org.cn/english/7953.htm> (accessed 25.11.2024).
12. PRC White Paper –The One-China Principle and the Taiwan Issue. Taiwan Affairs Office & Information Office of the State Council, the People's Republic of China, Beijing, 21.02.2000. TDP. Available at: <http://taiwandocuments.org/white.htm> (accessed 25.11.2024).
13. China releases White paper on Taiwan question, reunification in new era. Full Text: The Taiwan Question and Reunification of China in New Era. The State Council. The People's Republic of China, Beijing, 10.08.2022. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202208/10/content_WS62f34f46c6d02e533532f0ac.html (accessed 25.11.2024).
14. Pelosi says US will 'not abandon' Taiwan as China begins military drills. *CNN*, 03.08.2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/08/02/politics/nancy-pelosi-taiwan-parliament-visit/index.html> (accessed 25.11.2024).
15. Коммюнике Каирской конференции. 3 декабря 1943 г. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Москва, Памятники исторической мысли, 2000, сс. 508–509.
Communiqué of the Cairo Conference. December 3, 1943. *Russian-Chinese relations in the XX century: Materials and documents. Soviet-Chinese relations. 1937–1945*. Moscow, Monuments of historical thought, 2000, pp. 508–509. (In Russ.)
16. Резолюция о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в ООН 25 октября 1971 года (A/RES/2758(XXVI)). Объединенные Нации. Цифровая библиотека.
Resolution on the Restoration of the Legal Rights of the People's Republic of China at the United Nations on October 25, 1971 (A/RES/2758(XXVI)). United Nations. Digital Library. (In Russ.) Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf> (accessed 25.11.2024).
17. 王毅：美方在台湾问题上犯了三方面错误. 外交部, 07. 08. 2022.
Wang Yi: The United States Made Three Mistakes on the Taiwan Issue. Ministry of Foreign Affairs. The People's Republic of China, 07.08.2022. (In Chin.) Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxhd/202208/t20220807_10736725.shtml (accessed 25.11.2023).

НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-97-109

EDN: IDTMKJ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ: КЕЙС КАЗАХСТАНА

© 2025 г. А.М. Погорельская, А.В. Покровская

*ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0003-3003-4757, pogorelskaya@mail.tsu.ru
Национальный исследовательский Томский государственный университет, РФ, 634050 Томск,
пр-т Ленина, 36.*

*ПОКРОВСКАЯ Анастасия Витальевна, независимый исследователь,
ORCID 0009-0006-8195-9396, avp@stud.tsu.ru
Национальный исследовательский Томский государственный университет, РФ, 634050 Томск,
пр-т Ленина, 36.*

Статья поступила 01.07.2024. После доработки 08.10.2024. Принята к печати 29.11.2024.

Аннотация. В статье рассматриваются динамика образовательной миграции из Казахстана и факторы, влияющие на привлечение иностранных студентов. Анализируется эволюция образовательной политики Казахстана с 1990-х годов, включая влияние программы “Болашак” и интеграции в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО)¹. Особое внимание уделено мерам, направленным на повышение доступности и качества высшего образования, а также созданию филиалов зарубежных вузов. На основе регрессионного анализа выявлены ключевые факторы, влияющие на образовательную миграцию, включая уровень урбанизации и доступность интернета. Рассматриваются перспективы Казахстана как регионального хаба студенческой мобильности.

Ключевые слова: образовательная миграция, Казахстан, иностранные студенты, политика в области высшего образования, факторы выталкивания, факторы притяжения, экспорт образования.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

EDUCATIONAL MIGRATION IN EURASIA: THE CASE OF KAZAKHSTAN

*Anastasia M. POGORELSKAYA,
ORCID 0000-0003-3003-4757, pogorelskaya@mail.tsu.ru
National Research Tomsk State University, 36, Lenina Prosp., Tomsk, 634050, Russian Federation.*

*Anastasia V. POKROVSKAIA,
ORCID 0009-0006-8195-9396, avp@stud.tsu.ru
National Research Tomsk State University, 36, Lenina Prosp., Tomsk, 634050, Russian Federation.*

Received 01.07.2024. Revised 08.10.2024. Accepted 29.11.2024.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 23-78-10036, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

Abstract. The article investigates the dynamics of educational migration from Kazakhstan and identifies factors influencing the attraction of foreign students. It traces the evolution of Kazakhstan’s educational policy from the 1990s, highlighting significant initiatives like the “Bolashak” program and the country’s integration into the European Higher Education Area. The study emphasizes the measures taken to enhance the accessibility and quality of higher education, including the establishment of foreign university branches in Kazakhstan. Using regression analysis, the research identifies key factors influencing educational migration, such as urbanization level, Internet accessibility, and the number of students enrolled in higher education. The analysis reveals a strong positive correlation between the percentage of Internet users and student outflows, indicating the role of digital information in shaping students’ decisions to study abroad. Conversely, urbanization and the number of graduates show a positive impact on attracting foreign students to Kazakhstan. The article also discusses the country’s strategic efforts to become a regional hub for student mobility, particularly through the creation of the Central Asian Higher Education Area (CAHEA). It evaluates recent policies aimed at increasing the proportion of foreign students and the challenges faced in implementing these initiatives. The practical significance of this research lies in its potential to inform policymakers about effective strategies

¹ European Higher Education Area (EHEA).

to manage educational migration. By analyzing the relationship between educational policies and migration patterns, the study offers insights into enhancing Kazakhstan's attractiveness as a destination for higher education. The findings highlight the importance of urban educational centers and digital infrastructure in supporting the country's educational goals and reducing brain drain.

Keywords: educational migration, Kazakhstan, foreign students, higher education policy, push factors, pull factors, education export.

About authors:

Anastasia M. POGORELSKAYA, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of World Politics.

Anastasia V. POKROVSKAIA, Master of Arts (Finance), Independent Researcher.

ВВЕДЕНИЕ

Россия традиционно выступала центром притяжения образовательных мигрантов на постсоветском пространстве. Число студентов из Казахстана, обучавшихся в российских вузах, составляло в конце 2010-х годов порядка 70 тыс. человек. Однако вектор тесного образовательного сотрудничества между двумя странами в последние несколько лет сменился на противоположный: возникли попытки конкуренции в свете поставленной Казахстаном цели стать так называемым региональным хабом студенческой мобильности. В результате Казахстан стремится, с одной стороны, бороться с “утечкой умов” в Россию, которую потенциально поддерживает образовательная миграция, с другой — привлекать иностранных студентов в свои вузы.

Существующие в настоящее время теории в области миграционных исследований указывают на наличие факторов и стейкхолдеров (вузов, рекрутинговых агентств, домохозяйств, диаспор и т. д.), как стимулирующих, так и сдерживающих образовательную миграцию. Сформулированные еще в конце XIX в. географом Э.Г. Равенштейном законы миграции связывали ее направления с действием сил притяжения и выталкивания, хотя речь шла в первую очередь об их воздействии на трудовую миграцию. Заимствовавшая такой подход неоклассическая теория миграции и затем новая экономическая теория миграции объясняли последнюю обеспеченностью государств трудовыми ресурсами и долгосрочными стратегиями домохозяйств соответственно [1, сс. 4-5; 2, сс. 24-25]. Ставшие популярными в 1970–1980-е годы марксистские трактовки международной миграции объясняли преобладающее направление движения людских потоков с Глобального Юга на Север эксплуатацией “ядром” периферии и выкачиванием оттуда человеческих ресурсов, в том числе в виде образовательных мигрантов [3]. Теория миграционных систем указывает на наличие многоуровневых отношений между государствами

и обществами, исторически связанными друг с другом, что делает миграцию между ними самоподдерживающимся явлением [4].

Наличие миграционной системы, обозначенной И.В. Ивахнюк условно как Евразийская, наблюдается на постсоветском пространстве [5, с. 30]. Здесь образовательная миграция приобрела центростремительный характер, а основным государством притяжения образовательных мигрантов стала Россия. Закреплению центростремительного движения в ней способствовали разница в обеспеченности человеческими ресурсами и уровне жизни, а также относительная популярность русского языка и наличие трансграничных связей, поддерживаемых общинами [6, сс. 191-192]. Отдельно исследователи выделяют в пределах Евразийской миграционной системы так называемый Евроазиатский миграционный коридор между странами Центральной Азии и Россией: в сторону России по нему традиционно перемещаются как трудовые, так и образовательные мигранты [7].

Данное исследование призвано выявить факторы, влияющие на место Казахстана в потоках образовательной миграции, включая как притягивающие, так и выталкивающие. По утверждению И.В. Ивахнюк, “нынешнее направление научного поиска нацелено не столько на интерпретацию причин..., сколько на объяснение механизма, последствий и перспектив миграции населения...” [5, с. 30]. Однако определение факторов, влияющих на образовательную миграцию как в одну, так и в другую сторону, представляется все еще актуальным в контексте политики, проводимой сейчас Казахстаном. Несмотря на то что данное исследование в первую очередь выполнялось в русле классических подходов к миграции как результату действия сил выталкивания и притяжения, данный анализ предлагает количественные оценки международной образовательной миграции на постсоветском пространстве, призванные дополнить существующие качественные исследования [8, 9, 10].

Определенную сложность вызывает разграничение факторов и причин миграции, в связи с чем мы будем вслед за А.О. Ульмясбаевой относить к первым объективные условия среды, в которой происходит миграция, а ко вторым — субъективные трактовки этих условий участниками миграции [11, с. 58].

В существующих классификациях факторов миграции, помимо вышеупомянутого разделения на факторы выталкивания и притяжения, зачастую учитываются их природа (экономические, социальные и другие аспекты) или уровень (факторы личного характера, на уровне домохозяйств, регионов, государств, глобальные) [12]. Исследователи образовательной миграции на постсоветском пространстве называют факторами выталкивания студентов из стран региона низкий уровень охвата населения высшим образованием и высокий уровень безработицы среди молодежи, а притяжения — географическую близость [13].

Исследования казахстанской образовательной миграции отмечают не востребованность имеющегося образования на рынке труда, невысокое качество высшего образования на родине, что способствует отъезду молодежи для обучения за рубеж [14, с. 138]. Б. Ракишева и Д. Полетаев, рассматривая образовательную миграцию из Казахстана в Россию, указали на аналогичные последствия ввиду высокого конкурса при поступлении в казахстанские вузы, более высокой платы за обучение в Казахстане, отсутствия выбранной специальности в казахстанских вузах [9, сс. 88-89]. Кроме того, недостатками казахстанского высшего образования называют высокий уровень коррупции, низкий престиж казахстанских дипломов, высокий уровень безработицы среди выпускников [15, с. 65].

Таким образом, экономические факторы оказываются определяющими для выталкивания молодежи за рубеж, в том числе с образовательными целями. В этой связи казахстанскими учеными был проведен анализ влияния на молодежную миграцию в странах ЕАЭС, включая Казахстан, таких показателей, как общее число эмигрантов, доля денежных переводов мигрантов в ВВП, уровень безработицы и государственные расходы на НИОКР. Последний был признан самым весомым из предложенных. В отношении казахстанской молодежи также был сделан вывод о том, что ее целью является поиск лучших образовательных программ, которые впоследствии

обеспечат более конкурентоспособные позиции на рынке труда [16, с. 223].

Факторами притяжения для казахстанской молодежи, выезжающей на обучение за рубеж, служат престижность иностранного образования, наличие возможностей для дальнейшего трудоустройства за рубежом [14, с. 137]. Среди них также указываются “соблюдение прав и свобод, отсутствие коррупции, более низкая стоимость проживания, знакомая культура и языковая среда, уровень развития цифровых технологий” в иностранных государствах, хотя они идут в разной последовательности для разных географических направлений образовательной миграции [8, pp. 56-57].

При этом существующие на сегодня исследования в меньшей степени освещают политику стран выезда образовательных мигрантов, чем политику принимающих стран по привлечению иностранных студентов [17, с. 108]. И хотя в некоторых работах даются рекомендации по совершенствованию миграционной и молодежной политики Казахстана [14, с. 142], они, за немногими исключениями, в меньшей мере относятся к политике в области высшего образования [10].

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что будет дополнена характеристика образовательной составляющей Евразийского миграционного коридора. Практическая значимость состоит в том, что на основе выявленных зависимостей будут оценены перспективы политики Казахстана по управлению образовательной миграцией.

Исследование основано на регрессионном анализе, призванном установить наличие корреляции между показателями, характеризующими: входящую и исходящую студенческую миграцию; состояние системы высшего образования Казахстана — коэффициент вовлеченности в высшее образование (*Gross Enrollment Rate, GER*), количество студентов, количество и долю иностранных студентов, коэффициент студентов, получивших высшее образование (*Gross Graduation Ratio, GGR*), государственные затраты на высшее образование; а также социально-экономическую ситуацию в Казахстане в целом — численность городского населения, миграционное сальдо, численность молодежи, процент интернет-пользователей. Выбор показателей был обусловлен как частотой их упоминания в научной литературе по тематике образовательной миграции, так и доступностью

информации. Учитывая, что в данных Института статистики ЮНЕСКО и Всемирного банка за период 2000–2023 гг. имелись пропущенные значения, был использован метод заполнения пропусков средними значениями.

Обнаруженные таким образом факторы, влияющие на образовательную миграцию из/в Казахстан(а), были сопоставлены с изменениями в казахстанской политике в области высшего образования для выявления возможных связей между ними и оценки перспектив актуальных на сегодня инициатив Казахстана в этой области с точки зрения их влияния на образовательную миграцию.

ПОЛИТИКА СТРАНЫ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Политика независимого Казахстана в области высшего образования с 1990-х годов была направлена на расширение доступа к нему населения, поэтому было разрешено создание частных вузов и внедрение новых образовательных программ [ист. 1]. Появилось платное высшее образование в связи с тем, что государство не готово было и далее, как в советское время, нести все затраты на содержание этой разрастающейся системы. Эти тренды отразились в Государственной программе развития образования на 2005–2010 гг., где подтверждался курс на массовизацию высшего образования, сокращение государственного финансирования, децентрализацию управления системой высшего образования [ист. 2]. Учитывая высокий спрос на высшее образование, расширялась образовательная миграция из Казахстана за рубеж, а также в стране было открыто несколько филиалов российских вузов.

В связи с присоединением к Европейскому пространству высшего образования Казахстан с 2010 г. приступил к систематическому реформированию системы высшего образования, призванному способствовать внедрению западных практик. Их витриной должен был выступать Назарбаев Университет, получивший особый статус и несоизмеримое с остальными вузами государственное финансирование. Официальной целью было объявлено повышение качества высшего образования до “соответствующего лучшим мировым практикам в области образования” [ист. 3]. Государство стало всячески стимулировать национальные вузы к вхождению в международные рейтинги.

Кроме того, цели увеличения охвата молодежи высшим образованием, его обновления и повышения качества призвано было служить внедрение стратегии в области цифровизации [ист. 4]. Политика Казахстана также формально фокусировалась на создании комфортных условий для проживания молодежи, что косвенно должно было снизить стимулы к отъезду [18, с. 161].

И хотя эти реформы в общем направлены на повышение доступности и качества высшего образования в стране, демографическое давление на систему увеличивалось [ист. 5], поэтому открывшиеся с присоединением к ЕПВО возможности образовательной миграции оказались очень кстати. Описательная статистика свидетельствует о том, что показатели выезда казахстанских студентов за границу взлетели после 2010 г., но с 2018 г. наблюдалось снижение оттока студентов за рубеж. Это может быть связано с повышением относительной привлекательности для них казахстанского образования, которое на протяжении 2010-х годов все больше адаптировалось под стандарты ЕПВО, что, однако, не решило полностью всех его проблем (рис. 1) [ист. 6].

Присоединение к Европейскому пространству высшего образования способствовало тому, что выросло число казахстанских граждан, отправляющихся для получения высшего образования в страны Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Однако расширение образовательной миграции из Казахстана в меньшей степени затронуло другие регионы мира и, в частности, Западную Европу (рис. 2).

Образовательной миграции в развитые страны мира отчасти способствовала программа “Болашак”, дающая с 1993 г. возможность гражданам Казахстана получить высшее образование или пройти стажировку в ведущих вузах мира за счет государственного бюджета при условии возвращения затем на родину для трудоустройства. Однако число тех, кто смог отправиться за рубеж по этой программе за все время ее существования, составило чуть менее 13 тыс. человек [ист. 7].

На протяжении более 30 лет основным направлением образовательной миграции из Казахстана служили российские вузы, однако после пиковых значений 2019 г. (более 71 тыс. человек) образовательная миграция в Россию пошла на спад. Зато стали расти объемы миграции по другим географическим направлениям, особенно в Китай и Турцию, чему способствовало в том

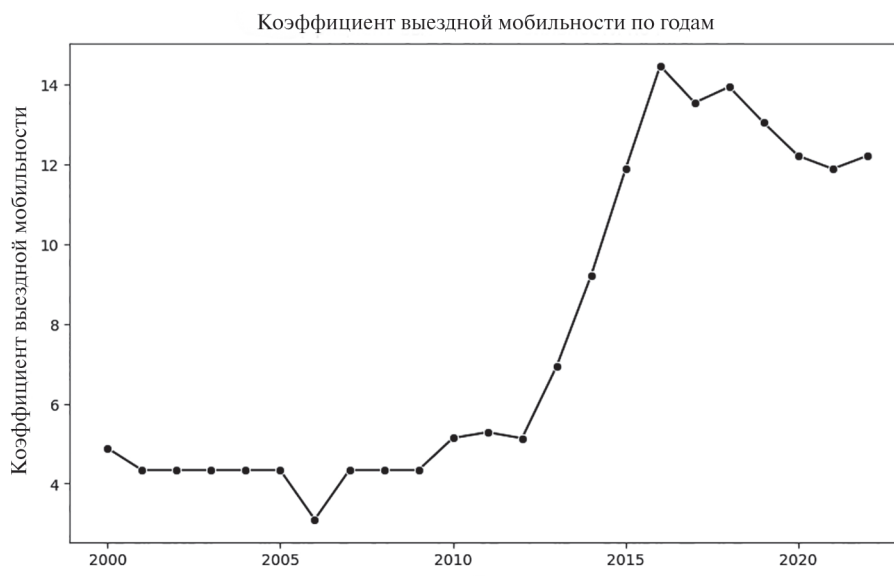

Рис. 1. Динамика исходящей образовательной миграции из Казахстана, 2000–2022 гг.

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО.

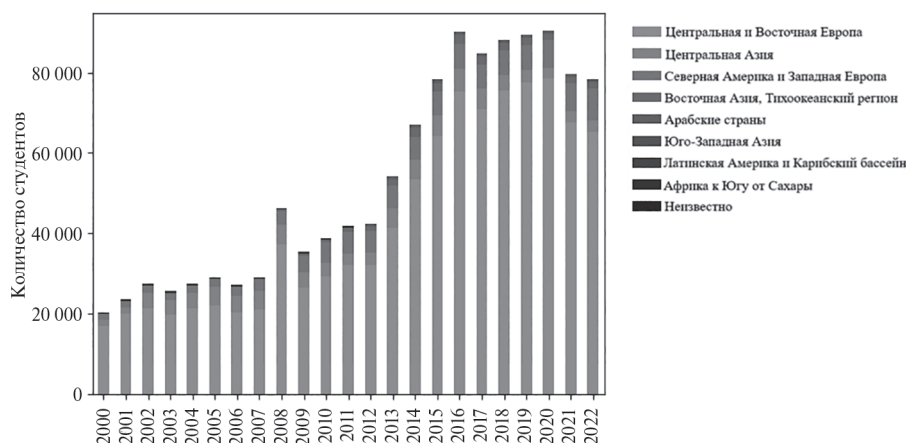

Рис. 2. Распределение исходящей студенческой мобильности из Казахстана по регионам мира, 2000–2022 гг.

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО.

числе увеличение этими странами числа стипендий для иностранных студентов (табл. 1).

Вдобавок в 2010-е годы был принят ряд мер, за счет которых Казахстану удалось значительно увеличить входящую студенческую мобильность к 2021 г. Так, была запущена стипендиальная программа, нацеленная на привлечение из-за рубежа лиц казахской национальности, не являющихся гражданами Казахстана, которые получили возможность рассчитывать на грант для обучения в казахстанских вузах [ист. 8]. Стало расширяться представительство вузов страны в международных рейтингах. В результате ка-

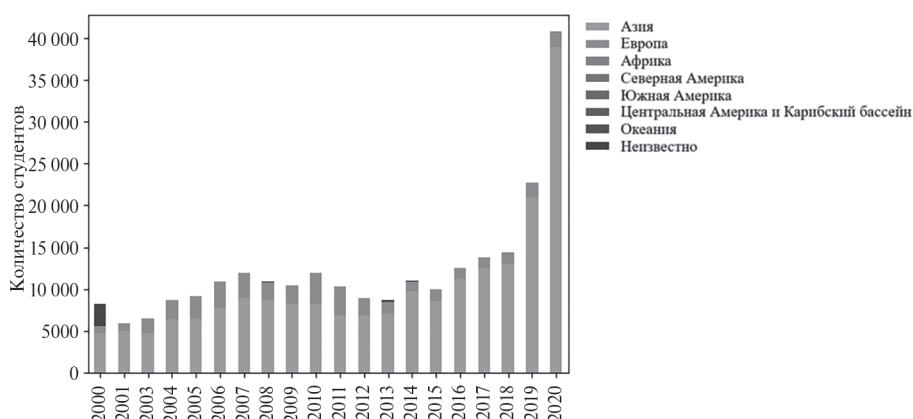
захстанское образование стало гораздо более востребовано у граждан стран Азии, в том числе Центральной, однако заметного притока студентов из других географических регионов до начала пандемии не произошло (рис. 3).

Затем, однако, входящая студенческая мобильность вновь пошла на спад [ист. 9], и на начало 2023/2024 учебного года в стране числилось 25 230 иностранных студентов, из которых 47% приходилось на страны СНГ, в частности, 39.5% — на граждан других стран Центральной Азии. Из студентов стран дальнего зарубежья (за пределами СНГ) большинство приходилось на граждан

Таблица 1. География исходящей образовательной миграции из Казахстана, 2000–2023 гг.

	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2023
Россия	15 300	20 780			60 931	53 935	≈ 53 000
Китай					≈ 15 000		
Турция	1142	732	711	1799	2349	4788	≈ 12 000
Чехия	18	124	679	1446	2027	2610	
Кыргызстан		4436	3107	4828	2083	1985	3565
США		498		2006	1994		
Польша	363	447	399	541	1172	1735	
Германия				738	1143	1390	
Великобритания	148	361	2054	1576	1288	1117	
Южная Корея	10	29	118	375	755	823	
Канада	21	21	213	444	651	723	
Венгрия		21	26	146	626	692	
Узбекистан			58	119		526	483

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО.

Рис. 3. Распределение входящей студенческой мобильности в Казахстан по регионам мира, 2000–2020 гг.¹

¹ На момент выхода статьи более свежие данные ЮНЕСКО еще не были опубликованы.

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО.

Индии (35.6% всех иностранных студентов) и Пакистана (5.8%) [ист. 10].

Международная ситуация 2022–2024 гг. способствовала переориентации международного образовательного сотрудничества Казахстана. В частности, в связи с санкциями и выходом России из Европейского пространства высшего образования Казахстан решил воспользоваться ситуацией для сокращения оттока молодежи в соседнее государство, дистанцирования от РФ, а в перспективе — и для конкуренции за абитуриентов с российскими вузами. Эта стратегия,

инициированная гораздо раньше, имела выражение в нескольких принятых мерах.

Не поддержав ранее российские проекты по интеграции в сфере высшего образования на пространстве СНГ, Казахстан сам выдвинул альтернативную инициативу в виде Центрально-Азиатского пространства высшего образования, созданного в 2021 г., где надеется стать региональным хабом студенческой мобильности. В соответствии с текущей Концепцией развития высшего образования и науки Астана намеревается увеличить долю иностранных студентов до 10%

к 2029 г. (при показателе 4.5% в 2022/2023 учебном году [ист. 11]), в основном за счет граждан соседних центральноазиатских государств. Однако, несмотря на заявления о выделении грантов студентам из других стран Центральной Азии [ист. 12], на деле отдельной стипендиальной программы для них пока не создано, как и не отмечается значительного увеличения числа этих грантов.

В 2022–2023 гг. началось форсированное создание филиалов иностранных вузов в Казахстане, что призвано отчасти решить проблемы как доступности, так и качества высшего образования и в том числе содействовать снижению “оттока умов”. К 2025 г. планировалось открыть пять филиалов известных зарубежных вузов. В соответствии с Концепцией развития высшего образования и науки, принятой в 2023 г., в стране планируется открыть уже 12 филиалов зарубежных вузов к 2029 г. [ист. 13], хотя этот показатель вполне может быть “перевыполнен” [ист. 14]. Новые филиалы будут в основном учреждаться на базе казахстанских вузов, расположенных за пределами Астаны, что должно способствовать повышению качества образования в них и разгрузке столичной инфраструктуры. При этом планы по открытию филиалов российских вузов, которые озвучивались в начале 2022 г., стали затем тормозиться на фоне осложнения международной обстановки, в то время как по другим географическим направлениям иностранным вузам был дан “зеленый свет” [19, с. 78].

К тому же новостные сообщения свидетельствуют о том, что в 2022–2024 гг. наблюдается ак-

тивизация межвузовского сотрудничества казахстанских университетов с вузами других стран, в первую очередь Китая — по поводу открытия филиалов китайских вузов и “мастерских Лу Баня”, Турции — по поводу запуска программ двойных дипломов и центров турецкого языка в Казахстане, а также Германии, Польши, Южной Кореи и др. Вместе с тем пока количество межвузовских договоров с российскими вузами не сопоставимо с другими географическими направлениями и составляет 28.3% всего числа межвузовских договоров, на втором месте Турция — 9.6%, на третьем — Узбекистан с 7.9%. При этом в связи с повышением требований к потенциальным иностранным партнерам отрицательная динамика наблюдалась в последние два года не только по российскому направлению (рис. 4) [ист. 15, с. 2].

Таким образом, политика Казахстана в области высшего образования с 1990-х годов демонстрирует комплексный подход, направленный на расширение доступа к высшему образованию и адаптацию системы к современным требованиям. Реформы, начатые в 2010 г. в ходе присоединения к Европейскому пространству высшего образования, акцентируют внимание на повышении качества образования и интеграции западных практик, что нашло отражение в поддержке Назарбаев Университета и поощрении вузов к участию в международных рейтингах.

Однако, несмотря на эти усилия, сохраняется демографическое давление на систему высшего образования, что стимулирует исходящую образовательную миграцию. В то же время наблюда-

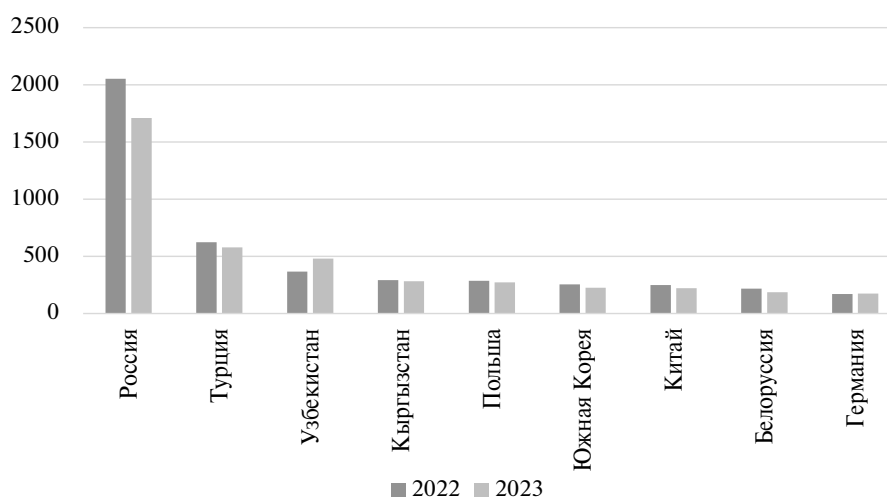

Рис. 4. Число межвузовских договоров казахстанских университетов по странам

Составлено авторами на основе данных Национального центра развития высшего образования Республики Казахстан.

ется рост входящей студенческой мобильности, особенно из стран Центральной Азии, связанный с запуском стипендиальных программ и расширением представительства казахстанских вузов в международных рейтингах.

Казахстан в последние годы активизировал свои усилия по повышению доступности и качества высшего образования для своих граждан на родине, а также выражает амбиции по привлечению иностранных студентов из-за рубежа. Стратегия по увеличению количества филиалов иностранных вузов и активизация межвузовского сотрудничества с Китаем, Турцией, Германией и другими странами направлены на улучшение доступности и качества высшего образования, а также на снижение “оттока умов”. Тем не менее текущая международная ситуация и политические решения свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития и адаптации национальной системы высшего образования для достижения поставленных целей.

Далее на основе анализа статистических данных будут определены ключевые факторы, влияющие на привлекательность Казахстана как места получения высшего образования для его граждан и иностранцев.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ МИГРАЦИЮ

Для определения зависимости уровня входящей и исходящей образовательной миграции от выбранных показателей [ист-ки 5, 6, 16] данные были стандартизированы. Также с целью выявления взаимозависимости и исключения мультиколлинеарности² построена корреляционная матрица. Ниже представлена ее визуализация в формате тепловой карты (рис. 5). Наиболее темному цветовому спектру соответ-

² Сильная корреляция независимых переменных, затрудняющая интерпретацию параметров регрессии.

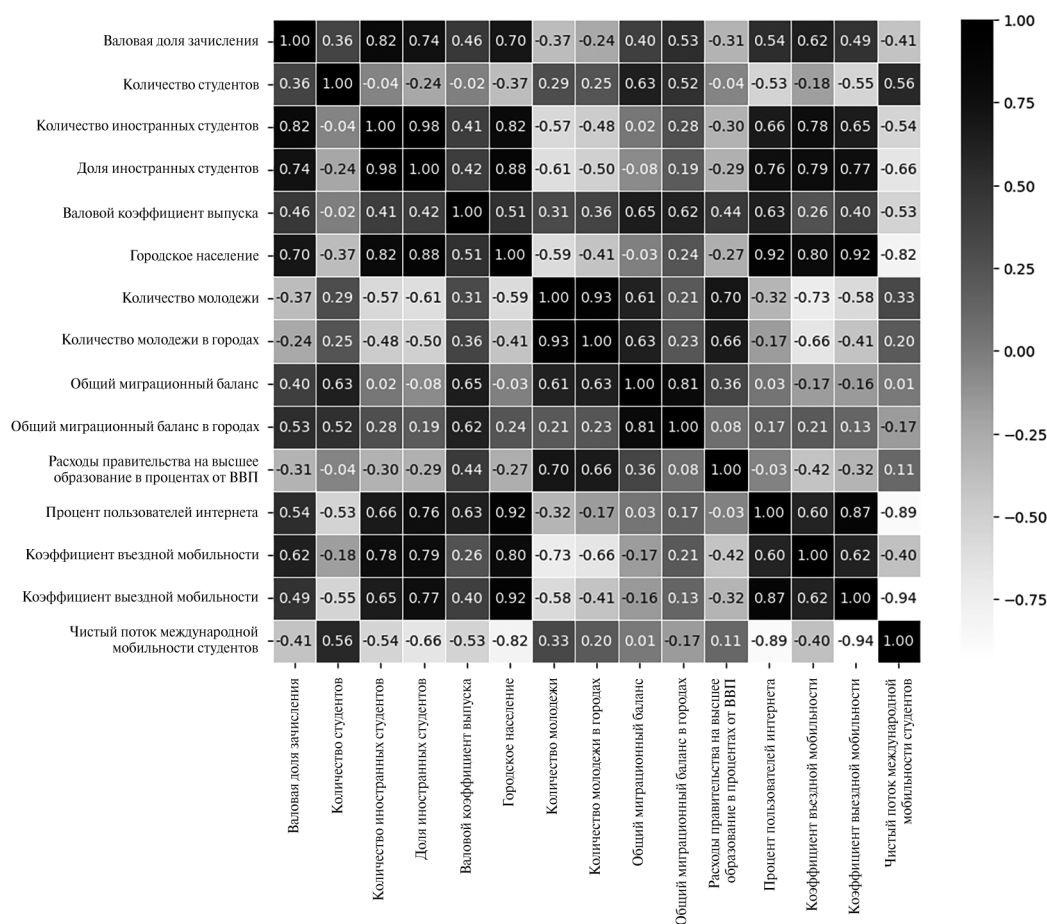

Рис. 5. Тепловая карта корреляционной матрицы

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО, Всемирного банка, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

ствуют положительные значения, светлому — отрицательные.

На основе матрицы были сделаны следующие наблюдения. Высокая отрицательная корреляция наблюдается между процентом пользователей интернета и сальдо студенческой мобильности (-0.89), что свидетельствует в пользу значительной роли интернета в миграционных настроениях молодежи и, в частности, в пользу сокращения разрыва между выездом и въездом студентов с повышением охвата населения Казахстана интернетом. Таким образом, доступность интернета может повышать привлекательность казахстанского высшего образования для иностранных студентов в гораздо большей степени, чем иностранного — для казахстанских граждан.

Анализ показывает, что на число иностранных студентов в Казахстане влияют следующие демографические и социально-экономические параметры. Выявлена значительная положительная корреляция между числом иностранных студентов и такими показателями, как коэффициент вовлеченности в высшее образование (0.82) и уровень урбанизации (0.88). Таким обра-

зом, чем больше обучается студентов в университетах Казахстана, тем более последние востребованы среди иностранных студентов. Вдобавок иностранные студенты предпочитают обучение в более урбанизированных регионах, которые предлагают и более развитую инфраструктуру. Высокий коэффициент выпускников и рост числа молодежи в городах также оказывают положительное воздействие на число иностранных студентов в Казахстане.

Однако общее увеличение численности молодежи в стране отрицательно связано с притоком иностранных студентов, вероятно, из-за усиленной конкуренции за учебные места. Интересно отметить, что высокий процент пользователей интернета связан с уменьшением притока иностранных студентов, что, возможно, обусловлено доступностью онлайн-образования и альтернативных образовательных возможностей. К тому же высокий коэффициент выездной мобильности снижает число иностранных студентов в Казахстане.

Результаты линейной регрессии (табл. 2) выявили ключевые факторы, влияющие на привлечение иностранных студентов, а именно общую

Таблица 2. Значения коэффициентов линейной регрессии

Переменная	Коэффициент
Свободный член (интерцепт)	-0.03
Валовая доля зачисления	1.37
Количество студентов	-0.7
Валовой коэффициент выпуска	0.43
Городское население	0.46
Количество молодежи	-0.57
Количество молодежи в городах	0.77
Общий миграционный баланс	-1.06
Общий миграционный баланс в городах	0.41
Расходы правительства на высшее образование	-0.16
Процент пользователей интернета	-1.4
Коэффициент выездной мобильности	0.78
Коэффициент выездной мобильности	-2.51
Чистый поток международной мобильности студентов	-2.17
Средняя абсолютная ошибка	0.62
Средняя квадратичная ошибка	0.51
Корень из средней квадратичной ошибки	0.72

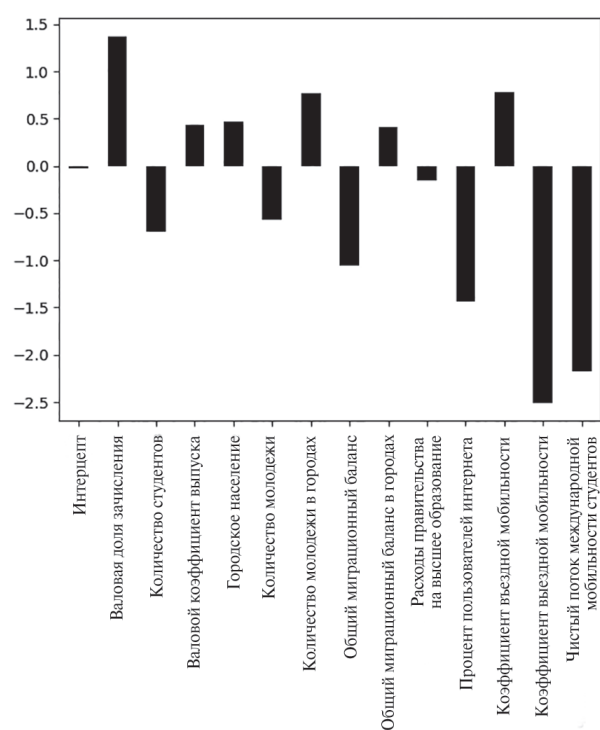

Рис. 6. Визуализация коэффициентов регрессии

Составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО и Всемирного банка.

численность студентов, уровень урбанизации, коэффициент выпуска и численность городской молодежи.

Урбанизация является основным фактором, привлекающим иностранных студентов, что подчеркивает важность городских образовательных центров. Иностранные студенты предпочитают обучение в более урбанизированных регионах, что указывает на необходимость дальнейшего развития образовательной инфраструктуры в городах для повышения их привлекательности.

Высокая положительная корреляция (0.87) между процентом интернет-пользователей и выездом студентов свидетельствует о значимости цифровизации и легкого доступа к информации для студентов. Рост охвата интернетом и улучшение качества образования могут способствовать снижению оттока студентов из страны, делая местные вузы более привлекательными для них. Эти факторы взаимодействуют, создавая более благоприятные условия как для студентов внутри страны, так и для иностранных абитуриентов.

Из представленного выше анализа можно сделать вывод о том, что казахстанские инициативы, направленные на повышение качества и доступности высшего образования, оказывают положительное влияние на привлечение иностранных студентов. Программы, такие как “Болашак”, и усилия по увеличению международной значимости казахстанских вузов через рейтинги способствуют росту числа иностранных студентов.

Кроме того, следует учесть роль государственной политики и программ по поддержке образовательной миграции. Казахстан активно развивает международное сотрудничество в образовательной сфере, подписывая двусторонние соглашения и участвуя в международных инициативах. Эти меры способствуют созданию благоприятных условий для привлечения иностранных студентов и повышения привлекательности казахстанских вузов на международной арене.

Отметим также, что культурные и языковые связи играют важную роль в привлечении иностранных студентов. Трансграничные отношения и поддержка общин способствуют образовательной миграции, что подчеркивает значимость культурной близости и общего исторического контекста между странами.

В заключение анализ факторов, определяющих образовательную миграцию в Казахстане, показал, что ключевыми ее драйверами являют-

ся уровень урбанизации, доступность интернета и качество образования. Эти элементы формируют основу для дальнейшего развития образовательной политики, направленной на привлечение иностранных студентов и улучшение образовательной инфраструктуры в стране.

ПЕРСПЕКТИВЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Таким образом, востребованность Казахстана как места получения высшего образования для иностранных студентов связана прежде всего с коэффициентом вовлеченности в высшее образование и уровнем урбанизации. Такая связь может быть обусловлена тем, что иностранные студенты стремятся в первую очередь туда, где им будут созданы относительно комфортные условия.

В этой связи усилия Казахстана по повышению доступности и качества высшего образования в стране путем, например, создания филиалов, как и целенаправленные инициативы, включая создание Центрально-Азиатского пространства высшего образования, работают на привлечение иностранных студентов. Положительная связь уровня урбанизации с количеством иностранных студентов, однако, предостерегает от создания филиалов в относительно небольших городах, где могут возникнуть сложности с доступной инфраструктурой.

Выявленная взаимосвязь между процентом пользователей интернета и сальдо студенческой мобильности свидетельствует о том, что заданный в Казахстане вектор цифровизации будет работать в том числе на сокращение оттока студентов из страны и привлечение иностранных студентов в казахстанские вузы, а значит, эти меры работают на усиление друг друга.

Кейс Казахстана можно с очень большой долей условности подвергать генерализации, поскольку уникальны место страны в существующей Евразийской миграционной системе, политика в области высшего образования последних лет и сложившаяся в регионе международная ситуация, которую казахстанское руководство восприняло как возможность перетянуть потоки образовательной миграции, направленные в Россию, в связи с блокировкой членства последней в ЕПВО.

На основе анализа образовательной политики страны и факторов, влияющих на образовательную миграцию в Казахстане, стоит отме-

тить, что наличие целенаправленной стратегии по привлечению иностранных студентов дает дополнительный эффект, который не удастся инициировать просто мерами по повышению охвата и качества высшего образования внутри страны. На фоне нехватки собственных ресурсов логично привлечение в страну иностранных вузов, однако последствия такого шага, скорее всего, станут заметны ближе к 2029 г.

Учитывая, что такие меры, как интеграция в сфере высшего образования с соседними странами и массовое учреждение филиалов различных иностранных вузов, стали относительно недавними явлениями в образовательной политике Казахстана, в будущем стоит проанализировать их влияние на направления образовательной миграции, однако пока для этого недостаточно данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. De Haas H. *Migration and Development. A Theoretical Perspective. Working Paper № 9*. International Migration Institute, University of Oxford, 2008. 57 p.
2. Castles S., Miller M. *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*. London, Palgrave Macmillan, 2009. 369 p.
3. Wallerstein I. *The Politics of World Economy: The States, the Movements, and the Civilizations*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 191 p.
4. Bakewell O. *Re-launching Migration Systems. Working Paper № 60*. Oxford, International Migration Institute, University of Oxford, 2012. 19 p.
5. Ивахнюк И.В. *Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы*. Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра экон. наук. Москва, 2008. 46 с.
Ivakhnyuk I. *Formation and Functioning of the Eurasian Migration System*. Abstract of the Diss. for the degree of Dr. Sci. (Econ.) Moscow, 2008. 46 p. (In Russ.)
6. Погорельская А.М. Трудовая миграция на евразийском пространстве в XX — начале XXI вв. *Современная Европа*, 2020, № 2, сс. 188–195.
Pogorelskaya A. Eurasian Labour Migration in XX — Beginning of XXI Century. *Contemporary Europe*, 2020, no. 2, pp. 188–195. (In Russ.) Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020188195>
7. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Воробьева О.Д. Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*, 2020, № 3–4, сс. 5–18.
Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Vorobeva O.D. The Euro-Asian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Assess the Magnitude and Key Characteristics. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*, 2020, no. 3–4, pp. 5–18. (In Russ.) Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8039&type=publ> (accessed 28.11.2024).
8. Naissimova G., Buzurtanova M., Smagulov K., Kartashov K. Mobile Students from Kazakhstan: Migration for Education or Education for Emigration? *Studies of Transition States and Societies*, 2021, no. 2, pp. 51–69. Available at: <https://doi.org/10.58036/stss.v13i2.946>
9. Ракишева Б.И., Полетаев Д.В. Учебная миграция из Казахстана в Россию как один из аспектов сотрудничества в рамках развития таможенного союза. *Евразийская экономическая интеграция*, 2011, № 3 (12), сс. 85–89.
Rakisheva B.I., Poletaev D.V. Educational Migration from Kazakhstan to Russia as One of Cooperation Aspects in Customs Union Development. *Journal of Eurasian Economic Integration*, 2011, no. 3 (12), pp. 85–89. (In Russ.) Available at: https://eabr.org/upload/iblock/c13/n3_2011_8.pdf (accessed 02.04.2024).
10. Есимова Ш.А., Хасенова Л.А. Состояние и перспективы развития академической мобильности в университетах Республики Казахстан. *Экономика: стратегия и практика*, 2022, № 17 (1), сс. 127–143.
Yesimova Sh.A., Khasenova L.A. The Current State and Prospects for the Development of Academic Mobility in the Universities of the Republic of Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*, 2022, no. 17 (1), pp. 127–143. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2022-1-127-143>
11. Ульмясбаева А.О. Факторный анализ межрегиональной образовательной миграции молодежи. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 2019, № 6, сс. 57–59.
Ulmyasbaeva A.O. Factor Analysis of Interregional Educational Youth Migration. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2019, no. 6, pp. 57–59. (In Russ.) Available at: <https://medsociofil.ru/upload/iblock/e8d/%E2%84%966%202019%20%D0%9C%D0%A1%D0%A4.pdf> (accessed 02.04.2024).
12. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3 (1), pp. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
13. Chankseliani M. Escaping Homelands with Limited Employment and Tertiary Education Opportunities: Outbound Student Mobility from Post-Soviet Countries. *Population, Space and Place*, 2016, vol. 22 (3), pp. 301–316. Available at: <https://doi.org/10.1002/psp.1932>

14. Джусибалиева А.К., Исакова Д.М., Дуйсенбаева Б.Б., Тлеубердиева С.С., Исакова Д.Б. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж. *Экономика: стратегия и практика*, 2022, № 17 (2), сс. 126-145.
Jussibaliyeva A.K., Isakova D.M., Duisenbayeva B.B., Tleuberdiev S.S., Isakova D.B. Economic Aspects and Factors of Educational and Labor Migration of Kazakhstan Youth Abroad. *Economy: Strategy and Practice*, 2022, no. 17 (2), pp. 126-145. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2022-2-126-145>
15. Бурангулов Э.Р. Государственная политика в сфере высшего образования в современном Казахстане: особенности и тенденции развития. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2023, № 1 (74), сс. 64-67.
Burangulov E.R. State Policy in the Field of Higher Education in Modern Kazakhstan: Features and Development Trends. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2023, no. 1 (74), pp. 64-67. (In Russ.) DOI: 10.54398/1818510X_2023_1_64
16. Култанова А.Е., Кунуркулжаева Г.Т., Абжан Ж.К. Влияние экономических показателей страны на международную миграцию молодежи: сравнительный анализ. *Экономика: стратегия и практика*, 2023, № 18 (1), сс. 210-226.
Kultanova A.Ye., Kunurkulzhayeva G.T., Abzhan Zh.K. The Influence of Economic Indicators of the Country on Youth International Migration: a Comparative Analysis. *Economy: Strategy and Practice*, 2023, vol. 18 (1), pp. 210-226. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-1-210-226>
17. Кузнецов Н.Г. Библиометрический анализ исследований выездной образовательной миграции. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 2023, т. 3, № 3, сс. 100-110.
Kuznetsov N.G. Bibliometric Analysis of Educational Emigration Studies. *DEMIS. Demographic Research*, 2023, vol. 3, no. 3, pp. 100-110. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.7>
18. Леденева В.Ю., Ломакина О.В., Джунусов А.М., Бегасилов Б.Т. Образовательная политика Казахстана в условиях миграции молодежи. *Высшее образование в России*, 2021, т. 30, № 6, сс. 156-168.
Ledeneva V.Yu., Lomakina O.V., Dzhunusov A.M., Begasilov B.T. Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2021, vol. 30, no. 6, pp. 156-168. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168>
19. Погорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Пакулин В.С. Интернационализация системы высшего образования в Казахстане (2022–2023 гг.): преемственность курса или смена ориентиров? *Высшее образование в России*, 2024, т. 33, № 1, сс. 68-86.
Pogorelskaya A.M., Troitskiy E.F., Pakulin V.S. Higher Education Internationalisation in Kazakhstan (2022–2023): Course Continuity or Change in the Focus? *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2024, vol. 33, no. 1, pp. 68-86. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-68-86>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Закон Республики Казахстан № 2110-ХІІ от 10 апреля 1993 г. “О высшем образовании”. 10.04.1993.
The Law of the Republic of Kazakhstan № 2110-XII adopted on 10 April 1993 “On Higher Education”. 10.04.1993. (In Russ.) Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001895 (accessed 02.04.2024).
2. О Государственной программе развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 гг. Министерство юстиции Республики Казахстан, 11.10.2004.
On the State Programme of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2005–2010. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, 11.10.2004. (In Russ.) Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U040001459_ (accessed 02.04.2024).
3. Об утверждении Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. Министерство юстиции Республики Казахстан, 07.12.2010.
On the Adoption of the State Programme of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, 07.12.2010. (In Russ.) Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118> (accessed 02.04.2024).
4. Об утверждении Государственной программы “Цифровой Казахстан”. Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан, 12.12.2017.
On the Adoption of the State Programme “Digital Kazakhstan”. Ministry of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan, 12.12.2017. (In Russ.) Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/documents/details/adilet/P1700000827?lang=ru> (accessed 02.04.2024).
5. Численность молодежи (по годам). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023.
Number of Young People (by years). Bureau of National Statistics, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, 2023. (In Russ.) Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (accessed 02.04.2024).

6. *Outbound Internationally Mobile Students by Country of Origin*. UNESCO Institute for Statistics. Available at: <http://data.uis.unesco.org/#> (accessed 02.04.2024).
7. “Болашак” в цифрах. Центр международных программ, 2024.
“Bolashak” in Numbers. Center for International Programs, 2024. (In Russ.) Available at: <https://bolashak.gov.kz/ru> (accessed 02.04.2024).
8. Число иностранных студентов, обучающихся в казахстанских вузах, достигло 30 тысяч: увеличилось количество прибывших из дальнего зарубежья. Министерство просвещения Республики Казахстан, 20.12.2021.
The Number of Foreign Students in Kazakhstani Universities Has Reached 30 Thousand: the Number of Those Coming from Far Abroad Countries Has Increased. Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan, 20.12.2021. (In Russ.) Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/303592?lang=ru> (accessed 02.04.2024).
9. В Казахстане снижается число иностранных студентов. *El.kz*, 19.12.2022.
The Number of Foreign Students is Decreasing in Kazakhstan. *El.kz*, 19.12.2022. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3AitLk> (accessed 02.04.2024).
10. *Высшие учебные заведения Республики Казахстан (на начало 2023–2024 учебного года)*. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023.
Higher Education in the Republic of Kazakhstan (at the Beginning of the 2023–2024 Academic Year). Bureau of National Statistics, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, 2023. (In Russ.) Available at: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/112858/file/ru/> (accessed 02.04.2024).
11. *Система высшего образования в Казахстане*. ENIC-Kazakhstan. Национальный центр развития высшего образования.
Higher Education System in Kazakhstan. ENIC-Kazakhstan. Higher Education Development National Center. (In Russ.) Available at: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/reference_information/sistema-vysshego-obrazovaniya-v-kazahstane (accessed 02.04.2024).
12. *Анализ образовательного рынка стран Центральной Азии и рекомендаций по развитию систем высшего образования Центральной Азии*. Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, Центр Болонского процесса и академической мобильности, 2022.
Analysis of Central Asian Educational Market and Recommendations for Central Asian Higher Education Systems Development. Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Bologna Process and Academic Mobility Center, 2022. (In Russ.) Available at: https://enic-kazakhstan.edu.kz/uploads/additional_files_items/170/file/analiz-obrazovatelno-rynka-stran-ca.pdf?cache=1682576071 (accessed 02.04.2024).
13. *Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 248 “Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы”*. Министерство юстиции Республики Казахстан, 28.03.2023.
Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan adopted on 28 March 2023 No. 248 “On the Adoption of the Concept of Higher Education and Science Development in the Republic of Kazakhstan for 2023–2029”. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, 28.03.2023. (In Russ.) Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z474> (accessed 02.04.2024).
14. *Opening New Branches of Foreign Leading Universities in Kazakhstan*. Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 23.02.2023. Available at: https://www.ceenqa.org/wp-content/uploads/Internationalisation_of_Kazakh_higher_education.pdf (accessed 02.04.2024).
15. *Итоги мониторинга международной деятельности вузов в 2023 г. Аналитическая справка*. Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, Национальный центр развития высшего образования, 2023.
Results of the Universities’ International Activities Monitoring in 2023. Analytical Information. Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Higher Education Development National Center, 2023. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3EmbAC> (accessed 02.04.2024).
16. *Kazakhstan*. World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/country/kazakhstan?view=chart> (accessed 02.04.2024).

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-110-119

EDN: JFWNAR

РОССИЯ НА ГАЗОВЫХ РЫНКАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

© 2025 г. В.С. Давтян

ДАВТЯН Ваге Самвелович, доктор политических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0848-3436, vahedavtyan@yandex.ru
Российско-Армянский университет, Республика Армения, 0051 Ереван, ул. Овсена Эмина, 123.

Статья поступила 10.08.2024. После доработки 04.12.2024. Принята к печати 06.12.2024.

Аннотация. Исследованы позиции России на рынках природного газа стран Южного Кавказа. Посредством анализа особенностей газотранспортных систем и газовых рынков трех южно-кавказских республик — Азербайджана, Армении и Грузии — определен уровень воздействия поставок природного газа из России на формирование конъюнктуры региональных рынков. Рассмотрены российско-азербайджанские, российско-армянские и российско-грузинские газотранспортные связи, изучены их логистические и коммерческие особенности. Проанализирована геополитическая составляющая взаимодействия России со странами региона в газотранспортной сфере. Выявлены проблемы и возможности использования магистральных газопроводов региона с целью увеличения поставок природного газа из России.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Россия, Азербайджан, Армения, Грузия, геополитика, энергетическая безопасность, природный газ.

RUSSIA IN THE SOUTH CAUCASUS GAS MARKETS

Vahe S. DAVTYAN,
ORCID 0000-0002-0848-3436, vahedavtyan@yandex.ru
Russian-Armenian University, 123, Hovsep Emin Str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia.

Received 10.08.2024. Revised 04.12.2024. Accepted 06.12.2024.

Abstract. The article analyzes the features of Russia's interaction with the states of the South Caucasus (Azerbaijan, Armenia, Georgia) in the gas transportation sector. The study of the structure of the markets of the South Caucasian republics allowed us to determine the share of natural gas supplied from Russia, to assess the problems and prospects for further supplies. In recent years, there has been an increase in imports of Russian natural gas to the states of the region, which is caused by both economic and some geopolitical reasons, the identification of which is the purpose of this article. Russian natural gas is exported to the states of the South Caucasus via two gas pipelines — North Caucasus—Transcaucasia (Russia—Georgia—Armenia, Mozdok—Tbilisi—Yerevan) and Baku—Novo-Filya (Russia—Azerbaijan). The study of the characteristics of these gas pipelines allowed us to most comprehensively assess the possibilities of developing gas transportation communications between Russia and the states of the region. In the same context, we should consider the Iran-Armenia gas pipeline, which, although geographically has no outlet on Russia, is nevertheless the property of the Russian state company Gazprom. The high transit potential of the South Caucasus facilitates the development of gas transportation infrastructures here, aimed at forming international energy corridors North—South and East—West, which is today significantly hampered by the unresolved nature of a number of military and political conflicts in the region. At the same time, Russia's interaction with the states of the South Caucasus in the energy and, in particular, gas transportation spheres demonstrates sensitivity to geopolitical processes, which is natural, given the dynamically changing security architecture of the region and attempts of a number of extra-regional actors, including the U.S. and the EU to increase their influence in the region. This dictates the need for Russia and the South Caucasus states to develop a strategy of energy diplomacy aimed at creating sustainable and secure gas transportation communications.

Keywords: South Caucasus, Russia, Azerbaijan, Armenia, Georgia, natural gas, energy security geopolitics.

About author:

Vahe S. DAVTYAN, Dr. Sci. (Polit.), Professor.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях новых геополитических реалий серьезные изменения претерпевают энергетические рынки государств Южного Кавказа. С 1960-х годов существовала “Объединенная

электроэнергетическая система Закавказья”, обеспечивавшая сопряжение азербайджанских угольных и мазутных электростанций, грузинских гидроэлектростанций, а с конца 1970-х годов — Армянской атомной электростанции

(АЭС). Развал СССР повлек за собой ее дезинтеграцию. Азербайджан, Армения и Грузия столкнулись с необходимостью формирования собственной энергетической политики. При этом ввиду наличия неразрешенных либо замороженных этнополитических конфликтов регион характеризуется низким уровнем “энергетического диалога”. Все южнокавказские республики отдают приоритет формированию собственной стратегии энергообеспечения, нацеленной на диверсификацию национальных энергетических систем.

Важнейшее место в структуре энергопотребления стран Южного Кавказа занимает природный газ (ПГ). Это обусловлено наличием богатой ресурсной базы в Азербайджане и поставками из России. В последние годы наблюдается их рост, что вызвано как экономическими, так и геополитическими причинами.

ГАЗОТРАНСПОРТНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Южный Кавказ выделяется достаточно развитой сетью трубопроводов, что объясняется прежде всего транзитным потенциалом региона. Здесь пересекаются международные транспортные и энерготранспортные коридоры “Север–Юг” и “Восток–Запад”, обеспечивая логистическую связь между Персидским заливом и Черным морем, с одной стороны, и Центральной Азией и Европой, с другой. Традиционно Южный Кавказ рассматривается как важное связующее звено в поставках каспийских углеводородов и преимущественно ПГ в Европу. Здесь проходит “Южный газовый коридор” (ЮГК), обеспечивающий поставки газа из Азербайджана через территорию Грузии в Турцию и далее на европейский рынок через Транскаспийский и Трансатлантический газопроводы [1]. Также с начала 2000-х ведутся переговоры о строительстве Транскаспийского газопровода, чтобы обеспечить поставки ПГ из Туркменистана по ЮГК в западном направлении [2]. В данном вопросе, однако, не наблюдается никакого прогресса, что вызвано геоэкономической конкуренцией прикаспийских государств, так или иначе нацеленных на увеличение экспорта ПГ.

Сегодня ЮГК — единственная газотранспортная коммуникация на Южном Кавказе, претендующая на трансрегиональное значение,

чему в значительной степени способствует поддержка ЕС, нацеленного на диверсификацию импорта “голубого топлива”. Отметим в связи с этим, что в июле 2022 г. между ЕС и Баку было подписано соглашение о поставках ПГ из Азербайджана в объеме 20 млрд м³ после 2027 г. При этом в 2022 г. по ЮГК на европейский рынок было поставлено 11.4 млрд м³, а в 2023 г. — 11.8 млрд м³ ПГ [ист. 1]. Планы увеличить импорт из Азербайджана в целом вписываются также в логику переговорного процесса между Баку и ЕС относительно налаживания поставок азербайджанского ПГ по российским трубопроводам после декабря 2024 г., когда истечет срок контракта между Россией и Украиной о транзите [ист. 2]. Впрочем, согласно официальному Баку, несмотря на заявления о готовности удвоить импорт азербайджанского газа, европейские партнеры отказываются финансировать развитие трубопроводной инфраструктуры [ист. 3]. Дальнейшее расширение ЮГК, таким образом, сталкивается с серьезными проблемами, что существенно снижает вероятность преодоления геополитических препятствий для строительства Транскаспийского газопровода.

Экспорт российского ПГ в страны Южного Кавказа осуществляется по двум газопроводам: Северный Кавказ — Закавказье (Россия—Грузия—Армения, Моздок—Тбилиси—Ереван) и Баку—Ново-Филия (Россия—Азербайджан). Рассмотрим их основные характеристики.

Магистральный газопровод Северный Кавказ — Закавказье был введен в эксплуатацию в 1988 г. Протяженность магистрали на территории России составляет 137 км, Грузии — 263 км, Армении — 212.5 км. Газопровод проходит в тяжелых геологических условиях на высотах 600—2500 м. Его мощность доходит до 2 млрд м³ газа в год [3]. Магистраль не раз становилась объектом для террористических атак в 1990-е и начале 2000-х. Последний теракт на газопроводе был осуществлен в январе 2006 г. [ист. 4]. Сегодня это ключевая артерия, обеспечивающая Армению ПГ и играющая важнейшую роль в ее энергетической безопасности. Вот почему решение властей Грузии в 2011 г. исключить грузинский участок газопровода из списка объектов стратегической инфраструктуры с рассмотрением возможности его дальнейшей продажи было рассмотрено Ереваном как потенциальная угроза энергетической безопасности. Отметим, что первой компанией, выразившей готовность при-

обрести данный участок, была азербайджанская государственная *SOCAR* [ист.-ки 5, 6], что тогда с учетом Карабахского конфликта содержало в себе стратегические риски для Армении. Решение о продаже участка было пересмотрено, однако в 2016 г. вновь стало известно о возможности первичного размещения 25% акций газопровода на фондовой бирже [ист. 7]. Хотя в результате дипломатических усилий Еревана сделка вновь не состоялась, ее вероятность продолжает оставаться высокой, особенно учитывая возрастающее влияние *SOCAR* в грузинской энергосистеме (в 2018 г. компания приобрела 594 км, в 2019 г. — 708,5 км, а в 2020 г. — 155 км газопроводов в Грузии [ист. 8]).

Магистральный газопровод Баку—Ново-Филия был введен в эксплуатацию в 1982 г. в качестве участка газопровода Моздок—Казимагомед (нынешний Гаджигабул). Магистраль протяженностью 200 км и диаметром 1220 мм пролегает от Баку до границы России вдоль побережья Каспийского моря. Баку—Ново-Филия — реверсный газопровод, по которому ПГ поставляется как в Россию, так и в реверсном режиме в Азербайджан. При пропускной способности 10 млрд м³ реальная прокачка ни разу не превышала 4,5 млрд м³ [4]. Сегодня Баку—Ново-Филия используется для осуществления двусторонних поставок и нередко рассматривается в качестве потенциальной инфраструктуры для поставок азербайджанского газа на европейский рынок через российскую и украинскую трубопроводные системы после 2024 г. Впрочем, реализация подобного сценария сталкивается с проблемой отсутствия западных инвестиций в расширение азербайджанской газотранспортной системы (ГТС) (в частности, для строительства компрессорной станции необходимой мощности).

Помимо названных, на Южном Кавказе эксплуатируется еще одна газотранспортная магистраль, которая, не имея географической связи с Россией, находится на балансе ЗАО “Газпром Армения” — 100%-го дочернего предприятия ПАО “Газпром”, то есть фактически управляется российской компанией. Речь идет о газопроводе Иран—Армения, нередко рассматриваемом в армянском политическом дискурсе в качестве альтернативы поставкам ПГ из России, что в целом носит спекулятивный характер, учитывая факт принадлежности газопровода. Находящийся на балансе Армении последний 40-километровый участок Мегри—Каджаран был передан в соб-

ственность ЗАО “Газпром Армения” в 2015 г. в целях погашения долга перед российской стороной.

Введенный в эксплуатацию в 2007 г. газопровод соединяет иранский г. Тебриз и газораспределительную станцию в армянском г. Мегри. Магистраль имеет протяженность 140 км и мощность 2,3 млрд м³ в год и эксплуатируется в рамках армяно-иранской бартерной сделки по схеме “1 м³ ПГ в обмен на 3 КВт·ч электроэнергии” [5]. Сделка позволяет Армении обеспечить экспорт электроэнергии в Иран, тем самым поддерживая относительную эффективность своей избыточной электроэнергетической системы в условиях энерготранспортной блокады со стороны Турции и Азербайджана и недостаточно развитых энергетических коммуникаций с Грузией. При этом мощность газопровода Иран—Армения используется лишь на 20%, что вызвано как ограниченным спросом на армянском рынке и нетранзитностью газопровода, так и задержками в строительстве третьей линии электропередачи (ЛЭП) Иран—Армения, призванной увеличить поставки электроэнергии из Армении в Иран в рамках указанной бартерной сделки.

АЗЕРБАЙДЖАН В ПОИСКАХ ГАЗОТРАНСПОРТНОЙ МНОГОВЕКТОРНОСТИ

Азербайджан — единственная страна Южного Кавказа, располагающая значительными запасами ПГ. Его подтвержденные запасы здесь оцениваются в 2,5 трлн м³ [6]. При этом в структуре энергетического баланса доля теплоэлектростанций (ТЭС) составляет 83,5% (6649 МВт), что свидетельствует о ключевом значении “голубого топлива” в электрогенерации республики. Потребление ПГ в Азербайджане в 2023 г. составило 13,4 млрд м³ [ист. 9].

Поставки ПГ из России в Азербайджан осуществлялись в 2000—2006 гг. Затем благодаря наращиванию добычи на месторождении “Шах-Дениз” (запасы которого оцениваются в 1,2 трлн м³) Баку отказался от импорта. В 2017 г., когда добыча на месторождении начала снижаться, Баку возобновил импорт российского газа для обеспечения поставок в рамках экспортных контрактов (преимущественно в Грузию и Турцию). Общий объем поставок составил 1,6 млрд м³. В 2019 г., когда в Азербайджане была запущена вторая фаза месторождения “Шах-Дениз”, поставки из России вновь приостано-

вились. В последующие годы добыча ПГ в Азербайджане начала демонстрировать стабильный рост: в 2020 г. — около 26 млрд м³, в 2021 г. — 43.8 млрд, в 2022 г. — 46.7 млрд м³ [ист. 10]. Однако, несмотря на эти показатели, ввиду наличия ряда международных контрактов по поставкам и прежде всего обязательств по увеличению поставок на европейский рынок (по итогам 2024 г. их объемы должны были составить 12 млрд м³, а после 2027 г. — 20 млрд м³), Азербайджан начал активно искать дополнительные источники “голубого топлива”. В частности, вновь был восстановлен импорт из России. На сей раз стороны договорились о сезонных взаимных поставках: летом Россия импортирует газ из Азербайджана, зимой же аналогичные объемы поставляются из России в Азербайджан.

Параллельно в декабре 2022 г. Азербайджан подписал с Туркменистаном межправительственное соглашение о совместном освоении о. Достлук (месторождение “Дружба”) в Каспийском море. Это шельфовое месторождение, расположенное на азербайджано-туркменской морской границе, долгое время являлось предметом территориального спора между Баку и Ашхабадом. Запасы ПГ на нем оцениваются в 300 млрд м³, запасы нефти — 50–100 млн т [7].

Отметим, что начиная с 2010 г. Россия стабильно импортировала азербайджанский газ с целью снабжения Дагестана. В 2013 г. поставки составили 1.4 млрд м³, в 2014 г. — 200 млн м³, однако в 2015 г. они прекратились [ист. 11]. Это объяснялось двумя причинами: во-первых, на магистральном газопроводе Баку–Ново-Филья периодически проводились ремонтные работы, что мешало стабильности поставок; во-вторых, уже тогда в Азербайджане не было профицита ПГ для наращивания экспорта, так как часть добываемого на “Шах-Денизе” газа закачивалась обратно в пласт в целях повышения объемов нефтедобычи.

В целом взятые Азербайджаном обязательства по увеличению поставок ПГ в западном направлении (Грузия, Турция, Европа — Италия, Греция, Болгария, Румыния, Венгрия, Сербия), а также растущий внутренний спрос заставляют его диверсифицировать свои газотранспортные коммуникации. В качестве примера приведем заключенное в ноябре 2021 г. соглашение между Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном об осуществлении своповых поставок газа. В рамках свопа ПГ из Туркменистана шел в Иран,

а последний, в свою очередь, поставлял аналогичный объем в Азербайджан [8]. По итогам 2022 г. поставки составили 0.9 млрд м³, 2023 г. — 2.6 млрд м³. С января 2024 г. своповая сделка временно приостановлена из-за возникших противоречий вокруг условий поставок [ист. 12]. Это обстоятельство также может послужить дополнительным стимулом для Азербайджана к увеличению импорта ПГ из России.

Отметим, что в 2023 г. Азербайджан экспортировал 23.8 млрд м³ газа. Примерно 50% (11.8 млрд м³) было направлено на европейский рынок. На 2024 г. экспорт прогнозировался в объеме 24 млрд м³ [ист. 13]. В этих условиях, особенно учитывая обязательства удвоить поставки в ЕС после 2027 г., сам факт осуществления импорта ПГ из России вызывает недовольство среди нынешних европейских элит, нацеленных на полное прекращение российских поставок [ист. 14]. И если политическая логика подобных заявлений в целом понятна, то экономически она лишена каких-либо оснований: в 2023 г. поставки ПГ из России в Азербайджан составили 1 млрд м³, тогда как экспорт из Азербайджана в Европу достиг 11.8 млрд м³.

ПОСТАВКИ ГАЗА КАК ЛЕЙТМОТИВ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Армения не располагает запасами ПГ, однако в структуре ее электрогенерации доля работающих на этом виде топлива ТЭС доходит до 43–44%. Общая мощность ТЭС республики составляет 1785.6 МВт. В 2022 г. потребителям было поставлено 2.4 млрд м³, в 2023 г. — 2.3 млрд м³ ПГ [ист. 15], большая часть которого была импортирована из России по газопроводу Северный Кавказ — Закавказье. В целом за последние несколько лет поставки газа в Армению осуществлялись в аналогичных объемах.

Газотранспортная сфера — одно из центральных направлений российско-армянского экономического сотрудничества. В собственности единственного газотранспортного оператора республики — ЗАО “Газпром Армения” — находится вся ГТС страны. Передача ее в собственность российской компании произошла не сразу, а в несколько этапов. В 1997 г., когда создавалось совместное российско-армянское предприятие “Армросгазпром”, по 45% акций компании было распределено между правительством Армении

и “Газпромом”, остальные 10% принадлежали российской компании “Итера” [9]. В дальнейшем доля “Газпрома” увеличилась в результате приобретения доли “Итеры”.

Поворотным моментом в истории российско-армянских энергетических связей стала передача в 2013 г. оставшегося у правительства Армении пакета акций (20%) российской компании в счет погашения долга, накопленного в предыдущие годы вследствие поставок ПГ в Армению по цене ниже рыночной (размер долга был оценен в 300 млн долл.). Тогда же компания сменила название на “Газпром Армения”. Отметим, что начиная с 2006 г. и до заключения “газовых соглашений” 2013 г. цена на российский газ для Армении оставалась на стабильно низком уровне по сравнению с другими странами постсоветского пространства, за исключением Беларуси. Таковой она сохраняется и сегодня – 165 долл. за 1000 м³. Это самая низкая цена на российский газ после Беларуси (128 долл.) и Кыргызстана (150 долл.).

В соответствии с заключенными в 2013 г. “газовыми соглашениями” Ереван гарантирует, что до 2043 г. включительно права и интересы “Газпрома” не подлежат изменениям или сокращениям без предварительного согласования с российской стороной [ист. 16] – факт, сам по себе являющийся поводом для раздражения некоторых внутри- и внешнеполитических сил, стремящихся как минимум сократить влияние России в Армении и в регионе в целом. Пожалуй, наиболее комплексно обеспокоенность столь долгосрочным сотрудничеством между Москвой и Ереваном в энергетической сфере отражена в разработанном в 2019 г. американской миссией *USAID* и представленном правительству Армении “Плане развития энергетики Армении до 2036 г. с минимальными затратами” [ист. 17].

Наряду с тезисами о необходимости осуществить в Армении “зеленый переход”, авторы Плана недвусмысленно дают понять, что дальнейший импорт российского газа содержит в себе существенные риски для энергетической и социально-экономической безопасности республики. Главный аргумент сводится к тому, что начиная с 2024 г. цена на российский газ для Армении будет расти, достигнув к 2036 г. 355 долл., поскольку принятые в рамках ВТО обязательства диктуют России проводить равнодоступную ценовую политику без применения льготных механизмов для отдельных стран.

Несмотря на это, к концу 2021 г. в результате длительных российско-армянских переговоров было принято решение о внесении изменений в “газовые соглашения” 2013 г., согласно которым цена на поставляемый из России в Армению ПГ не будет повышаться в течение 10 лет. В свою очередь, Армения обязалась ежегодно выплачивать ЗАО “Газпром Армения” сумму в 31.79 млн долл. в качестве компенсации потерь, понесенных компанией в результате вынужденного прекращения эксплуатации пятого энергоблока Разданской ТЭС. Решение остановить его работу было связано с нарушением сроков строительства третьей ЛЭП Иран–Армения с целью увеличения поставок электроэнергии из Армении, тогда как вся бизнес-модель функционирования пятого энергоблока была выстроена с привязкой к армяно-иранской бартерной сделке “газ в обмен на электроэнергию”. В результате компания, не получив предусмотренную сделкой прибыль, вынуждена выплачивать кредит в размере 100 млн долл. [ист. 18].

Так или иначе долгосрочное сохранение цены на газ на уровне 165 долл. создает для Еревана возможность проводить относительно социально ориентированную тарифную политику. Вместе с тем “Газпром” продолжает выполнять свои инвестиционные обязательства, нацеленные на развитие ГТС и обеспечение безопасного и стабильного газоснабжения. На период с 2024 по 2028 г. инвестпрограммой компании предусмотрены вложения в размере 369 млн долл. (в расширение Абовянской станции подземного хранения газа, на реконструкцию ГТС, обеспечение дополнительных мощностей Еревана и проч.) [ист. 19].

С 2022 г. Армения начала осуществлять платежи за российский газ в рублях, что вписывается, во-первых, в политику России по дедолларизации торговли нефтью и газом и, во-вторых, в вызовы, стоящие перед Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), особенно по части формирования общего рынка газа [ист. 20]. Для Армении как члена ЕАЭС это хорошая возможность обеспечить стабильные поставки “голубого топлива” в долгосрочной перспективе, что с учетом высокого удельного веса ТЭС в энергосистеме страны представляется важным условием сохранения энергетической безопасности.

Вместе с тем ГТС Армении сталкивается с некоторыми логистическими рисками. Начавшийся в 2024 г. процесс делимитации

армяно-азербайджанской границы фактически создал новую географическую реальность: участок магистрального газопровода Кармир камурдж — Севкар — Берд, по которому Армения импортирует российский газ, может оказаться под контролем азербайджанской стороны. Звучащие на этом фоне заявления о возможности поставок азербайджанского газа в Армению с целью сокращения зависимости от России [ист. 21] являются, на наш взгляд, недостаточно обоснованными. В частности, между Арменией и Азербайджаном нет действующего газопровода (функционировавший в советские годы газопровод Газах—Ереван разобран), а с учетом скромных объемов потребления газа в Армении (2.3—2.4 млрд м³ в год) строительство новой магистрали (в случае заключения мирного договора между странами и установления дипломатических отношений) представляется экономически нецелесообразным.

Если рассматривать возможность поставок по территории Грузии (такой маршрут применяется “Газпромом” во время ремонтных работ на газопроводе Северный Кавказ — Закавказье), то при ожидаемом увеличении транзита через Грузию в Турцию и ЕС мощности грузинской ГТС для обеспечения стабильных поставок в Армению может не хватить. Правда, это лишь техническая сторона вопроса. Как уже было отмечено, вся ГТС Армении находится в собственности “Газпрома”. Следовательно, отказ от российского газа может негативно сказаться, например, на тарифной политике внутри страны или на инвестиционной программе оператора (дешевый газ на границе позволяет компании более эффективно выполнять свои обязательства). Если же рассматривать альтернативные поставки в целях диверсификации, то более целесообразным представляется увеличение импорта по газопроводу Иран—Армения, мощность которого используется лишь частично.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГРУЗИНСКИЙ РЫНОК

В энергосистеме Грузии, как и в советские годы, продолжают доминировать гидроэлектростанции (ГЭС), удельный вес которых в структуре установленных мощностей составляет 74%. Импортируемый ПГ используется преимущественно населением, парниковыми хозяйствами и ТЭС, доля которых в энергосистеме республики составляет 25% (оставшийся 1% покрыва-

ется ветроэлектростанциями). В настоящее время в стране функционирует шесть ТЭС на природном газе общей установленной мощностью 1154.4 МВт [ист. 22]. Несмотря на политику замены газовой теплогенерации на гидрогенерацию [10], ПГ все еще занимает заметное место в энергобалансе республики.

Проведенные в 1954—1964 гг. геологоразведочные работы показали наличие в Грузии залежей ПГ [11]. Его добыча сегодня осуществляется британской компанией *Block Energy* в объеме 15—18 млн м³ в год [ист. 23], чего, разумеется, недостаточно для покрытия внутреннего спроса. В 2023 г. импорт “голубого топлива” в республике составил 2.9 млрд м³ [ист. 24], в 2022 г. — 3.0 млрд м³. По итогам 2024 г. ожидался импорт в объеме 3.2 млрд м³ [ист. 25]. Основным поставщиком ПГ в Грузию является Азербайджан, откуда в 2023 г. было импортировано 2.5 млрд м³ ПГ, остальная же часть приходится на поставки из России. Важно отметить, что в 2023 г. Грузия увеличила импорт ПГ из России на 16.5% [ист. 24]. Не следует упускать из внимания также рост импорта сжиженного газа из России, которая является его основным поставщиком на грузинский рынок.

Наряду с этим наблюдается определенное понижение объемов поставок ПГ из Азербайджана. В частности, в 2023 г. по сравнению с предыдущим годом оно составило 21.4% [ист. 26]. Отметим, что с 2008 г. между правительством Грузии и азербайджанской национальной нефтегазовой компанией *SOCAR* действует договор, согласно которому последней были переданы в управление 23 региональных газораспределительных предприятия, что создает основу для долгосрочного планирования межгосударственной торговли природным газом между Баку и Тбилиси. События 2023 г. свидетельствуют как минимум о возможности системных перемен на грузинском газовом рынке (немаловажно, что в 2023 г. Грузия начала в незначительных объемах закупать газ из Ирана через территорию Азербайджана).

До 2008 г. (пятидневная война “08.08”) импорт ПГ в Грузию имел совершенно иную структуру: в 2007 г. 66.7% поставок осуществлялось из России, 33.3% — из Азербайджана [11]. В 2006 г. “Газпром” предложил Тбилиси закупать газ по цене 235 долл. за 1000 м³ вместо действующих 110 долл., на что получил категорический отказ с той аргументацией, что для соседей Грузии действует цена 65 долл. Переговоры окончательно

но зашли в тупик после того, как Тбилиси отверг предложение Москвы оплачивать будущие поставки за счет продажи России ряда национальных газотранспортных активов, в частности магистрального газопровода, по которому осуществляются поставки российского газа в Грузию и Армению [9].

Хотя в результате кризиса, вызванного взрывом на российском участке газопровода зимой 2006 г., Грузия начала импортировать российский газ на новых условиях, удельный вес российского “голубого топлива” на грузинском рынке начал постепенно падать, уступая поставкам из Азербайджана. Вместе с тем поставки из России в эти годы ни разу не прекращались, хотя осуществлялись в других целях. В частности, до 2017 г. ПГ из России поставлялся исключительно в качестве оплаты за транзит в Армению. В начале 2016 г. “Газпром” предложил Тбилиси осуществлять оплату транзита деньгами, а не сырьем. Находясь под давлением оппозиции, усмотревшей в возможной сделке сговор с Москвой, грузинское правительство отказалось от предложения, что создало определенные риски для энергетической безопасности Армении, так как в результате срыва сделки поставки в Армению были бы приостановлены. В марте 2016 г. стороны пришли к консенсусу, заключив новый договор о транзите, предусматривающий оплату сырьем. Речь, в частности, идет о 10% поставляемого в Армению ПГ. Однако, согласно новому договору, подписанному между Москвой и Тбилиси в начале 2017 г., стороны перешли на денежную оплату транзита, цена которого по настоящее время является коммерческой тайной. В свою очередь, “Газпром” гарантировал Грузии понижение цены на 30 долл. — до 185 долл. [12].

Таким образом, в последние годы наблюдается возвращение российского газа на грузинский рынок, что нередко становится для грузинской оппозиции поводом обвинить действующую власть в целенаправленном перемещении Грузии в фарватер российских геополитических интересов. Тиражирование подобных тезисов получило особое распространение на фоне принятия грузинским парламентом закона о “прозрачности иностранного влияния”, сворачивания американо-грузинского стратегического диалога, а также заявлений политического истеблишмента страны о недопустимости “украинизации” Грузии и открытия “второго фронта против России” [ист. 27].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Анализ газовых рынков стран Южного Кавказа показывает, что Россия продолжает играть в регионе важную роль, осуществляя поставки “голубого топлива” и одновременно оказывая влияние на развитие газотранспортных коммуникаций. Вместе с тем присутствие РФ на газовых рынках региона неоднородно, что вызвано существенной разницей как в объемах и динамике поставок ПГ, так и в договорно-правовой базе взаимодействия с каждой из южнокавказских республик. В частности, если Россия в лице ПАО “Газпром” владеет ГТС Армении и выступает здесь главным поставщиком ПГ, то в Азербайджане и Грузии картина совершенно иная. Поставки в Азербайджан осуществляются преимущественно в периоды сокращения внутренней добычи с целью покрытия дефицита. Грузия же, будучи транзитером российского ПГ в Армению, осуществляет импорт из России в целях диверсификации своего газового рынка, в настоящее время зависящего преимущественно от поставок из Азербайджана.

Взаимодействие России со странами Южного Кавказа в энергетической и, в частности, в газотранспортной сфере демонстрирует чувствительность к геополитическим процессам, что вполне естественно, учитывая динамично меняющуюся архитектуру безопасности региона и попытки активизации ряда внерегиональных акторов, включая США и ЕС. Это диктует России и странам региона необходимость активизации энергетической дипломатии, нацеленной на создание устойчивых и безопасных газотранспортных коммуникаций.

Возрастающий спрос на газ на европейском рынке будет неизбежно диктовать западным акторам проведение более проактивной политики на Южном Кавказе с целью реализации энерго-транспортной стратегии Европа—Кавказ—Азия (Восток—Запад) и обеспечения доступа к среднеазиатским энергоресурсам. В этой стратегии Южный Кавказ занимает важное место, хотя при проектировании через него логистических коридоров не всегда в равной степени учитываются геоэкономические интересы самих стран региона.

Можно также прогнозировать возрастание спроса на ПГ в самих южнокавказских республиках, учитывая его доступность и экологичность. В этой связи экономически и геополитически

целесообразно расширение энерготранспортных коммуникаций между странами Южного Кавказа и РФ — традиционно ключевым игроком региона. Речь прежде всего идет об увеличении пропускной способности газопровода

Северный Кавказ — Закавказье, а также использовании имеющихся мощностей газопровода Иран—Армения с целью формирования энергетического коридора в рамках логистической стратегии “Север—Юг”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Айвазян Д. Южный газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский Союз. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2018, № 2, сс. 128–134.
Ayvazyan D. The Southern Gas Corridor as the Instrument for the Diversification of the Gas Imports to the European Union. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2018, no. 2, pp. 128–134. (In Russ.) Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran2201820>
2. Чумаков Д.М. Перспективы Транскаспийского газопровода. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 47–54.
Chumakov D.M. Perspectives of Trans-Caspian Gas Pipeline. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 47–54. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54>
3. Бахшиян Г.С., Акопян А.Р. Увеличение пропускной способности газопровода Северный Кавказ—Закавказье для улучшения газоснабжения Республики Армения. *Газовая промышленность*, 2015, № 7, сс. 59–60.
Bakhshiyani G.S., Akopyan A.R. Increasing the Capacity of the North Caucasus—Transcaucasia Gas Pipeline to Improve Gas Supply to the Republic of Armenia. *Gas Industry*, 2015, no. 7, pp. 59–60. (In Russ.)
4. Коломейцева А.А. *Проблемы и перспективы взаимоотношений России и стран СНГ на рынке газа*. Москва, Издательский дом “Научная библиотека”, 2017. 246 с.
Kolomeytseva A.A. *Problems and Prospects of Relations between Russia and the CIS Countries in the Gas Market*. Moscow, “Scientific Library” Publishing House, 2017. 246 p. (In Russ.)
5. Федоровская И.М. Армения и Иран: современный этап сотрудничества. *Россия и новые государства Евразии*, 2015, № 3 (28), сс. 94–99.
Fedorovskaya I.M. Armenia and Iran: Contemporary Stage of Cooperation. *Russia and New States of Eurasia*, 2015, no. 3 (28), pp. 94–99. (In Russ.) Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2015_03/Armenia_Fedorovskaya.pdf (accessed 22.11.2024).
6. Гасумов Э.Р. Анализ современного состояния и тенденция развития газовой отрасли Азербайджана. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 2022, № 3–2, сс. 159–166.
Gasumov E.R. Analysis of the Current State and Development Trends of the Gas Industry of Azerbaijan. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2022, no. 3–2, pp. 159–166. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17513/vael.2111>
7. Кондратьев В. Азербайджано-туркменское соглашение по месторождению “Дружба” и его влияние на геоэкономику каспийского региона. *Геоэкономика энергетики*, 2021, № 2 (14), сс. 96–110.
Kondratiev V. Azerbaijan-Turkmenistan Agreement on the Druzhba Field and Its Impact on Geoeconomics of the Caspian Sea. *Geoeconomics of Energetics*, 2021, no. 2 (14), pp. 96–110. (In Russ.) Available at: http://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_14_2_96
8. Хань Тао. Европейская энергетическая безопасность и Туркменистан. *Инновации и инвестиции*, 2022, № 10, сс. 61–64.
Han Tao. European Energy Security and Turkmenistan. *Innovations and Investments*, 2022, no. 10, pp. 61–64. (In Russ.)
9. Боровский Ю.В. *Мировая система энергоснабжения*. Москва, Навона, 2008. 296 с.
Borovsky Yu.V. *World Energy Supply System*. Moscow, Navona, 2008. 296 p. (In Russ.)
10. Чомахидзе Д. Грузия: энергетическая политика. *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 6 (54), сс. 107–116.
Chomakhidze D. Georgia: Energy Policy. *Central Asia and the Caucasus*, 2007, no. 6 (54), pp. 107–116. (In Russ.)
11. Чомахидзе Д. Грузия: природные энергетические ресурсы. *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 4 (52), сс. 27–36.
Chomakhidze D. Georgia: Natural Energy Resources. *Central Asia and the Caucasus*, 2007, no. 4 (52), pp. 27–36. (In Russ.)
12. Кузьмина Е. Российско-грузинский энергодIALOG в действии. *Россия—Грузия. Отношения: энергетика, экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура*. Тбилиси, 2018, сс. 23–36.
Kuzmina E. Russian-Georgian Energy Dialogue in Action. *Russia-Georgia. Relations: Energy, Economy, Security, Geopolitics, Migration and Culture*. Tbilisi, 2018, pp. 23–36. (In Russ.)

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. США будут представлены на заседании по Южному газовому коридору в Баку. *Day.az*, 05.02.2024.
US to be Represented at Southern Gas Corridor Meeting in Baku. *Day.az*, 05.02.2024. (In Russ.) Available at: <https://news.day.az/economy/1634501.html> (accessed 08.08.2024).
2. Украина может начать переговоры с Азербайджаном о транзите газа. *Neftegaz.ru*, 08.08.2024.
Ukraine May Begin Negotiations with Azerbaijan on Gas Transit. *Neftegaz.ru*, 08.08.2024. (In Russ.) Available at: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/848175-ukraina-mozhet-nachat-peregovory-s-azerbaydzhanom-o-tranzite-gaza> (accessed 08.08.2024).
3. Алиев обвинил Европу в лицемерии по наращиванию поставок азербайджанского газа. *ТАСС*, 20.07.2024.
Aliyev Accused Europe of Hypocrisy in Increasing Supplies of Azerbaijani Gas. *TASS*, 20.07.2024. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/ekonomika/21410979> (accessed 08.08.2024).
4. Взрывы газопроводов на Северном Кавказе признаны терроризмом. *Российская газета*, 25.01.2006.
Gas Pipeline Explosions in North Caucasus Recognized as Terrorism. *Rossiiskaya Gazeta*, 25.01.2006. (In Russ.) Available at: <https://rg.ru/2006/01/25/gazoprovod-terakt-anons.html> (accessed 08.08.2024).
5. Грузия не продаст контрольный пакет акций газопровода “Север—Юг”. *INews.az*, 17.02.2011.
Georgia Will Not Sell a Controlling Stake in the North-South Gas Pipeline to an Azerbaijani Company. *INews.az*, 17.02.2011. (In Russ.) Available at: <https://1news.az/news/20110217100545863-Gruziya-ne-prodast-kontrolnyi-paket-aktsii-gazoprovoda-Sever-YUG> (accessed 08.08.2024).
6. Есть опасения, что Баку возьмет под контроль газопровод Россия—Армения. *Новое время*, 03.07.2010.
There are Concerns that Baku Will Take Control of the Russia-Armenia Gas Pipeline. *Novoye Vremya*, 03.07.2010. (In Russ.) Available at: <https://nv.am/est-opaseniya-cto-baku-vozm-et-pod-kontrol-gazoprovod-rossiya-armeniya/> (accessed 08.08.2024).
7. Армянский ребус: кому Грузия продаст газопровод из России? *EurasiaDaily*, 14.12.2016.
Armenian Rebus: to whom Will Georgia Sell the Gas Pipeline from Russia? *EurasiaDaily*, 14.12.2016. (In Russ.) Available at: <https://easaily.com/ru/news/2016/12/14/armjanskiy-rebus-komu-gruziya-prodast-gazoprovod-iz-rossii> (accessed 08.08.2024).
8. SOCAR расширила свою сеть газопроводов в Грузии. *Trend*, 18.07.2019.
SOCAR Expanded Its Gas Pipeline Network in Georgia. *Trend*, 18.07.2019. (In Russ.) Available at: <https://www.trend.az/azerbaijan/business/3092355.html> (accessed 08.08.2024).
9. SOCAR: в 2023 г. в Азербайджане снизилось потребление газа. *Caspian Barrel*, 11.02.2024.
SOCAR: Gas Consumption in Azerbaijan to Decrease in 2023. *Caspian Barrel*, 11.02.2024. (In Russ.) Available at: <https://caspianbarrel.org/ru/2024/02/socar-v-2023g-v-azerbajdzhane-snizilos-potreblenie-gaza/> (accessed 08.08.2024).
10. За 2022 г. добыча нефти в Азербайджане достигла 32.6 млн т, а газа — 46.7 млрд кубометров. *Neftegaz.ru*, 14.01.2023.
In 2022, Oil Production in Azerbaijan Reached 32.6 Million Tons, and Gas — 46.7 Billion Cubic Meters. *Neftegaz.ru*, 14.01.2023. (In Russ.) Available at: <https://neftegaz.ru/news/dobycha-/766357-za-2022-g-dobycha-nefti-v-azerbaydzhane-dostigla-32-6-mln-t-a-gaza-46-7-mlrd-kubometrov/> (accessed 08.08.2024).
11. “Газпром” вернулся в Азербайджан. *Коммерсант*, 22.11.2017.
Gazprom Returned to Azerbaijan. *Kommersant*, 22.11.2017. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3475181> (accessed 08.08.2024).
12. Туркменистан приостановил экспорт газа в Азербайджан. Стороны не смогли договориться об условиях поставок. *Хроника Туркменистана*, 07.01.2024.
Turkmenistan Has Suspended Gas Exports to Azerbaijan. The Parties Were Unable to Agree on the Terms of Supplies. *Chronicles of Turkmenistan*, 07.01.2024. (In Russ.) Available at: <https://www.hronikatm.com/2024/01/az-tm-gas-swap-halted/> (accessed 09.08.2024).
13. Добыча газа в Азербайджане выросла в январе—феврале на 2.5%. *Neftegaz.ru*, 13.03.2024.
Gas Production in Azerbaijan Increased by 2.5% in January—February. *Neftegaz.ru*, 13.03.2024. (In Russ.) Available at: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/823356-dobycha-gaza-v-azerbaydzhane-vyros-la-v-yanvare-fevrale-na-2-5/> (accessed 09.08.2024).
14. Газовая сделка Азербайджана с Россией порождает неприятные вопросы для Европы. *ИноСМИ*, 24.11.2022.
Azerbaijan's Gas Deal with Russia Raises Uncomfortable Questions for Europe. *InoSMI*, 24.11.2022. (In Russ.) Available at: <https://inosmi.ru/20221124/gaz-258166815.html> (accessed 09.08.2024).
15. В 2023 году объемы поставок ПГ в Армению составили 2 444,8 млн куб.м. ЗАО “Газпром Армения”, 31.01.2024.

- In 2023, the Volume of Natural Gas Supplies to Armenia Amounted to 2444.8 Million Cubic Meters.* “Gazprom Armenia” JSC, 31.01.2024. (In Russ.) Available at: <https://armenia.gazprom.ru/press/news/2024/01/1581> (accessed 09.08.2024).
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об условиях купли-продажи и дальнейшей деятельности ЗАО “АрмРосгазпром”. *Бюллетень международных договоров № 7, МИД РФ*, июль 2014, сс. 59-70.
Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on the Terms of Sale and Purchase and Further Activities of ArmRosGazprom CJSC. *Bulletin of International Treaties no. 7, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, July 2014, pp. 59-70. (In Russ.)
 17. Հայաստանի էներգետիկ համակարգի նվազագույն ծախսերով 2020–2036 թվականների զարգացման պլան: Շուկայի ազատականացման և էլեկտրաէներգիայի առևտրի ծրագիր. Washington, USAID, 2019. 5 p.
2020–2036 Development Plan of Armenia's Energy System with Minimum Costs. *Market Liberalization and Electricity Trading Program*. Washington, USAID, November 2019. 5 p. (In Arm.)
 18. Армения согласовала цену на российский газ: о чем договорились стороны. *Спутник Армения*, 23.12.2021.
Armenia Agreed on the Price of Russian Gas: What the Parties Agreed On. *Sputnik Armenia*, 23.12.2021. (In Russ.) Available at: <https://am.sputniknews.ru/20211223/armeniya-soglasovala-tsenu-na-rossiyskiy-gaz-o-chem-dogovorilis-storony-36786566.html> (accessed 09.08.2024).
 19. Газпром-Армения планирует инвестировать почти 149 млрд драмов в армянскую республику. *Neftegaz.ru*, 20.12.2023.
Gazprom-Armenia Plans to Invest Almost 149 Billion Drams in the Armenian Republic. *Neftegaz.ru*, 20.12.2023. (In Russ.) Available at: <https://neftegaz.ru/news/companies/808104-gazprom-armeniya-planiruet-investirovat-pochti-149-blrd-dramov-v-armyanskuyu-respubliku/> (accessed 09.08.2024).
 20. Армения начала платить за российский газ в рублях. *РБК*, 15.04.2022.
Armenia Started Paying for Russian Gas in Rubles. *RBC*, 15.04.2022. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/business/15/04/2022/625865449a7947d679afc820> (accessed 09.08.2024).
 21. Армения готова обсудить закупки газа с Азербайджаном. *Газета.ру*, 25.04.2024.
Armenia Is Ready to Discuss Gas Purchases with Azerbaijan. *Gazeta.ru*, 25.04.2024. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/04/25/22869638.shtml> (accessed 10.08.2024).
 22. Опыт Грузии в отношении ЦУР 7. UNECE, 24.02.2021.
Experience of Georgia in Relation to SDG 7. UNECE, 24.02.2021. (In Russ.) Available at: https://unece.org/sites/default/files/2021-02/8%20Geo_24.02.2021%20-w%28ru%29_0.pdf (accessed 10.08.2024).
 23. Добыча нефти в Грузии выросла на 200%. *Агентство нефтегазовой информации*, 31.10.2023.
Oil Production in Georgia Increased by 200%. *Oil and Gas Information Agency*, 31.10.2023. (In Russ.) Available at: <https://angi.ru/news/2911596-Добыча%20нефти%20в%20Грузии%20выросла%20на%20200/> (accessed 10.08.2024).
 24. Грузия в 2023 году увеличила импорт ПГ из РФ на 16.5%. *Интерфакс*, 26.01.2024.
In 2023, Georgia Increased Imports of Natural Gas from RF by 16.5%. *Interfax*, 26.01.2024. (In Russ.) Available at: <https://www.interfax.ru/world/942063> (accessed 10.08.2024).
 25. Какой объем ПГ импортирует Грузия в 2024 году? *Спутник Грузия*, 08.01.2024.
What Volume of Natural Gas Georgia Will Import in 2024? *Sputnik Georgia*, 08.01.2024. (In Russ.) Available at: <https://sputnik-georgia.ru/20240108/kakoy-obem-prirodnogo-gaza-importiruet-gruziya-v-2024-godu-285484200.html> (accessed 10.08.2024).
 26. Азербайджан в 2023 г. поставил в Грузию 2.5 млрд куб. м газа. *Интерфакс*, 21.02.2024.
Azerbaijan Delivered 2.5 Billion Cubic Meters of Natural Gas to Georgia in 2023. *Interfax*, 21.02.2024. (In Russ.) Available at: https://dzen.ru/news/story/ca995db1-c1b2-5729-9fdd-e6a0096a7eea?utm_referrer=www.google.com (accessed 10.08.2024).
 27. Премьер Грузии исключил “украинизацию” страны. *РБК*, 21.06.2024.
Prime Minister of Georgia Ruled out “Ukrainization” of the Country. *RBC*, 21.06.2024. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6674af829a7947f7590701ca> (accessed 10.08.2024).

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ¹ (Часть вторая)

© 2025 г. П.П. Черкасов

ЧЕРКАСОВ Петр Петрович, член-корреспондент РАН,
ORCID 0000-0003-3723-1657, ptch46@mail.ru
Институт всеобщей истории РАН, РФ, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а;
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила 20.09.2024. После доработки 20.11.2024. Принята к печати 21.11.2024.

Аннотация. Вторая страница в истории Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХП) была связана с именем Валериана Оболенского, больше известного под литературным псевдонимом Н. Осинский. Это был старый большевик, видный государственный и партийный деятель, один из первых советских экономистов-марксистов. Он пришел в Институт в начале 1926 г. и проработал там менее двух лет. При нем Институт мирового хозяйства несколько расширил состав сотрудников и определил основные направления исследований. Тогда же при Институте началось издание журнала “Мировое хозяйство и мировая политика”, а также завершена подготовка Ежегодника с аналогичным названием. Как журнал, так и Ежегодник в скором времени приобретут международное признание и войдут в первый ряд мировых периодических аналитических изданий экономического и политического профиля. Успешная работа Института мирового хозяйства затруднялась не только малой численностью научных сотрудников, но и тем, что его директор работал там по совместительству. В 1926–1928 гг. Н. Осинский одновременно был начальником Центрального статистического управления (ЦСУ), членом советского правительства – Совета народных комиссаров СССР, что оставляло ему мало времени для полноценного руководства Институтом. В статье, подготовленной на архивных источниках, рассматривается деятельность ИМХП в 1926 – начале 1927 г., когда Институтом руководил Н. Осинский (Оболенский).

Ключевые слова: Институт мирового хозяйства и мировой политики, Осинский (Оболенский), Преображенский, Радек, Троцкий, Бухарин, Рыков, Раковский, Иванов, Виноградов, Галкович, Ерусалимский, Герценштейн, Каплан.

INSTITUTE OF WORLD ECONOMY AND WORLD POLITICS: THE 100th ANNIVERSARY OF FOUNDATION (Part Two)

Petr P. CHERKASOV,
ORCID 0000-0003-3723-1657, ptch46@mail.ru
Institute of World History, Russian Academy of Sciences (IWH RAS), 32A, Leninskii Pros., Moscow,
119334, Russian Federation;
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
(IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 20.09.2024. Revised 20.11.2024. Accepted 21.11.2024.

Abstract. The second part of the history of the Institute of World Economy and World Politics was associated with the name of Valerian Obolenskii, better known under the literary double N. Osinskii. He was an old Bolshevik, a prominent state and party leader, one of the first Soviet Marxist economists. He joined the Institute at the beginning of 1926, and had been working there for less than two years. Under his leadership, the Institute of World Economy expanded its staff and worked out the main areas of research. At the same time, the Institute began publishing of the “World Economy and World Politics” journal and completed the preparation of the Yearbook under the same name. Both the journal and the Yearbook soon gained international recognition and became the world’s first rate periodical analytical editions with economic and political specialization. The successful work of the Institute of World Economy was impeded not only by a small number of researchers, but also by the fact that its director worked there part-time. In 1926–1928, N. Osinskii was simultaneously the head of the Central Statistical Office (CSO), a member of the Soviet

¹ Окончание. Начало см.: в № 1 за 2025 г.

government – the Council of People's Commissars of the USSR, which left him little time for full management of the Institute. This article prepared using archival sources examines the activities of the Institute of World Economy and World Politics headed by N. Osinskii (V. Obolenskii) in 1926 – early 1927.

Keywords: Institute of World Economy and World Politics, Osinskii (Obolenskii), Preobrazhenskii, Radek, Trotskii, Bukharin, Rykov, Rakovskii, Ivanov, Vinogradov, Galkovich, Erusalimskii, Herzenstein, Kaplan.

About author:

Petr P. CHERKASOV, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Principal Researcher.

ВВЕДЕНИЕ

В 1926 г. в Институте мирового хозяйства и мировой политики появился новый директор – Н. Осинский. К сожалению, ни в Архиве РАН, ни в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – ныне РГАСПИ – пока не удалось обнаружить документ о назначении Осинского директором ИМХП. Из имеющихся же документов следует, что уже в феврале 1926 г. Институтом руководил именно он.

Здесь необходимо сделать одно уточнение. Н. Осинский – это литературный псевдоним, под которым в советскую историю вошел Валериан Валерианович Оболенский (1887–1938), старый большевик, видный государственный и партийный деятель, один из первых советских экономистов, действительный член Академии наук СССР.

Он родился в семье обедневшего дворянина, ветеринарного врача, придерживавшегося леворадикальных убеждений, которые сумел внушить и своему сыну, примкнувшему в 1905 г. к социал-демократическому движению. В 1907 г. В. Оболенский вступил в РСДРП(б), вел активную пропагандистскую работу среди рабочих московских предприятий. Дважды арестовывался властями и подвергался ссылке. Высшее юридическое образование получил в Московском университете, а также в университетах Берлина и Мюнхена, где специализировался по экономике. С 1912 г. публиковался под псевдонимом Н. Осинский. Этот псевдоним он взял в память о глубоко почитаемом им Валериане Андреевиче Осинском (1853–1879), революционере-народовольце, организаторе нескольких террористических актов, казненном в 1879 г.

После прихода большевиков к власти Н. Осинский (Оболенский), считавшийся знатоком экономических проблем, стал первым управляющим Государственным банком советской России, а затем первым председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ РСФСР). Он входил в состав Совнаркома СССР,

был заместителем наркома земледелия, членом президиума Госплана СССР, в течение двух лет (1926–1928) возглавлял Центральное статистическое управление (ЦСУ СССР), а затем – Центральное управление народно-хозяйственного учета при Госплане. Наряду с В.П. Милютиным считался самым авторитетным в СССР экономистом. В 1922 г. он использовал свое влияние, чтобы добиться отмены высылки за границу выдающегося экономиста Н.Д. Кондратьева.

В 1928–1929 гг. Осинский входил в состав Президиума Коммунистической академии. В 1932 г. его избрали членом АН СССР, а в 1935-м – членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ). Ему принадлежат многочисленные труды, брошюры и публицистические очерки по экономической проблематике: “Морские хлебные фрахты: Черноморско-Азовское побережье” (1914); Урожаи хлебов в Южной России (1915); “Строительство социализма” (1918); “Государственное регулирование крестьянского хозяйства” (1920); “Мировое хозяйство в оценке наших экономистов” (1923); “Мировой сельскохозяйственный кризис” (1923); “Мировое хозяйство и кризисы” (1924); “Очерки мирового сельскохозяйственного рынка” (1925); “Американское сельское хозяйство по новейшим исследованиям” (1925); “По сельскохозяйственным штатам Северной Америки” (1926); “Положение и ближайшие задачи статистики” (1927); “Международные задачи статистики” (1927); “Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР” (1928); “Что такое учет” (1932).

С 1921 по 1937 г. (с небольшим перерывом) он избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В разные годы принадлежал к оппозиционным течениям внутри ВКП(б) – “левым коммунистам” и “децистам” (группе “демократического централизма”), за что подвергался мягкой опале: его отправляли на партийно-хозяйственную работу в провинцию, но вскоре возвращали в Москву. А за участие в демарше “левой оппозиции” (“Заявление 46-ти”, обращенное в Политбюро ЦК РКП(б) с требованием расширения внутрипартийной демократии и отказа от пря-

мого партийного руководства Советами), Осинский (Оболенский) в апреле 1923 г. был направлен в Стокгольм полпредом СССР в Швеции, где провел полгода.

В 1924–1925 гг. он находился в командировке в США, где ознакомился с развитием сельского хозяйства и строительством шоссе-ных дорог. Особый интерес у него вызвало американское автомобилестроение. Сам Генри Форд провел для Осинского экскурсию по своему автопредприятию в Детройте. По возвращении в Москву Осинский активно продвигал идею ускоренного создания в СССР собственной автомобильной промышленности, сумев убедить И.В. Сталина и председателя Совнаркома А.И. Рыкова в необходимости строительства Нижегородского (Горьковского) автозавода в сотрудничестве с американской фирмой *Ford Motor Company*. Это строительство было начато в 1929 г., а уже в 1932 г. с конвейера автозавода вышли первые образцы отечественных грузовых (ГАЗ-АА) и легковых (ГАЗ-А) автомобилей.

В это время инициатор строительства Горьковского автозавода уже трудился на посту заместителя председателя Госплана СССР, где, среди прочего, руководил Комиссией по подготовке Всесоюзной переписи населения, которая после неоднократных отсрочек была проведена в 1937 г.

В Госплане Осинский проработал два года. В 1935 г. последовало демонстративное понижение, когда его назначили директором Института истории науки и техники², а после первого Московского процесса в отношении “троцкистско-зиновьевского террористического центра” (август 1936 г.) над головой Осинского начали сгущаться тучи. Ему стали припоминать бывшее участие в оппозиции и дружбу с бывшими соратниками, уже объявленными “врагами народа”. Последним тревожным сигналом стало внезапное выведение Осинского из состава ЦК ВКП(б) в июне 1937 г. и последующее переселение его семьи из Кремля, где она проживала с 1918 г.,

² Ныне — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Этим институтом до Н. Осинского руководил Н.И. Бухарин, совмещавший директорские обязанности с работой в газете “Известия”. По свидетельству С.В. Оболенской, дочери Осинского, ее отец был рад этому назначению, так как из-за обострившихся разногласий со Сталиным разочаровался в политической работе и мечтал сосредоточиться на научных исследованиях. Вскоре после ареста Осинского Институт истории науки и техники, объявленный “центром антисоветского заговора”, был закрыт (воссоздан в 1953 г.).

в 1-й Дом Советов ЦИК и СНК СССР (“Дом на набережной”). По злой иронии судьбы (или по указанию коварного вожда?) Осинским сначала предоставили квартиру арестованного месяцем ранее командарма 2-го ранга А.И. Корка, а затем перевели в освободившуюся квартиру тоже арестованного еще в феврале 1937 г. А.И. Рыкова, бывшего главы правительства и бывшего члена Политбюро. Правда, окончательно обустроиться в этой квартире Осинские так и не успели.

14 октября 1937 г. последовал арест главы семейства и его старшего сына, Вадима, инженера-конструктора НИИ Наркомата оборонной промышленности СССР. В последний раз Осинского видели в марте 1938 г. на процессе Бухарина—Рыкова (дело “антисоветского правотрилистского блока”), где он давал свидетельские показания против двух своих бывших товарищей. А 1 сентября того же года уже сам Осинский был приговорен к смертной казни. В тот же день он был расстрелян на спецполигоне НКВД “Коммунарка”³.

Среди многих постов, занимавшихся в разные годы Н. Осинским, был один, который нас в данном случае интересует в первую очередь. В период с начала 1926 по 1927 г. он был директором Института мирового хозяйства и мировой политики. Об этом этапе начальной истории ИМХП и пойдет речь в данной статье.

ВТОРОЙ ДИРЕКТОР. КАДРОВЫЙ АКТИВ ИНСТИТУТА. ЖУРНАЛ “МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА”

Казалось бы, Н. Осинский (В. Оболенский) как нельзя лучше подходил на роль директора ИМХП — и по высокому уровню профессиональной компетентности, и по широкому кругу интересовавших его как экономиста-международника проблем. Но с самого начала возник один вопрос, делавший проблематичной его полноценную работу в Институте: надолго ли Осинский пришел в ИМХП?

У тех, кто так думал, были на то серьезные основания. Вся предыдущая биография Осин-

³ Его сын, Вадим Валерианович Оболенский, был расстрелян еще в декабре 1937 г. Н. Осинского (В. Оболенского) реабилитировали посмертно в 1957 г. Его жена, Екатерина Михайловна Оболенская (1889–1964), которая восемь лет провела в лагерях ГУЛАГа, была реабилитирована двумя годами ранее — в 1955-м. Воспоминания об отце и его семье оставила дочь Н. Осинского [1].

ского, связанная с высокими государственными постами, которые он занимал, не могла не породить предположения относительно его будущего. Опасения оправдались. Приход Осинского в ИМХП практически совпал с его назначением в Совнарком СССР.

4 февраля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось: “Назначить тов. Осинского начальником Центрального статистического управления, с введением его в состав СНК СССР с правом решающего голоса. Поручить т. Рыкову (Председатель Совнаркома СССР. — П.Ч.) сегодня же провести настоящее постановление в советском порядке” [ист. 1]. Это означало, что руководить ИМХП Осинский будет по совместительству с основной работой в ЦСУ и Совнарком, важность и объем которой оставляли директору совсем мало времени для выполнения его обязанностей в Институте.

Тем не менее, несмотря на крайнюю загруженность основной работой, новый директор будет стараться уделять внимание и Институту. Он сосредоточился на двух направлениях — укреплении его кадрового состава и уточнении проблематики исследований. К моменту его прихода в Институт там работали всего 17 человек, из которых лишь 10 сотрудников (2 заведующих отделами и 8 референтов) вели самостоятельные научные исследования. Вспомогательная работа осуществлялась 4 помощниками референтов, техническим секретарем, машинисткой и библиотекарем [ист. 2]. Если тогдашнего референта ИМХП можно было бы приравнять к современному старшему научному сотруднику, то помощник референта — это что-то среднее между младшим научным и научно-техническим сотрудником. При Осинском произошло и уточнение названий должностей: вместо референтов появились научные сотрудники 1-го и 2-го разряда, что, как можно предположить, соответствует нынешним должностям ведущего и старшего научного сотрудника.

Менее чем за два года работы в ИМХП Н. Осинскому удалось расширить штат сотрудников на 10 человек. Как и Ф.А. Ротштейн, его предшественник на посту директора Института, Осинский самым тщательным образом подходил к подбору научных и научно-вспомогательных кадров, о чем свидетельствуют сохранившиеся в Архиве РАН документы. Число желающих попасть на работу в ИМХП существенно превышало штатные возможности Института. Поэтому

от кандидатов требовали предоставления документов об образовании, имеющихся научных публикаций и знания иностранных языков. Для иллюстрации можно привести три фрагмента из документа под названием “Список лиц, желающих работать в Институте мирового хозяйства и мировой политики” [ист. 2]:

«И. Литвинов. Хочет работать по изучению народного хозяйства Германии в 1924 г. Окончил Институт Красной Профессуры. Имеет печатную работу “Промышленная депрессия в России 1905—1909 гг.”. Печатаются следующие работы: 1. Об экономических причинах первой мировой войны, о теории империализма и теории накопления Розы [Люксембург]. 2. Происхождение капитализма в Германии. 3. Экономические последствия столыпинской реформы.

В совершенстве владеет немецким языком, знает другие иностранные языки.

[Резолюция директора]: “Зачислить в сотрудники”».

«Л.Н. Иванов. Хочет работать на должности референта по Англии и Америке. Окончил отделение Внешних Сношений [Факультета общественных Наук 1-го МГУ]. Работает постоянным сотрудником “Международной Летописи”, в которой ведет отдел внеевропейской хроники. Имеет напечатанные статьи: “Национальные меньшинства после мировой войны” и несколько статей по вопросам международной политики... Печатается статья “Мировая экспансия Соединенных Штатов...” Знает языки: французский, английский и немецкий.

[Резолюция директора]: “В сотрудники”».

«М. Кастерин. Член РКП с марта 1917 г. Занимал целый ряд ответственных должностей по партийной и советской линии Губ. масштаба. Учился в 1913 г. в университете, был Зав. Наробр. в г. Баку. Окончил Институт Красной Профессуры по экономическому факультету. Преподаватель зоотехнич. Ин-та, знает немецкий и английский языки.

[Резолюция директора]: “В сотрудники”».

Нередки были случаи отклонения кандидатур, не отвечавших необходимым требованиям.

Не менее тщательный отбор проходили кандидаты на должности научно-вспомогательного и технического персонала, включая сотрудников библиотеки и архива. Здесь можно привести два примера из упоминавшегося выше “Списка”:

«Другач Д.Я. Знает немецкий, английский и французский языки, печатает на машинке, имеет высшее образование. Слушала лекции в Гейдельберге, Берлине и Берне. В марте 1921 г. была командирована в Ковно [Каунас] заведующей Отделом информации и печати Полпредства [РСФСР].

[Резолюция директора]: “Библиотекарем”».

«Зиглин Р. Знает английский, немецкий, французский и шведский языки. Высшее образование. Рекомендация Керженцева⁴ и Херсонской. Работала в Библиотеке НКВД⁵.

[Резолюция директора]: “Библиотекарем”» [ист. 2].

При Н. Осинском состав штатных сотрудников ИМХП расширился до 23 человек, а внештатных⁶ — до 10. Из числа “штатников” четверо занимали должности научных сотрудников 1-го разряда (Айзенштадт, Иванов, Харин и Мирошхин) и шесть — научных сотрудников

2-го разряда (Галкович, Горфинкель, Пушас, Ерусалимский, Герцбах и Виноградов) [ист. 2].

Любопытные характеристики некоторым своим коллегам дал ветеран ИМХП В.И. Каплан в небольшой книге, изданной уже после его смерти в 1990 г. [2, сс. 11-13].

Л.Н. Иванов, пишет Каплан, “был плодовитым автором, но его работы нельзя было отнести к числу серьезных исследований, поскольку они не содержали глубокого анализа предмета. Тем не менее к концу существования Института он стал академиком. Довелось ему поработать и в новом Институте мировой экономики и международных отношений. Умер он в 1957 г. в возрасте 54 лет”⁷.

«Интересным человеком, в судьбе которого оставила заметный след работа в Институте, — вспоминал Каплан, — был Б.Д. Виноградов. Уже в двадцатилетнем возрасте он занимал большой пост — секретаря Калужского губкома партии. В 1923 г. он вместе с будущим директором Макевского завода Гвахарией и другими активистами энергично выступал в Университете за соблюдение ленинских норм в партии, за внутрипартийную демократию. Высокий, импозантный, с красивым, типично русским лицом, он очень подходил для большой дипломатической работы, на которую, как и М. Галкович, ушел в 1930 г. Б.Д. Виноградов стал советником Посольства СССР в Берлине, а затем — послом в Варшаве, где и застал его 1937 г.

Из молодых людей, привлеченных в 20-х годах к научной работе в Институте, — вспоми-

⁴ Платон Михайлович Керженцев (1881–1940) — советский государственный деятель и дипломат. В 1921–1926 гг. — полпред СССР в Швеции и Италии, затем — заместитель Управляющего ЦСУ (Н. Осинского), заместитель заведующего Отделом пропаганды, агитации и печати ЦК ВКП(б), Управляющий делами Совнаркома СССР (1930–1933). В последние годы жизни работал в издательстве “Советская энциклопедия”.

⁵ В 1920-е годы Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) занимался обеспечением административного контроля над исполнением правительственных решений и распоряжений, а также охраной общественного порядка, включая розыск и дознание по уголовным преступлениям. В функции НКВД входили также соблюдение паспортного режима, выдача внутренних и заграничных паспортов. Вопросами обеспечения государственной безопасности занималось в то время Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Такое положение сохранялось до июля 1934 г., когда произошло слияние ОГПУ и НКВД в единый орган, обеспечивающий и общественный порядок, и государственную безопасность.

⁶ Среди внештатных сотрудников ИМХП был в то время и Борис Ефимович Штейн (1892–1961). Он совмещал ответственную работу в НКВД (полпред СССР в Финляндии и Италии, заведующий различными отделами в Наркоминделе, участник многих международных конференций) с научными исследованиями, опубликовав ряд книг и множество статей по международно-политической проблематике. Работа “внештатников” (совместителей по современной терминологии) оплачивалась по-разному, в зависимости от их профессионального уровня и важности разрабатываемой проблематики. В одном из институтских документов, подписанных Н. Осинским, об этом говорилось: “Работы т.т. ЛИФШИЦА, СОХАР, ФОМИНА, ФЕЙНГАРТА, и СУХАРЕВСКОГО оплачивать в различных размерах” [ист. 2].

⁷ Иванов Лев Николаевич (1903–1957) — советский историк-международник, доктор исторических наук (1937), академик АН СССР (1943), специалист в области международных отношений первой половины XX в. Занимался изучением вопросов, связанных с ролью морских вооружений в мировой политике, за что его нередко называли “морским академиком”. Работал в ИМХП вплоть до его закрытия в 1947 г., после чего перешел на работу в МГИМО МИД СССР, где заведовал кафедрой истории международных отношений и дипломатии. С 1956 г. вплоть до своей смерти 6 сентября 1957 г. работал в ИМЭМО. Отношение к Л.Н. Иванову в ИМХП, как впоследствии и в ИМЭМО, было достаточно критическим. Многие, как и В.И. Каплан, считали его поверхностным исследователем, а полученные им академические регалии незаслуженными. Полагали, что своей стремительной карьерой Иванов во многом обязан чьему-то высокому покровительству. Резко отрицательно к Иванову относился академик Е.С. Варга, возглавивший ИМХП в конце 1927 г. В своих предсмертных записках он называл его “отъявленным негодяем, которого Вышинский прочил на мое место директора Института” [ист. 3, с. 157].

нал Каплан, — самым способным был А. Герценштейн⁸. Это признавали все. Еще обучаясь в Университете, он написал оригинальную книгу “Теория капиталистического рынка”, в которой критиковал позиции Р. Люксембург, Булгакова, Туган-Барановского по вопросу о роли и значении внешних рынков при капитализме. Директор Института Маркса—Энгельса Д.Б. Рязанов, которого В.И. Ленин назвал “крупнейшим знатоком Маркса в нашей стране”, давая характеристику молодому ученому, сказал, что, “если соединить его (Рязанова) знания и способности Герценштейна, то получится второй Маркс”. А. Герценштейн, так же как и М. Галкович и Б.Д. Виноградов, дожил лишь до 1937 г. Он погиб, когда ему не было и 35 лет.

Наконец, — продолжает В.И. Каплан, — отметим известного германиста А.С. Ерусалимского⁹. Он начал работать в Институте еще при Н. Осинском и несомненно был одним из самых интересных советских историков. Он стал профессором Московского университета задолго до защиты им докторской диссертации. В отличие от ряда других известных историков (Лукина, Фридлянда и др.), А.С. Ерусалимский пережил 1937 г. и скончался в 1965 г.»

К концу директорства Осинского состав ИМХП расширился за счет как научных сотрудников, так и научно-технических — работников библиотеки и архива. Здесь следует сказать хотя бы несколько слов об архиве Института.

Это был не архив в его общепринятом понимании, а что-то вроде справочно-информационного отдела, где обрабатывалась информация из различных печатных изданий, прежде всего зарубежных. Пять сотрудников архива изучали газеты и журналы, делали тема-

тические вырезки по интересующим Институт вопросам и составляли соответствующие досье, которыми пользовались научные сотрудники. Из отчета архива ИМХП за 1926 г. следует, что его сотрудники регулярно просматривали 65 получаемых Институтом газет и до 50 журналов политического и экономического профилей. Из просмотренных газет и журналов делали в среднем до 220 вырезок, распределявшихся по специально разработанным научными сотрудниками рубрикам¹⁰. Одновременно велась картотека статей, публиковавшихся в иностранных специализированных журналах. Материалами архива могли пользоваться сотрудники как ИМХП, так и сотрудники других советских учреждений.

Когда в 1956 г. будет создаваться ИМЭМО, то одним из первых подразделений в нем сформируют Отдел информации, главной задачей которого, как и в ИМХП, станет первичная обработка получаемой иностранной прессы и составление проблемно-тематических досье согласно составленному рубрикатору. В 1970-е годы этой важной работой в Отделе информации занимались до 100 сотрудников со знанием иностранных языков.

В связи с приближавшейся 10-й годовщиной Октябрьской революции руководство ИМХП в последнем квартале 1926 г. утвердило план работы по проблеме “10 лет капиталистического окружения СССР”. Этот план предполагал подготовку серии публикаций: коллективный труд “Капиталистические интервенции и попытки создания единого фронта против СССР” (Е.Б. Пашуканис, Л.Н. Иванов, М.Г. Галкович, А.С. Ерусалимский, Б.Д. Виноградов); Б. Штейн “Капиталистические объединения и СССР”; Б. Лившиц “Кредитная блокада и экономическая политика капиталистических стран по отношению к СССР, на основании наших секретных документов”; Статистический сборник “Место СССР в мировом хозяйстве” (М. Спектатор, Е. Горфинкель).

⁸ А. Герценштейн был зачислен в Институт на должность научного сотрудника-ассистента в январе 1927 г., незадолго до ухода Н. Осинского с поста директора [ист. 2].

⁹ Ерусалимский Аркадий Самсонович (1901—1965) — выдающийся советский историк, патриарх отечественной германистики, автор капитальных трудов по внешней и колониальной политике Германии XIX—XX вв. Лауреат Сталинской премии (1950), член-корреспондент Академии наук ГДР (1956). Выпускник Факультета общественных наук 1-го МГУ. В 1925—1941 гг. Ерусалимский работал в ИМХП, с 1945 по 1965 г. — в Институте истории АН СССР. По поручению Сталина он редактировал перевод на русский язык воспоминаний Отто фон Бисмарка и написал к ним обширное предисловие (1940). Преподавал в Институте красной профессуры, в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), в Дипломатической академии МИД СССР и на Историческом факультете МГУ.

¹⁰ Экономическая проблематика рубрикатора на середину 1926 г. включала в себя широкий круг тем: экспорт и импорт капитала в Голландии; английское судостроение; торговая политика Америки и иностранная монополия сырья; экспорт американского капитала; мировой транспорт; борьба за каучук между Америкой и Англией; импорт капитала в Германии; аграрная политика английской либеральной партии; борьба Германии за новые рынки; американский биржевой кризис; английский угольный кризис; общее экономическое положение Германии; различные вопросы о международных долгах и др. [ист. 2].

Кроме того, было предусмотрено издание семи брошюр об отношениях СССР с США, Англией, Германией, Францией, Италией, “Балтийскими Лимитрофами” и Польшей. Среди исполнителей — Угаров, Лудшувейт, Ревзин, Айзенштадт, Герцбах и Пушас [ист. 2].

Когда Н. Осинский пришел в ИМХП, то сразу же обратил внимание на определенный, с его точки зрения, перекося в сторону американской проблематики в ущерб европейским и азиатским исследованиям. При этом он в полной мере сознавал возмраставшую экономическую мощь и влияние США, где годом ранее побывал, убедившись в больших возможностях и перспективах американской экономики.

Тем не менее новый директор решил скорректировать план работы Института, выделив четыре главных направления исследований. В представленном им в Комакадемию отчете за 1926 г. [ист. 2] они определялись следующим образом: 1. Судьбы Европы (то есть разработка вопросов, связанных с перспективой развития хозяйства и политикой современных капиталистических стран Европы). 2. Проблема пробуждения Востока. 3. Колониальная проблема после войны. 4. СССР и капиталистическое окружение.

Наряду с этими главными направлениями работы Института, Осинским были определены еще четыре дополнительных (“добавочных”): 1. Технические сдвиги и их отражение в экономических и статистических показателях. 2. Сырье и борьба из-за него. 3. Надвигающийся экономический кризис. 4. Будущее мирового хлопководства.

В плане Института появилось еще одно самостоятельное направление исследований — «дополнение новейшими данными работ Ленина “Новые данные о законах развития капитализма в земледелии”» [ист. 2].

Важной формой работы Института стало регулярное заслушивание и обсуждение докладов научных сотрудников по темам, которыми они занимались. “Должны быть регулярно устраиваемы совещания научных сотрудников Института, как для заслушивания представляемых научных докладов, так и для совещания по вопросам, касающимся работы всего Института в целом, или его отдельных частей (журнала, архива и т. д.). Таким образом, — говорилось в одном из отчетных документов ИМХП за 1926 г., — может достигаться координация работы всех сотрудни-

ков Института, и точное исполнение заданий, устанавливаемых его Коллегией (то есть Дирекцией. — П.Ч.)” [ист. 2].

Так, в последнем квартале 1926 г. состоялось обсуждение шести докладов: “О положении во Франции” (Айзенштадт); “О германо-американских отношениях” (Ерусалимский); “О положении в Латвии” (Герцбах); “К положению мирового хозяйства на первые три квартала текущего года” (Горфинкель); “Понятие мирового хозяйства” (Ревзин).

С докладами в ИМХП выступали и отдельные руководящие работники Коминтерна, ЦК РКП(б) и СНК СССР. Частыми гостями в Институте были Евгений Преображенский и Карл Радек. Первый в начале 1920-х годов был секретарем ЦК РКП(б), основателем и первым руководителем Агитпропа, а в 1924–1927 гг. — заместителем председателя Главного концессионного комитета при СНК СССР и одновременно членом Коллегии Наркомата финансов СССР.

Е.А. Преображенского знали не только как партийного деятеля, но также как видного экономиста и социолога. Он был автором двухтомника “Новая экономика (теория и практика)” (1922, 1928 гг.), а в соавторстве с Н.И. Бухариным в 1919 г. выпустил получившую широкую популярность книгу “Азбука коммунизма”. Преображенский охотно сотрудничал с ИМХП, публикуя в его изданиях свои статьи и брошюры по международно-экономической тематике.

К.Б. Радек в 1919–1924 гг. — член ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна, постоянный автор центральных газет “Правда” и “Известия”. В 1925–1927 гг. он был ректором московского Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, где готовились партийные кадры одновременно для КПК и для партии Гоминьдан. Его дальнейшей карьере помешала близость к Троцкому, за что в 1927 г. он исключался из ВКП(б) и даже подвергался краткосрочной ссылке в Красноярск. Мешали ему и его личные качества. Будучи одним из самых ярких партийных публицистов и ораторов, злоязычный Радек не щадил самолюбия не только своих оппонентов, но и товарищей. Его таланту завидовали, его побаивались и недолюбливали. Радеку приписывали убийственную характеристику Сталина — “ярко серый”, что, конечно, стало известно вождю, который в нужный момент сведет счеты с неисправимым “троцкистом”...

Одно из выступлений Радека в ИМХП состоялось в феврале 1926 г. Позднее сокращенный текст доклада и его обсуждение были опубликованы¹¹. Воспоминания об этом выступлении оставил присутствовавший в зале В.И. Каплан. «К.Б. Радек, — вспоминает Каплан, — выступил в Институте с обстоятельным докладом на тему “Стабилизация капитализма”, в котором он отметил, что “план Дауэса” содействовал этому процессу. В прениях по докладу участвовали Е.А. Преображенский, В.П. Милютин, С. Лозовский, Крицман (секретарь В.И. Ленина), Е.Б. Пашуканис, Е.С. Варга, М.И. Рубинштейн и др. Ими были высказаны различные и даже противоположные точки зрения: от утверждений о временной, непрочной стабилизации капитализма до ссылки на значительный технический прогресс, достигнутый в передовых странах. Е.С. Варга говорил об обнищании в результате войны, а его оппоненты указывали, что объем выпуска продукции тяжелой промышленности в капиталистическом мире вырос в полтора раза по сравнению с довоенным уровнем и что наблюдается ускоренное развитие важнейших отраслей промышленности, рационализация производства и массовая замена основного капитала. С. Лозовский в своем выступлении отметил, что налицо территориальное расширение капитализма, что его развитие идет в ряде стран и на целых континентах по восходящей линии.

В заключительном слове К.Б. Радек подчеркнул, что задача его доклада сводилась к постановке недостаточно исследованных вопросов мирового экономического развития в послевоенный период, которое необходимо изучать в Институте конкретно и основательно, в особенности новые явления» [2, с. 21].

Дискуссии по вопросу стабилизации капитализма были тесно связаны с крайне актуальным во второй половине 1920-х годов вопросом о возможности новой военной интервенции против СССР. В это время недавно восстановленные дипломатические и торговые отношения с Западом переживали кризис, в значительной степени вызванный активной деятельностью Коминтерна. Правящие круги европейских стран усматривали в этом желание Москвы дестабилизировать у них внутрисоветскую обстановку. Такого рода опасения высказывались, в част-

ности, в Лондоне и Париже, а также в Польше и в государствах-“лимитрофах” — Латвии, Литве и Эстонии. Многим в Европе, и прежде всего во Франции и Англии, не нравилось налаживание торгово-экономического взаимодействия СССР с побежденной Германией.

Не было, конечно, случайностью, что в решениях международных конференций в Локкарно (октябрь 1925 г.) и Женеве (июнь 1927 г.) подтверждались неприкосновенность западных границ Германии, но ничего не говорилось о ее границах на востоке. Это “упущение” было воспринято в Москве как сознательное, более того — как сигнал для Германии, куда ей надлежит направить свой реваншистский потенциал.

Когда в мае 1926 г. в Великобритании разгорелась всеобщая забастовка горняков, английское правительство обвинило в ее разжигании Коминтерн, управляемый из Москвы. Вслед за этим были выдвинуты новые обвинения — в разветывании Советским Союзом широкой антианглийской пропаганды как на территории самой Великобритании, так и за ее пределами, в частности в Китае, где СССР действовал в ущерб британским интересам, оказывая военную поддержку правительству Гоминьдана. Москва обвинялась и в сознательных нарушениях условий англо-советского торгового соглашения 1921 г. Все эти обвинения были суммированы 23 февраля 1927 г. в ноте министра иностранных дел О. Чемберлена, адресованной советскому правительству. “Нота Чемберлена”, составленная в необычном для дипломатической практики грубом, вызывающем тоне, угрожала СССР разрывом не только торговых, но и дипломатических отношений, если последний не прекратит подрывать устои Британской империи.

Вскоре от угроз в Англии перешли к действиям. 12 мая был осуществлен полицейский захват в Лондоне помещения Всероссийского кооперативного акционерного общества (АРКОС, *All Russian Cooperative Society Limited, ARCOS*), работавшего в Великобритании с 1920 г. в интересах развития советско-английской торговли. Полиция конфисковала всю документацию АРКОС с целью обнаружения доказательств подрывной работы этой организации. А спустя две недели, 27 мая 1927 г., британское правительство объявило о разрыве торговых и дипломатических отношений с СССР.

Наращение напряженности в это время наблюдалось и в отношениях СССР с Францией,

¹¹ Доклад Радека и его обсуждение носили закрытый характер. По этой причине последующая публикация была осуществлена с целым рядом купюр [3, сс. 31-74].

где в середине 1926 г. к власти вернулись правые во главе с Р. Пуанкаре. Новое правительство сорвало подписание подготовленного предыдущим правительством “Левого блока” франко-советского соглашения о долгах и кредитах. В правой прессе раздавались призывы к разрыву установленных в 1924 г. дипломатических отношений с Советским Союзом, как это сделала Великобритания. Правда, Пуанкаре все же не пошел на этот шаг. Тем не менее в Париже продолжались обвинения в адрес СССР и Коминтерна в попытках дестабилизации внутреннего положения во Франции.

В это же время все более высокую активность проявляла созданная на Балканах в 1924 г. генералом П.Н. Врангелем из остатков его армии военизированная организация — Русский общевоинский союз (РОВС), где вынашивались планы подготовки вторжения в СССР и устраивались отдельные террористические акции на его территории. Громкий международный резонанс получило убийство 7 июня 1927 г. в Варшаве советского полпреда в Польше П.Л. Войкова. Однако доказать причастность Б. Коверды, убийцы Войкова, к РОВС или другой белоэмигрантской организации не удалось.

Так или иначе, но вопрос о возможности новой военной интервенции воспринимался советским руководством весьма серьезно, хотя, видимо, на этот счет там не было единого мнения. Упомянувшийся уже К. Радек поместил в декабрьском номере журнала “Мировое хозяйство и мировая политика” за 1926 г. статью под говорящим названием “Угрожает ли нам интервенция?”, где отвечал на им же поставленный вопрос утвердительно.

Противоположную точку зрения высказал в предыдущем, октябрьско-ноябрьском номере того же журнала тогдашний генеральный секретарь Профинтерна и член Президиума Исполкома Коминтерна С. Лозовский. Он был убежден, что в ближайшем будущем интервенция невозможна.

С ИМХП тесно сотрудничал еще один видный деятель большевистской партии, член ЦК ВКП(б) Х.Г. Раковский, бывший Председатель Совнаркома УССР, затем полпред в Великобритании и Франции. В 1926 г. по заказу ИМХП он подготовил брошюру “Лига наций и СССР”. В этом же году Раковский поместил две статьи в журнале “Мировое хозяйство и мировая политика”: “Локарнский договор и его последствия” (№ 1) и “Международное положение” (№ 2).

Упомянутый журнал начал регулярно выходить с приходом в Институт Н. Осинского. В обращении к читателям, помещенном в первом номере журнала за 1926 г., его редакционная коллегия (Н.В. Осинский¹², Ф.А. Ротштейн, Е.А. Преображенский, Е.Б. Пашуканис, М.И. Спектатор) высказала надежду на то, что “совместными усилиями удастся поднять журнал на такую высоту, когда он сможет стать необходимым для всякого политического и общественного работника Союза [ССР] изданием и источником сведений, который поможет дать широким массам трудящихся углубленную информацию и понимание международных вопросов” [ист. 4, с. 4].

В отчете о работе за 1926 г. по этому поводу говорилось: «Институт принял под свое руководство журнал “Международная Летопись” и превратил его из сборника документов и хроники в большой экономико-политический журнал по основным проблемам мирового хозяйства и мировой политики. С сентября до конца прошлого года были изданы 5 книжек, или 48 журнальных листов. С начала 1926 г. журнал поменял свое название на “Мировое хозяйство и мировая политика”, и в текущем году вышло уже 5 книжек, или 49 журнальных листов. Шестая книжка подготовлена к печати и на днях выйдет [...] Надеемся начать с будущего года выпуск “Ежегодника мирового хозяйства и мировая политика”» [ист. 2].

Тематика публиковавшихся в журнале материалов распределялась по следующим рубрикам: общетеоретические статьи по актуальным вопросам мирового хозяйства и международной политики; научные исследования по вопросам, изучавшимся в ИМХП; регулярные конъюнктурные обзоры положения в различных странах мира, а также в отдельных отраслях экономики; новинки иностранной литературы по мировому хозяйству и мировой политике; публикация документов по основным актуальным проблемам мирового хозяйства и мировой политики; статистические данные и таблицы.

Н. Осинский обязал всех научных сотрудников Института “регулярно представлять для напечатания в журнале как свои научные работы (доклады, прочитанные в Институте), так и статьи, касающиеся наиболее важных моментов, прорабатываемых ими международных проблем

¹² С середины 1926 г. Н. Осинский занял пост главного редактора журнала.

и важнейших событий хозяйственной жизни и иностранной политики изучаемых ими стран” [ист. 2].

Помимо сотрудников Института, журнал был открыт и для внешних авторов, среди которых были руководящие партийные работники — К. Радек, Е. Преображенский, С. Лозовский, Ф. Раскольников и др. А в своем первом номере за 1926 г. журнал поместил статью опального Льва Троцкого. Бывший председатель Реввоенсовета РСФСР и бывший народный комиссар по военным и морским делам СССР, проигравший Сталину борьбу за власть, но пока еще остававшийся в составе ЦК ВКП(б), попытался обосновать тезис о падении роли Европы в системе капитализма. Он даже утверждал, что “капитализм в Европе полностью изжил себя” и что в обозримой перспективе европейский пролетариат (“соединенные социалистические штаты Европы”) в союзе с СССР и с “восставшим кабальным Востоком вырвет контрольный пакет мирового хозяйства из рук американского капитала и заложит основы федерации социалистических народов всего земного шара” [4, сс. 5-32].

Этот спорный тезис вызвал в экономическом сообществе оживленную дискуссию, в которой приняли участие и сотрудники ИМХП. В последующих публикациях журнала “Мировое хозяйство и мировая политика” было статистически показано, что отмеченное Троцким падение доли Старого Света в мировом производстве, на чем он строил свое утверждение о “закате Европы”, не только приостановилось, но и начало расти, правда, с помощью США.

С момента создания ИМХП определил себя как научно-исследовательский центр. В одном из отчетных документов, составленных Н. Осинским, подчеркивалось: “Считаем необходимым

еще раз подчеркнуть, что Институт отнюдь не занимается проблемами конъюнктурного характера, а исключительно исследовательской работой” [ист. 2].

С 1926 г. постепенно начала налаживаться научно-экспертная работа по запросам центральных партийных и советских органов. Институт направлял аналитические записки в ЦК ВКП(б), в секретариат председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова, в Московский комитет партии и в Коминтерн. Правда, в первые два-три года существования ИМХП эта работа носила эпизодический характер. Системный характер она приобретет после того, как в Институт придет Евгений Самуилович Варга.

В середине 1927 г. Н. Осинский вынужден был покинуть ИМХП и целиком сосредоточиться на работе в ЦСУ и Госплане. Ко времени его ухода в Институте числилось 23 сотрудника: 17 собственно научных сотрудников и 6 — научно-технических (библиотекари, архивариусы, машинистки) [ист. 2], что было совершенно недостаточно для решения возложенных на Институт задач. Немногочисленный ИМХП в то время скорее напоминал не НИИ, а лабораторию, где каждый сотрудник занимался собственной темой, а не общей для всего научного коллектива проблемой.

Некоторое время Институт оставался без директора, пока в декабре 1927 г. туда не перешел из Коминтерна венгерский политэмигрант Евгений Варга, к тому времени уже авторитетный экономист-международник. Именно при нем Институт мирового хозяйства и мировой политики превратится в полноценный научно-исследовательский центр, который во всем мире станут уважительно называть двумя словами — Институт Варги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Оболенская С.В. *Дети Большого террора*. Москва, Аграф, 2013. 248 с.
Obolenskaya S.V. *Children of the Great Terror*. Moscow, Agraph, 2013. 248 p. (In Russ.)
2. Каплан В.И. *Важнейшие события международной жизни и деятельность Института мирового хозяйства и мировой политики (1925–1948 гг.)*. Москва, ИМЭМО, 1991. 148 с.
Kaplan V.I. *The most important events in international life and the activities of the Institute of World Economy and World Politics (1925–1948)*. Moscow, IMEMO, 1991. 148 p. (In Russ.)
3. Радек К. Стабилизация капитализма. *Мировое хозяйство и мировая политика*, 1926, № 10-11, сс. 31-74.
Radek K. Stabilization of Capitalism. *World Economy and World Politics*, 1926, no. 10-11, pp. 31-74. (In Russ.)
4. Троцкий Л. Европа и Америка. *Мировое хозяйство и мировая политика*, 1926, № 1, сс. 5-32.
Trotsky L. Europe and America. *World Economy and World Politics*, 1926, no. 1, pp. 5-32. (In Russ.)

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / *SOURCES*

1. *Российский государственный архив социально-политической истории*. Фонд 17. Опись 3. Дело 545.
Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 3. Case 545. (In Russ.)
2. *Архив Российской академии наук*. Фонд 354. Опись 1. Дела: 2, 15. Опись 3. Дела: 2, 3.
Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 354. Inventory 1. Cases: 2, 15. Inventory 3. Cases: 2, 3. (In Russ.)
3. “Вскрыть через 25 лет”. (Предсмертные записки Е.С. Варги). *Полис. Политические исследования*, 1991, № 3, сс. 148-162.
“Open in 25 years.” (Notas mortem of E.S. Varga). *Polis. Political studies*, 1991, no. 3, pp. 148-162. (In Russ.)
4. От Редакции. *Мировое хозяйство и мировая политика*, 1926, № 1, с. 4.
From the Editor. *World Economy and World Politics*, 1926, no. 1, p. 4. (In Russ.)

ВОКРУГ КНИГ

EDN: MKZGVD

КОГДА СЕРЕДИНА СТАНОВИТСЯ ЗОЛОТОЙ...

© 2025 г. В.Б. Кувалдин

ДАВЫДОВ В.М. Концептуальное позиционирование в русле регионоведения. Опыт латиноамериканистики и не только... Москва, Изд-во "Весь мир", 2023. 152 с.

КУВАЛДИН Виктор Борисович, доктор исторических наук, профессор,
ORCID 0009-0003-4560-7295, kuvaldin@mse-msu.ru
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (МШЭ МГУ), РФ, 119991 Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 61.

Рецензия поступила 25.08.2024. Принята к печати 09.10.2024.

Ключевые слова: латиноамериканистика, страноведение, регионоведение, глобалистика, научная школа.

WHEN THE MIDDLE BECOMES GOLD...

DAVYDOV V.M. Conceptual Assessment within Framework of Area Studies. The Experience of Latin American Studies and not only... Moscow, Ves' Mir, 2023. 152 p. (In Russ.)

Victor B. KUALDIN,
ORCID 0009-0003-4560-7295, kuvaldin@mse-msu.ru
Moscow School of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University (MSE-MSU), 1, Bldg. 61, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.

Received 25.08.2024. Accepted 09.10.2024.

Keywords: Latin America studies, country studies, area studies, global studies, the school of thought.

About author:

Victor B. KUALDIN, Dr. Sci. (History), Head of Department.

Сравнительно небольшая, но емкая монография профессора, члена-корреспондента РАН В.М. Давыдова "Концептуальное позиционирование в русле регионоведения", по-видимому, первая в своем роде в отечественной литературе. Похоже, пока она остается достоянием ограниченного круга специалистов по Латинской Америке. Между тем работа заслуживает внимания всего сообщества российских международных. За громоздким и несколько неуклюжим названием таится нетривиальное содержание.

Книгу сразу выделяет смелый, амбициозный замысел. Целью автора было через призму регионоведения поставить ряд актуальных проблем всего комплекса наук о современном мире и даже российского обществоведения в целом. Чтобы не быть голословным, обратимся к тексту.

Естественно, что в качестве объекта и инструмента исследования автор, один из столпов

отечественной — и не только — латиноамериканистики, выбрал до боли знакомый регион. Серьезным плюсом этого выбора было "возведение в квадрат" такой важной характеристики задуманного исследования, как срединность. Промежуточное положение регионоведения в классической триаде страноведение—регионоведение—глобалистика оказалось помноженным на срединное положение Латинской Америки в мировой табели о рангах, которое определяется приблизительным совпадением ее удельного веса в мировом населении и глобальном ВВП.

Не будучи в состоянии похвастаться принадлежностью к славному цеху латиноамериканистов, постараюсь ограничить свои суждения о регионе абсолютным минимумом. Тем более что в книге много такого, что выходит за рамки регионоведческой специализации и представляет общезначимый интерес.

Несмотря на должное смирение, все же полностью удержаться от произвольных выходов на сложнейшую латиноамериканскую ниву просто невозможно. Так, производят совершенно ошеломляющее впечатление приведенные автором выводы из длинных статистических рядов, построенных на расчетах специалистов ИМЭМО РАН (с. 59). Оказывается, что в XX в. абсолютный мировой рекорд наращивания производства принадлежит Бразилии. В предыдущем столетии ее ВВП увеличился в 78 раз. На фоне фантастических успехов латиноамериканского гиганта меркнет даже прославленное “японское чудо”. Соответствующий показатель страны Восходящего солнца составляет 44.7.

Японии дышат в затылок другие крупные страны региона: Колумбия (41.7), Мексика (40.9), Перу (40.0). Даже “тихоход” Аргентина с ее плотно приклеившимся ярлыком неудачницы века выглядит вполне прилично: 21.1 при среднемировом показателе 18.0.

Солидность расчетов аналитиков ИМЭМО косвенно подтверждает такой признанный авторитет в области мировой экономической истории, как А. Мэдисон. По его данным, с 1913 по 1998 г. доля Латино-Карибской Америки (ЛКА) в мировом ВВП увеличилась почти вдвое, с 4.5 до 8.7% (для сравнения: Азия, правда, исключая Японию, с 21.9 до 29.5%) (с. 57).

Здесь у неспециалиста по региону сразу возникает рой недоуменных вопросов. Когда и как это произошло? Вряд ли страны ЛКА сделали такой рывок в последней четверти века с их “провальными” 80-ми годами и серией кризисов, поразивших крупнейшие экономики региона — мексиканскую, бразильскую, аргентинскую — на исходе столетия.

Что им так помогло в начале и середине бурного века? Первое, что приходит на ум, — мир. В сущности, две мировые войны обошли далекий от Евразии континент стороной. Когда остальные азартно уничтожали экономический потенциал друг друга, он мог спокойно наращивать мускулы, поставляя продукцию воюющим сторонам. Да и в самой Латинской Америке царил мир, если не считать единственную Чакскую войну между Боливией и Парагваем (1932–1935 гг.). Миротворительный настрой темпераментных латиноамериканцев позволял сильно экономить на военных расходах.

Наверное, развитие хозяйственного взаимодействия серьезно облегчала культурная гомо-

генность региона. Общая история от конкисты до национально-освободительных войн начала XIX в. и далее “со всеми остановками”, два родственных языка, одна религия. В глобальном мире, где наличие или отсутствие культурных барьеров приобретает все возрастающее значение, эту сторону дела никак нельзя недооценивать.

А как быть с квалификацией латиноамериканского капитализма как периферийно-зависимого? Уж она-то вроде бы должна тормозить, а не стимулировать экономический рост. Боюсь, что здесь нам придется, похоронив идеологические стереотипы времен холодной войны, вновь вернуться к вопросу о роли Соединенных Штатов в хозяйственном развитии Западного полушария.

Если вышеназванные количественные показатели прочно утвердятся в научном обороте, то не будет ли с чисто экономической точки зрения более корректно именовать XX в. не американским, а латиноамериканским? Вопросы, вопросы, вопросы... К сожалению, автор, высококвалифицированный экономист, не спешит здесь на помощь любознательному, но малосведущему читателю.

Впрочем, его можно понять. Основной пафос книги не в этом. Владимир Михайлович старается через магический кристалл латиноамериканистики идентифицировать ключевые проблемы глобального мира и их отражение в современной науке.

Он исходит из того, что мировое сообщество вступило в полосу кардинальных перемен с неясной перспективой. Здесь сошлось многое: смена технологического уклада, социальные трансформации, геополитическая конфронтация, институциональная реорганизация экономики и общества, энергетический переход, революция в военном деле, переплетение и обострение глобальных проблем, ставших экзистенциальной угрозой существованию человечества.

Этот “поликризис” бросает вызов всем значимым игрокам, действующим на разных уровнях глобального социума и мировой политики. А для науки это означает критическую оценку и переосмысление многих базовых понятий и категорий, на которых строятся наши представления об окружающем мире.

В зреющем перевороте в нашем понимании того, как устроен и функционирует современный мир, автор возлагает большие надежды на

регионоведение. Трезво оценивая состояние дел в сегодняшней латиноамериканистике, он постулирует, что она (как, вероятно, другие регионоведческие школы) достигла той стадии зрелости, "...когда научная мысль невольно обращается к поиску и использованию концептуальных резервов, к систематизации творческих достижений внутри собственной специализации и в границах смежных школ" (с. 7).

Выход на этот уровень дался ей нелегко, ее путь не был усыпан розами, особенно в постсоветский период. Вместе со всей нашей фундаментальной наукой она страдала от хронического недофинансирования, утраты властями предержащими всякого интереса и уважения к процессу познания как таковому. Еще опаснее и губительнее для научного поиска было крушение всей системы координат отечественного обществоведения. Внутрироссийская "холодная война", отравившая общественный климат 90-х годов прошлого века, никак не могла обойти стороной сильно политизированное сообщество латиноамериканистов. В наиболее вирулентной форме она проявилась во внутренней жизни его мозгового центра, Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, который Владимир Михайлович как раз возглавил в середине десятилетия, победив на конкурсных выборах директора (1995 г.). Так что ему пришлось "собирать камни" на этой неблагодарной ниве, возвращать академическую жизнь на вверенной территории в более-менее нормальное русло.

В апелляции к регионоведению автор ни в коем случае не забывает другие уровни научных исследований, на которых плодотворно трудятся ученые-международники. Он всегда их подает в вышеозначенном триединстве: страноведение—регионоведение—глобалистика. Этот сильный и плодотворный подход — его выношенная, даже выстраданная позиция (с. 8, 24).

В этом животворном триединстве все равны, но, как говорится, одни более равны, чем другие. В. Давыдов настойчиво выделяет связку регионоведение—глобалистика, отводя страноведению второстепенную роль. Настолько второстепенную, что иногда он себе позволяет уничижительные характеристики типа "страноведческое гетто" (с. 82, 134).

Чем же провинилось это славное направление исследовательской работы, долгое время преобладавшее в подготовке отечественных научных и практических работников в сфере меж-

дународных отношений? Первый аргумент автора, что оно очень трудоемкое. Ссылаясь на опыт ИЛА, он говорит о невозможности ограниченными наличными силами полноценно покрыть всю страноведческую проблематику большого континента (сс. 80-81). Есть у него в запасе и другой, прямо не высказанный, но явно подразумеваемый аргумент. Судя по всему, автор полагает, что глубокое погружение в страновую реальность сковывает творческий потенциал ученого, обрекает его на низкий научный горизонт.

Это действительно серьезная проблема. В Европе и тем более в Африке стран не меньше, чем в Латинской Америке, а "штыков" в соответствующих академических институтах вряд ли намного больше, чем в ИЛА. Вообще в мире больше 200 государств, и число их растет. И даже самые маленькие из них представляют собой довольно любопытные кейсы. Они не могут похвастать экономической или военной мощью, но порой играют значительную роль в мировой финансовой системе. Или в особо актуальной климатической повестке дня. Да и в Генеральной Ассамблее ООН все голоса равны.

Похоже, страноведение во многом оказалось жертвой бурного развития глобалистики, не всегда оправданно смещающей акценты в сторону предельно широких обобщений. Скажем, люди моего — и Владимира Михайловича — поколения еще застали то время, когда в нашей науке доминировали сильные страноведческие школы, в основном занимавшиеся Европой. Сегодня это скорее привилегия избранных: США, Китай. Другие времена, другие песни.

Все-таки полагаю, что страноведческий компонент триады ни в коем случае нельзя культивировать по остаточному принципу. Нравится это нам или нет, но это фундамент, на котором строится все остальное. Он незаменим и в профессиональной подготовке, и в дальнейшей практической деятельности. Другое дело, что для того, чтобы быть по-настоящему успешным и в академической жизни, и в других сферах бытия, необходимо интенсивно осваивать и средние, и верхние этажи геополитического мироздания.

В монографии В. Давыдова глобалистике и ее предмету — глобализации — повезло гораздо больше, чем страноведению. Прежде всего потому, что в отечественном регионоведении он видит перспективный "...общий тренд — совмещение анализа региональной (а постольку

и страноведческой) и глобальной проблематики” (с. 134).

В этой связи в книге высказывается ряд интересных суждений о глобализации. Автор справедливо не приемлет ныне модный тезис, что глобализация мертва (с. 116). Куда более взвешенным и плодотворным представляется суждение академика В.В. Наумкина: сегодня наряду с глобализацией присутствует противоположный, контрглобализационный тренд. Они разнесены по разным сферам международной жизни: геополитика против глобальной экономики, что угрожает сегментацией и даже фрагментацией мировых рынков (с. 30, 116).

Основную причину геополитических пертурбаций последних лет автор видит в стратегии Запада, направленной на сохранение ускользающей гегемонии. Он пишет: «Ее смысл — если нельзя обратить вспять процесс восхождения альтернативных центров, то нужно как минимум его затормозить, заставив работать “на полных оборотах” остающиеся собственные конкурентные преимущества, а чужие работать “вхолостую”» (с. 119). В другом месте он с грустью и тревогой замечает, что невосполнимой потерей разгоревшейся геополитической конфронтации стала перспектива выхода ЛКА на траекторию устойчивого развития (с. 113).

Значительно более дискуссионным представляется другое суждение автора о внутренней структуре современного миропорядка. Он полагает, что на смену жестким моделям экономических и политических объединений идет ситуативное партнерство, нацеленное на решение конкретной задачи (с. 29). Задача задачи — рознь, многие из них настолько сложны и объемны, что требуют прочного, долговременного сотрудничества на перспективу с надежным международно-правовым оформлением.

При всем уважительном отношении автора к глобалистике его сердце отдано регионалистике. В объяснение и оправдание своих пристрастий он приводит ряд весомых доводов. Первый и, возможно, самый существенный: в условиях начавшегося перехода к полицентричности объективно растет значение региональной проблематики. Прогрессирующая дифференциация мирового пространства превращает регионоведение в своего рода мост между глобалистикой и комплексным страноведением. Интегральный характер регионалистики предполагает междисциплинарный подход к объекту исследования.

И это не все. Само регионоведение включает в себя два, если не три в одном. Оно дает нам неоценимое, комплексное знание о регионе как теоретическую основу практической деятельности. В то же время накопленный багаж знаний имеет самостоятельную ценность, поскольку закладывает фундамент для формирования научных школ. А научные школы не только обеспечивают преемственность и обновление в процессе познания мира, но и служат уникальным инструментом осмысленного развития общества. По сущностному утверждению автора, они, вступая в стадию зрелости и активно взаимодействуя между собой, самореализуются не как вещи в себе, а как живая материя, движущаяся в потоке исторического времени (с. 17, 111, 132, 134, 135, 136).

При таком холистическом видении предмета неудивительно, что регионалистика присутствует в книге одновременно в двух измерениях — как определенная реальность и ее отражение в научном дискурсе. Если начать “от печки”, то первой фундаментальной проблемой является выработка критериев регионального членения глобального пространства. Здесь позиция автора не совсем ясна и понятна. Он не ставит под сомнение традиционное представление о регионе как определенном географическом пространстве, объединенном общностью, родством экономических, политических, идеологических процессов. В то же время поднимает на щит цивилизационный подход, предполагающий комплексное видение региона, аналитическое со вмещение материальных и духовных ипостасей человеческого бытия (с. 36, 39, 41).

Все это выглядит очень заманчивым. Проблема в том, что эти два подхода далеко не всегда гармонично сочетаются друг с другом. Например, Восточная или Южная Азия, несмотря на относительно небольшое число государств, — полицивилизационные регионы. Да и те регионы, которые ранее считались цивилизационно однородными — европейский или североамериканский, ныне утрачивают или, по меньшей мере, серьезно трансформируют былую однородность и идентичность.

Латиноамериканская цивилизация также затронута этим процессом переплавки в горниле глобального мира. Сам автор упоминает такой примечательный факт: в регионе, слывшем твердыней католицизма, протестантские секты отвоевали значительную часть паствы (по досто-

верным оценкам, не менее 30%. — В.К.). В качестве вероятной причины их успеха Владимир Михайлович обозначает поддержку единоверцев из США (с. 127).

Конечно, “американский фактор” во всей его полноте никогда и нигде нельзя сбрасывать со счетов. Все-таки рискну предположить, что наиболее действенным мотором перемен в данном случае выступила другая сила. А именно латиноамериканские женщины. Дело в том, что протестантизм, в отличие от католицизма, акцентирует идею личной ответственности человека за себя и своих близких. В регионе, пропитанном мачизмом, женщины первыми оценили ее преобразующий потенциал с точки зрения семейного благополучия. А вслед за ними потянулись и мужчины.

В свете вышесказанного представляется наиболее целесообразным в идентификации регионов использовать в качестве базового принципа традиционные экономико-географические критерии в сочетании с историческим подходом, а цивилизационные характеристики привлекать в качестве важнейшего дополнения. Впрочем, похоже, что в своих конкретных исследованиях автор действует именно таким образом. Об этом свидетельствуют выделенные им три архетипичные матрицы социально-экономического развития различных субрегионов ЛКА: гибридная, плантационного рабства и переселенческая (сс. 39-40).

В остальном в характеристике “вверенного” ему региона В. Давыдов довольно скуп. Он считает правомерным и оправданным традиционное включение ЛКА в огромный и разношерстный массив развивающихся стран, или “третьего мира”, как он именовался в годы холодной войны (с. 36). Безусловно, ему виднее, но тень сомнения все же остается. Ведь и тогда, в отличие от основной части этой бывшей колониальной периферии, государства ЛКА были странами среднего уровня развития. К тому же вспомним о впечатляющих экономических достижениях этого региона в XX в., о которых говорилось выше. Справедливости ради отмечу, что эта проблематика живо дебатировалась в отечественной латиноамериканистике начиная с советских времен, но, по-видимому, по-прежнему остается в числе дискуссионных (сс. 54-56). Правда, эту тему можно оставить историкам, поскольку автор справедливо говорит о далеко зашедшей социально-экономической диверсификации этого наиболее весомого компонента глобального мира (с. 38).

Сильно диверсифицирована и сама ЛКА. Она “... уникальна тем, что имеет парадоксальное сочетание несомненной цивилизационной общности и широкого диапазона национальных ситуаций, демонстрирующих разность исходных матриц” (с. 41). В этих национальных казусах представлено все многообразие моделей организации социумов глобального мира, от первобытных до ультрасовременных. Они различаются по характеру внешней среды и природным богатствам, этнорасовому составу, уровню экономического развития и степени стратификации общества, прочности системообразующих институтов (с. 41, 42).

Латиноамериканская реальность предоставляет автору уникальный материал для размышлений на такую общезначимую тему, как борьба правой и левой альтернатив в макроэкономической политике национальных государств. Несмотря на явную принадлежность автора к левому лагерю, Владимир Михайлович старается быть по-научному объективным, чтобы вместе с грязной водой не выплеснуть и младенца. Так, он видит в Вашингтонском консенсусе немало рациональное зерно, призванное оздоровить и упорядочить государственные финансы (с. 70). Констатирует, что в конечном счете “суть дела сводилась к расчистке экономического и социального пространства для глобализирующегося капитала” (с. 86). В то же время подчеркивает, что на раскаленном континенте поворот к неолиберальной экономической политике шел рука об руку с установлением диктаторских, репрессивных режимов (сс. 50-51).

Еще одной общезначимой темой, для размышлений над которой многогранный латиноамериканский опыт дает обильную пищу, является “глобальное зазеркалье”, или “подпочвенная” реальность, как ее именует автор. Сюда он относит не только криминалитет, но и операции спецслужб, чужающиеся публичности влиятельные конфессиональные сообщества и секты, сросшееся с мафией предпринимательство (с. 108). Отдельно выделен сюжет о роли армии в общественно-политической жизни региона (с. 54).

Последнее в порядке перечисления, но не по важности. В набившем оскомину противопоставлении науковедения и наукометрии автор, полагаю, на правильной стороне истории (с. 8, 136). Научную деятельность, также как и Россию, “аршином общим не измерить”. В оценке ее результатов можно использовать

количественные показатели, но они должны знать свое место, играть вспомогательную роль. В конце концов каждый серьезно работающий в мире науки знает, кто чего стоит “по гамбургскому счету”. Поэтому в академических делах наиболее веское слово должно принадлежать самим ученым.

В заключение своего повествования В. Давыдов сжато перечисляет основные концептуальные разработки отечественной латиноамери-

канистики. Этот не короткий список выглядит внушительно и достойно (с. 137). Абсолютно уверен, что другим нашим регионоведам есть что предъявить в ответ. Было бы здорово, если бы их ведущие представители сделали что-то подобное на своем материале. Тогда бы все мы получили объемное, стереоскопическое представление о фундаментальной работе, проделанной отечественной наукой на этом направлении государственной важности.